

Женщина по обе стороны решётки: между справедливостью и стойкостью

**Женщина по обе стороны
решётки: между
справедливостью и
стойкостью**

Кишинэу 2026

Этот отчет был подготовлен Общественной ассоциацией AFI (Act for Involvement) в партнерстве с Национальной администрацией пенитенциарных учреждений в рамках проекта «Женщины по обе стороны решётки: между справедливостью и стойкостью», финансируемого грантом, предоставленным Институтом освещения войны и мира (IWPR) при поддержке правительства Соединённого Королевства. Мнения, выводы и констатации, представленные в данном отчете, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения IWPR или правительства Соединённого Королевства.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Мы выражаем признательность Национальной администрации пенитенциарных учреждений за содействие и предоставление доступа в учреждения и за постоянную поддержку в ходе исследовательского процесса, включая активное участие в обсуждении предварительных выводов отчета и значительный вклад в валидацию данных и формулирование рекомендаций в рамках совместного семинара.

Мы также благодарим Общественную ассоциацию «Pas cu PAS, regiunea Sud» и экспертов из гражданского общества, участвовавших в сборе и анализе данных, а также в формулировании рекомендаций.

Мы ценим вклад женщин, находящихся в заключении, которые открыто поделились своим опытом, предоставив важную точку зрения на задокументированные реалии. В равной степени мы благодарим персонал пенитенциарных учреждений – женщин и мужчин – за постоянное сотрудничество, оказанную поддержку, а также за открытость и активное участие в сборе данных.

Мы благодарим команду авторов за вклад в написание, аналитическую оценку и пересмотр отчета в соответствии с высокими стандартами качества, с соблюдением требований точности, последовательности и методологического соответствия.

АВТОРЫ

Светлана Долту, директор Общественной ассоциации AFI

Ана Чобану, независимый консультант

Серджиу Кугут, координатор проекта, Общественная ассоциация AFI

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность	3
Авторы	3
Содержание	3
Список рисунков	5
Список таблиц	7
Сокращения и аббревиатуры.....	8
Резюме	9
Общие положения	11
Дизайн исследования	13
Цель исследования	13
Задачи исследования.....	13
Место проведения исследования	13
Методология	14
Этические аспекты	17
Жизнь в заключении: восприятие и опыт женщин, лишенных свободы	18
Общие характеристики.....	18
Контекст содержания под стражей.....	19
Условия содержания в местах лишения свободы	22
Достоинство, дискриминация и насилие.....	26
Отношения с персоналом исправительного учреждения	32
Медицинские услуги	33
Состояние психического здоровья и благополучия.....	37
Психоэмоциональный профиль женщин, находящихся в местах лишения свободы	41
Депрессия — измерение эмоциональной нагрузки.....	41
Тревожность — измерение эмоциональной нагрузки.....	48
Стресс — измерение эмоциональной нагрузки.....	53
Голос женщин-заключенных: основные проблемы и ожидаемые изменения	59
Воспринимаемые потребности в поддержке для перехода к жизни в обществе после освобождения	62
Образ женщин-заключенных в представлении персонала исправительных учреждений	63
Мнение сотрудников пенитенциарных учреждений: восприятие справедливости и профессиональной среды.....	69
Общие характеристики.....	69
Условия труда и гендерное равенство	71
Равенство и профессиональные преимущества	71
Профессиональное продвижение	76
Домогательства, насилие и дискриминация на рабочем месте	82

Психоэмоциональное состояние персонала пенитенциарных учреждений.....	94
Депрессия в профиле эмоциональной нагрузки персонала	94
Тревожность в профиле эмоциональной нагрузки персонала	98
Стресс в профиле эмоциональной нагрузки персонала	101
Профиль синдрома выгорания среди персонала	103
Основные проблемы, предлагаемые меры и оценка культуры гендерного равенства	106
Реалии нахождения в заключении для женщин и профессиональный опыт в пенитенциарной системе	109
Изнутри камер: опыт женщин-заключенных.....	109
За закрытыми дверями: опыт сотрудников пенитенциарных учреждений	112
Обсуждение.....	116
Выводы	128
Женщины, находящиеся в местах лишения свободы	128
Персонал, работающий в пенитенциарной системе	130
Рекомендации	133
Женщины, лишённые свободы	133
Персонал, в пенитенциарной системе	137
Библиография.....	139

СПИСОК РИСУНКОВ

Рисунок 1. Структура механизмов ухода за детьми у женщин, находящихся в заключении	19
Рисунок 2. Трудности, с которыми сталкиваются женщины-заклученные при поддержании связи с семьей или близкими людьми	21
Рисунок 3. Восприятие женщинами, находящимися в заключении, гендерных барьеров в доступе к посещениям и общению с семьей или близкими	22
Рисунок 4. Оценка женщинами-заклученными условий проживания и сравнение с условиями, предоставляемыми мужчинам	23
Рисунок 5. Мнение женщин-заклученных об условиях личной гигиены и равенстве обращения по сравнению с мужчинами	23
Рисунок 6. Восприятие заклченных женщин качества питания и сравнение с питанием, предоставляемым заклченными мужчинам	24
Рисунок 7. Восприятие женщинами-заклученными полезности образовательных мероприятий и гендерного равенства в доступе к труду в пенитенциарии.....	25
Рисунок 8. Восприятие отношения персонала (мужского и женского пола) к заклченным женщинам и уровень солидарности заклченных с сотрудниками пенитенциарной системы	26
Рисунок 9. Восприятие женщинами переживаний об унижении и дискриминации по признаку пола во время содержания под стражей.....	27
Рисунок 10. Восприятие женщинами-заклученными безопасности в местах лишения свободы и наличия привилегий среди лиц, находящихся в заключении	28
Рисунок 11. Восприятие обращения с другими заклченными и собственный опыт уязвимости	29
Рисунок 12. Распространенность физического насилия: до заключения и в период пребывания в заключении ...	29
Рисунок 13. Распространенность сексуального насилия: до заключения и во время заключения	31
Рисунок 14. Отношения с персоналом исправительного учреждения и восприятие дифференцированного обращения по гендерному признаку	32
Рисунок 15. Восприятие в отношении уважительного обращения при взаимодействии и источников опасных или неприятных ситуаций в местах лишения свободы	33
Рисунок 16. Мнение женщин-заклученных о доступе к общим медицинским услугам и предполагаемые причины их недостаточности.....	34
Рисунок 17. Восприятие заклченных женщин в отношении доступа к гинекологическим консультациям и уровня удовлетворения потребностей в области репродуктивного здоровья в пенитенциарном учреждении	35
Рисунок 18. Частота ситуаций, повлиявших на эмоциональное состояние женщин в местах лишения свободы, и факторы, воспринимаемые как источник запугивания, контроля или неуважения	37
Рисунок 19. Доступ к услугам по охране психического здоровья и степень удовлетворения эмоциональных потребностей среди женщин, находящихся в местах лишения свободы	38
Рисунок 20. Воспринимаемый стресс и доминирующие мысли у женщин в заключении за последние две недели	39
Рисунок 21. Доминирующие заботы и утренние эмоциональные переживания, испытываемые женщинами-заклученными в течение последних двух недель	40
Рисунок 22. Качество ночного сна и тревожные сновидения у женщин, находящихся в местах лишения свободы, за последние две недели	41
Рисунок 23. Уровень депрессии среди женщин-заклученных, DASS-21	42
Рисунок 24. Уровень тревожности среди женщин-заклученных, DASS-21	48
Рисунок 25. Уровень стресса среди женщин-заклученных, DASS-21	54
Рисунок 26. Основные проблемы, выявленные женщинами, находящимися в местах лишения свободы	60
Рисунок 27. Воспринимаемые изменения для улучшения условий содержания женщин в местах лишения свободы	61
Рисунок 28. Области поддержки, обозначенные женщинами в заключении на период после освобождения	63
Рисунок 29. Считаете ли вы, что к женщинам, находящимся в заключении, относятся иначе, чем к мужчинам-заклученным в пенитенциарной системе? (%)	64
Рисунок 30. Трудности, с которыми сталкиваются женщины, находящиеся в заключении, по мнению сотрудников пенитенциарных учреждений (%)	65
Рисунок 31. Восприятие поведения женщин-заклученных с точки зрения персонала пенитенциариев, (%)	66
Рисунок 32. Считаете ли вы, что женщины, находящиеся в заключении, более склонны к эмоциональной манипуляции или деструктивному поведению, чем мужчины-заклученные? (%)	67
Рисунок 33. Какие меры вы считаете необходимыми для улучшения условий содержания под стражей и соблюдения прав женщин, находящихся в пенитенциарных учреждениях? (%)	68

Рисунок 34. Мнение женщин: кто получает больше выгоды или находится в более выгодном положении в следующих аспектах деятельности в пенитенциарном учреждении?	72
Рисунок 35. Мнения мужчин: у кого больше преимуществ или находится в более выгодном положении в следующих сферах деятельности в пенитенциарии?	73
Рисунок 36. Если бы вы могли изменить только один аспект, связанный с гендерной справедливостью в вашем учреждении, чтобы это было? (%)	74
Рисунок 37. Если бы вам пришлось описать общую атмосферу в учреждении, в котором вы работаете, какие слова инстинктивно пришли бы вам на ум? (%)	75
Рисунок 38. Если бы вам пришлось описать, что больше всего поощряется в учреждении, в котором вы работаете, что, по вашему мнению, действительно ценится? (%)	75
Рисунок 39. Что, по вашему мнению, больше всего влияет на шансы на продвижение по службе в пенитенциарной системе? (%)	76
Рисунок 40. В учреждении, в котором вы работаете, какие факторы, по вашему мнению, могут ограничивать доступ к руководящим должностям? (%)	77
Рисунок 41. По вашему мнению, какие сотрудники чаще всего получают повышение в учреждении, в котором вы работаете? (%)	78
Рисунок 42. За последние 5 лет вы получали повышение по службе в пенитенциарном учреждении, в котором работаете? (%)	79
Рисунок 43. Если бы вы могли дать совет женщине, желающей сделать карьеру в пенитенциарной системе, каким бы он был? (%)	80
Рисунок 44. Мнение мужчин: В профессиональной деятельности женщины в системе, какой тип поддержки, был бы наиболее полезен для того, чтобы она чувствовала себя более уверенно и эффективно на занимаемой ею должности? (%)	81
Рисунок 45. Мнение женщин: В профессиональной деятельности, какой тип поддержки был бы наиболее полезен для того, чтобы вы чувствовали себя более уверенно и эффективно на занимаемой должности? (%)	82
Рисунок 46. Гендерные представления сотрудников пенитенциариев о необходимости дополнительных усилий в профессиональном взаимодействии	83
Рисунок 47. Гендерные восприятия сотрудников пенитенциариев в отношении ситуаций унижения или игнорирования на рабочем месте	84
Рисунок 48. Гендерные восприятия сотрудников пенитенциариев в отношении неформальных комментариев, влияющих на психосоциальный комфорт	85
Рисунок 49. Доля персонала, в качестве свидетеля домогательств на рабочем месте, (%)	85
Рисунок 50. Если бы ваша коллега столкнулась с неприятной ситуацией на рабочем месте, считаете ли вы, что она точно знала бы, к кому обратиться и как поступить? (%)	86
Рисунок 51. Если бы вы стали свидетелем неудобной или оскорбительной ситуации на рабочем месте, насколько вы уверены, что учреждение отреагировало бы правильно и справедливо? (%)	87
Рисунок 52. Стали ли вы когда-нибудь жертвой оскорбительного или насильственного поведения на рабочем месте? (%)	88
Рисунок 53. Если вы сталкивались с оскорбительным поведением, то со стороны кого оно исходило? (%)	89
Рисунок 54. Расхождения между восприятием свидетелей и опытом жертв при сообщении о случаях насилия среди сотрудников	89
Рисунок 55. Распространенность случаев сексуальных домогательств и предложений, обусловленных сексуальными услугами, среди работающих женщин (%)	90
Рисунок 56. Ситуационный контекст эпизодов домогательств среди персонала, %	91
Рисунок 57. Восприятие женщин: насколько часто встречаются следующие виды домогательств или дискриминации в отношении женщин, работающих в пенитенциарной системе?	92
Рисунок 58. Восприятие мужчин: насколько часто встречаются следующие виды домогательств или дискриминации в отношении женщин, работающих в пенитенциарной системе?	93
Рисунок 59. Уровень депрессии среди персонала пенитенциарных учреждений, методология DASS-21	95
Рисунок 60. Уровень тревожности среди сотрудников пенитенциарных учреждений, методология DASS-21	98
Рисунок 61. Уровень стресса среди сотрудников пенитенциарных учреждений, методология DASS-21	102
Рисунок 62. Эмоциональное истощение как компонент синдрома выгорания	104
Рисунок 63. Деперсонализация как компонент синдрома выгорания	104
Рисунок 64. Снижение уровня самореализации - аспект синдрома выгорания	105
Рисунок 65. Синдром выгорания среди персонала	106
Рисунок 66. Каковы, по вашему мнению, три основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, работающие в пенитенциарной системе?	107

Рисунок 67. Какие конкретные меры вы бы предложили для улучшения положения женщин, работающих в пенитенциарной системе?.....	108
Рисунок 68. Как вы оцениваете текущую организационную культуру в вашем учреждении с точки зрения гендерного равенства? (%).....	109

СПИСОК ТАБЛИЦ

Таблица 1. Классификация по шкале DASS-21 для депрессии, тревоги и стресса	17
Таблица 2. Классификация уровней профессионального выгорания (MBI)	17
Таблица 3. Общие характеристики выборки: женщины, находящиеся в местах лишения свободы.....	18
Таблица 4. Судебное положение женщин, находящихся в заключении	20
Таблица 5. Социально-демографические факторы, связанные с депрессией среди женщин, находящихся в заключении	43
Таблица 6. Судебно-институциональные факторы, связанные с депрессией среди женщин-заключенных.....	43
Таблица 7. Условия жизни, гигиены и качество питания как факторы, определяющие депрессию среди женщин-заключенных	45
Таблица 8. Полезность образовательных мероприятий и возможности трудоустройства как факторы, определяющие депрессию среди женщин-заключенных.....	46
Таблица 9. Случаи жестокого обращения и дискриминации как факторы, определяющие депрессию среди женщин-заключённых	46
Таблица 10. Негативные эмоциональные состояния и доступ к консультированию – связи с депрессией среди женщин, находящихся в местах лишения свободы.....	47
Таблица 11. Социально-демографические факторы, связанные с тревожностью среди женщин-заключенных	49
Таблица 12. Судебно-институциональные факторы, связанные с тревожностью у женщин-заключенных	50
Таблица 13. Условия жизни, гигиена и питание как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных	51
Таблица 14. Полезность образовательных мероприятий и возможности трудоустройства как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных	52
Таблица 15. Опыт насилия и дискриминации как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных	52
Таблица 16. Негативные эмоциональные состояния и доступ к консультированию как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных	53
Таблица 17. Социально-демографические факторы, связанные с состоянием стресса у женщин-заключенных ...	54
Таблица 18. Судебные и институциональные факторы, связанные со стрессовым состоянием у женщин-заключенных	55
Таблица 19. Условия проживания, гигиена и питание как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключенных	56
Таблица 20. Полезность образовательных мероприятий и возможности трудоустройства как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключенных	57
Таблица 21. Пережитый опыт насилия и права как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключённых	58
Таблица 22. Негативные эмоциональные ситуации и доступ к психологической помощи как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключенных	59
Таблица 23. Социально-демографический профиль персонала	69
Таблица 24. Распределение сотрудников по занимаемой должности, месту и стажу работы в пенитенциарной системе.....	70
Таблица 25. Социально-демографические характеристики как факторы, определяющие депрессию среди персонала пенитенциарных учреждений.....	95
Таблица 26. Депрессия в зависимости от занимаемой должности и институциональной среды среди персонала пенитенциарных учреждений	97
Таблица 27. Социально-демографические характеристики как факторы, определяющие уровень тревожности среди персонала пенитенциариев	99
Таблица 28. Уровень тревожности персонала в зависимости от занимаемой должности и институциональной среды	100

СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ

Наименование	
АО АFI	Общественная ассоциация <i>AFI</i>
CEDAW	Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин
ЕКПП	Европейский комитет по предупреждению пыток
СпПТ	Совет по предупреждению пыток
DASS-21	Шкала депрессии, тревоги и стресса – 21 пункт
ОСН	Отряд специального назначения «Пантера»,
СО	Стандартное отклонение
МДП	Максимально допустимая погрешность
ДИ	Доверительный интервал
IRQ	Межквартильный размах
IWPR	Институт по освещению войны и мира
МВl	Шкала выгорания Маслах
НПО	Неправительственная организация
ОШ	Отношение шансов
НАП	Национальная администрация пенитенциарных учреждений
SPSS	Статистический пакет для социальных наук

РЕЗЮМЕ

Проект «Женщины по обе стороны решётки: между справедливостью и стойкостью» был разработан с целью документирования и сокращения гендерного неравенства в пенитенциарной системе Республики Молдова, ориентируясь одновременно на две целевые группы: женщин-сотрудниц и женщин, находящихся в местах лишения свободы. Актуальность проекта обусловлена сохраняющимися структурными неравенствами, такими как ограниченный доступ женщин к продвижению по службе, подверженность домогательствам и недостаточная эффективность механизмов институциональной защиты, а также серьезными трудностями, с которыми сталкиваются женщины-заключенные в отношении психического здоровья, доступа к услугам и справедливого обращения.

Проект осуществлялся в период с октября 2025 года по март 2026 года и включал в себя последовательный комплекс мероприятий: документальный анализ, разработку протокола и инструментов исследования, получение этического разрешения, сбор количественных и качественных данных, их тщательный анализ, подготовка отчета об исследовании, проведение семинара с участием представителей системы пенитенциарной администрации в контексте разработки плана по преодолению гендерного неравенства в системе, разработка учебной программы, разработка информационных материалов для распространения.

Исследовательский компонент, реализованный во всех 17 пенитенциарных учреждениях, охватил 200 женщин, находящихся в заключении, 275 женщин-сотрудниц и 360 мужчин-сотрудников с использованием стандартизированных анкет (DASS-21 и MBI), тематических фокус-групп и полу-структурированных интервью. Результаты показывают институциональную картину, характеризующуюся пересекающимися факторами уязвимости: женщины, находящиеся в заключении, сталкиваются с состояниями депрессии, тревоги и стресса, вызванными переживаниями унижения, дискриминации, подверженности межличностному насилию, ограниченным доступом к услугам здравоохранения, проблемами в области репродуктивного здоровья и трудностями в поддержании семейных связей. Женщины-сотрудницы, в свою очередь, сталкиваются с напряженной рабочей атмосферой, высоким уровнем эмоционального истощения, домогательствами и ощущением существенных барьеров в отношении продвижения по службе, признания и институциональной справедливости.

Целью семинара, проведенного в феврале 2026 года, было подтверждение данных исследования и определение направлений деятельности для институционального плана по обеспечению гендерного равенства. Участники подтвердили высокий уровень подверженности злоупотреблениям и домогательствам среди работающих женщин, необходимость доступа к внешним психологическим услугам, необходимость гибкости рабочего графика, а также важность обучения по вопросам гендерного неравенства при управлении вмешательствами на институциональном и системном уровнях. Для женщин-заключенных были определены такие приоритеты, как программы просвещения в области здоровья, укрепление семейных связей, диверсификация возможностей трудоустройства, улучшение условий проживания и обеспечение реального доступа к услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья. Семинар также выявил необходимость укрепления

внутренних политик по предотвращению рецидивов, домогательств и насилия, а также укрепления межведомственного сотрудничества с общественными организациями и механизмами юридической помощи, гарантируемой государством.

Обучающие мероприятия, проведенные в рамках проекта на основе учебной программы, посвященной вопросам справедливости и безопасности в местах лишения свободы, были направлены на развитие способностей работающих женщин распознавать и противостоять дискриминации, сообщать о злоупотреблениях и поддерживать баланс между профессиональной и личной жизнью. Параллельно с этим в рамках проекта был подготовлен ряд информационных материалов, предназначенных для повышения осведомленности персонала и общественности о правах человека и гендерном неравенстве в пенитенциарных учреждениях.

В целом проект демонстрирует, что гендерное неравенство в пенитенциарной среде — это не единичные явления, а структурные процессы, которые одновременно затрагивают две разные группы женщин, объединенных схожими системными уязвимостями: подверженностью дискриминации, стигматизации, дифференцированному обращению, психологическому давлению и отсутствию институциональной поддержки. Полученные данные представляют собой первое комплексное исследование в Республике Молдова, в котором сравниваются опыт женщин, находящихся в заключении, и женщин, работающих в пенитенциарной системе, что подчеркивает острую необходимость комплексных мер, последовательной политики гендерного равенства и институциональных программ психологической, профессиональной и социальной поддержки.

Благодаря открытому участию всех заинтересованных сторон и межотраслевому характеру, проект в целом и исследование в частности способствуют развитию устойчивой институциональной инфраструктуры для продвижения гендерного равенства в пенитенциарной системе, предоставляя как доказательства, так и механизмы, необходимые для реализации Национальной программы по выполнению Резолюции 1325 Совета Безопасности ООН «Женщины, мир и безопасность» на 2023–2027 годы.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Женщины, работающие в пенитенциарной системе, часто сталкиваются с неравенством, которое негативно сказывается на их личностном и профессиональном развитии, а также на психологическом состоянии. Некоторые исследования указывают на препятствия в обучении и продвижении на руководящие должности [1,2], в то время как другие подчеркивают их эффективный вклад в условиях равенства, инклюзивности и уважения достоинства [3].

В Республике Молдова пенитенциарная система по-прежнему отражает гендерное неравенство, несмотря на обязательства, принятые в рамках национальной и международной политики, в том числе Национального плана действий «Женщины, мир и безопасность» на 2023–2027 годы [4]. Ежегодные отчеты Национальной администрации пенитенциариев (НАП) не содержат достаточных данных для детального анализа, но указывают на очевидные проблемы [5,6]. По состоянию на 1 января 2026 года в НАП работали 805 женщин (офицеры, агенты, контрактный персонал), что составляло 31% от 2626,50 занятых должностей. Фактическое присутствие составило 86%, что было обусловлено длительными отпусками. Доступ женщин к руководящим должностям остается ограниченным: 12 повышений в 2025 году по сравнению с 26-ю в 2023 году, что указывает на барьеры в профессиональном росте женщин. Отсутствие данных о домогательствах и насилии на рабочем месте подчеркивает необходимость документирования и стратегических мер для создания справедливой и безопасной профессиональной среды. Совет по вопросам равенства рассмотрел только один случай предполагаемой дискриминации на рабочем месте по признакам здоровья и материнства, который был закрыт без выявления нарушений с приведением аргументов на специфические требования работы в пенитенциарных учреждениях [7]. Согласно отчету НАП, в 2025 году количество женщин на руководящих должностях незначительно сократилось (16,9% по сравнению с 17,5% в 2024 году) [8].

Женщины, находящиеся в заключении, — еще одна уязвимая группа, которую часто игнорируют в государственной политике, хотя они сталкиваются с серьезными трудностями: ограниченным доступом к услугам по охране психического здоровья, стигматизацией, насилием, домогательствами и отсутствием сочувствия [9]. По состоянию на 1 января 2025 года они составляли 5,4% от общего числа заключенных (337 взрослых и три несовершеннолетние девушки из 6334). В отчете НАП упоминаются серьезные случаи, такие как самоповреждения и попытки самоубийства, в том числе среди женщин, однако отсутствует анализ причин и последствий содержания под стражей для психического здоровья и гендерной дискриминации. Отсутствие полных данных ограничивает понимание явления, препятствует разработке политик, основанной на доказательствах, и закрепляет неравенства, что подчеркивает необходимость подхода, ориентированного на права человека и специфические потребности женщин, для сокращения неравенства [8].

Выявленные проблемы обосновывают необходимость проведения исследования для документирования представлений, потребностей и препятствий, связанных с гендерным неравенством. Результаты исследования станут основой для плана по исправлению ситуации и программ обучения сотрудников пенитенциарной системы. Благодаря такому подходу исследование будет способствовать созданию справедливой и безопасной среды в

пенитенциарных учреждениях в соответствии с национальными и международными стандартами в области гендерного равенства и демократической устойчивости.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование включало количественный и качественный анализ. Исследование проводилось в период с ноября 2025 года по январь 2026 года.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценка восприятия, опыта и потребностей с целью выявления гендерного неравенства и психосоциальных рисков среди женщин, находящихся в местах лишения свободы, и женщин, работающих в пенитенциарной системе Республики Молдова.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Описание социально-демографических характеристик исследуемых выборок
2. Анализ структурных и социальных барьеров в контексте гендерного неравенства, с которым сталкиваются женщины, находящиеся в местах лишения свободы
3. Анализ психосоциальных детерминант, связанных с психическим здоровьем среди женщин, находящихся в местах лишения свободы
4. Анализ представлений о возможностях карьерного роста и условиях труда в контексте гендерного неравенства среди женщин, работающих в пенитенциарной системе
5. Определение распространенности профессионального выгорания среди женщин, работающих в пенитенциарной системе
6. Анализ психосоциальных факторов, влияющих на психическое здоровье женщин, работающих в пенитенциарной системе
7. Оценка восприятия мужчинами, работающими в пенитенциарной системе, возможностей продвижения по службе, условий труда и гендерного равенства по сравнению с женщинами-сотрудницами с целью выявления возможных барьеров, стереотипов и соответствующих институциональных механизмов
8. Сравнение и анализ различий и сходств структурных и социальных барьеров в контексте гендерного неравенства, с которым сталкиваются женщины-заключенные и женщины, работающие в пенитенциарной системе.

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пенитенциарная система Республики Молдова включает 17 пенитенциарных учреждений, находящихся в ведении НАП, в том числе пенитенциарные учреждения для мужчин и женщин, изоляторы предварительного содержания, а также специализированные подразделения, такие как Отряд специального назначения «Пантера», Логистический центр, Учебный центр и другие структурные подразделения. Пенитенциарные учреждения географически распределены по всей стране, что отражает региональное разнообразие и функциональную специфику пенитенциарной системы.

Исследование проводилось на национальном уровне и охватило все 17 пенитенциарных учреждений (включая 2, расположенных на левом берегу р. Днестр, но находящихся в ведении официальных властей), а также вспомогательные подразделения НАП — такой подход обеспечил широкую репрезентативность выборки как среди женщин, находящихся в

заклучении, так и среди персонала (женщин и мужчин), что позволило получить всестороннее представление о гендерном неравенстве, условиях труда, состоянии психического здоровья и психосоциальных рисках.

Исследование проводилось в непосредственном сотрудничестве с НАП, которая обеспечила административную и логистическую поддержку, а также двумя неправительственными организациями (НПО), обладающими экспертизой в области прав человека, общественного здравоохранения и социальной инклюзии: АО AFI, Кишинев – главный координатор исследования, имеющий опыт оперативных исследований и вмешательств в институциональной среде, а также экспертизу в работе с уязвимыми группами, и АО Pas cu Pas, Южный регион, Кахул. Обе организации возглавляют женщины, имеющие опыт работы в пенитенциарной системе (бывшие сотрудницы), что обеспечивает подход «равный равному».

Межведомственное и межотраслевое сотрудничество обеспечило качество, актуальность и устойчивость исследования, способствуя формулированию рекомендаций, основанных на доказательствах и адаптированных к пенитенциарному контексту Республики Молдова.

МЕТОДОЛОГИЯ

Количественное исследование

Исследование имело количественный, описательный, проспективный и поперечный дизайн, охватывало три группы: женщин, находящихся в заключении, женщин, работающих в пенитенциарной системе, и мужчин, работающих в пенитенциарной системе. Объем выборок был рассчитан на основе статистических данных по состоянию на 1 января 2025 года с применением вероятности гарантии результатов (доверительный интервал, ДИ) 95% при максимально допустимой погрешности (МДП) 5%.

Выборка женщин, находящихся в заключении, включала 200 человек; критерии включения: возраст старше 18 лет, психическая способность к интервью и подписание информированного согласия.

Выборка работающих женщин включала 275 человек; критерии включения: не менее 12 месяцев работы в пенитенциарной системе, согласие на участие в исследовании.

Выборка работающих мужчин составила 360 человек; критерии включения: не менее 12 месяцев работы в пенитенциарной системе, согласие на участие в исследовании.

Исключение применялось в случае несоответствия критериям включения.

Набор и опрос респонденток – женщин, находящихся в местах лишения свободы

Набор участниц (женщин, находящихся в местах лишения свободы) осуществлялся на основе списков, предоставленных НАП, с соблюдением критериев отбора. Респондентки были набраны из пенитенциарных учреждений, в которых на момент проведения исследования содержались женщины – 5 учреждений: пенитенциарное учреждение № 5 – Кагул, пенитенциарное учреждение № 7 – Руска, пенитенциарное учреждение № 11 – Бельцы, пенитенциарное учреждение № 13 – Кишинев и пенитенциарное учреждение № 16 – Прункул.

Для каждой респондентки, включенной в исследование, был сгенерирован уникальный анонимный код, что исключало возможность прямой или косвенной идентификации.

Опрос проводился с помощью структурированной анкеты, доступной на румынском и русском языках в зависимости от предпочтений респондентки. Инструмент был разработан на основе профильной литературы и скорректирован после предварительного тестирования. Процесс опроса соответствовал стандартизированной последовательности: установление контакта, информирование, получение информированного согласия и заполнение анкеты, без возможности изменения порядка этапов. Интервью проводились в условиях конфиденциальности, в отсутствие посторонних лиц.

При первом контакте интервьюер представил цель и задачи исследования и запрашивал информированное согласие в письменной форме. В исследование были включены только те участницы, которые дали информированное согласие. После получения согласия интервьюер проводил анкетирование в соответствии с инструкциями, не изменяя порядок вопросов. Анкетирование проводилось исключительно интервьюером. Респондентка имела право отказаться отвечать на один или несколько вопросов. Интервьюеры систематически проверяли согласованность и полноту данных в ходе интервью.

Применение инструмента сбора данных среди работников НАП

Сбор данных среди сотрудников пенитенциарной системы (женщин и мужчин) был осуществлен с помощью онлайн-анкеты для самостоятельного заполнения (разработанной на основе профильной литературы) с использованием защищённой цифровой платформы. Участники получили ссылку для доступа к анкете, различные для мужчин и женщин. Приглашения были отправлены до начала периода сбора данных, чтобы обеспечить надлежащее информирование участников.

При переходе по ссылке участникам был представлен формуляр информированного согласия. Доступ к анкете был разрешен только после выражения согласия, подтверждающего добровольное участие и принятие условий исследования. Используемая платформа не собирала личные данные или информацию, которая позволила бы идентифицировать респондентов, тем самым обеспечивая полную анонимность.

Качественное исследование

Качественная составляющая исследования включала: фокус-группы и полу структурированные интервью.

Фокус-группы

Было организовано три фокус-группы, каждая из которых собрала по 15 участников из следующих категорий: женщины, находящиеся в местах лишения свободы, женщины и мужчины в работающие в пенитенциарной системе. Обсуждения проходили на основе структурированного тематического руководства, разработанного в соответствии с принципами качественной методологии. Сессии проводились под руководством обученных модераторов, имеющих опыт работы с группами в институциональной среде. На протяжении всего процесса полностью соблюдались конфиденциальность и анонимность.

Полу структурированные интервью

Для получения углубленных мнений со стороны лиц, принимающих решения, было проведено 20 полу структурированных интервью с представителями руководства пенитенциарной системы. В основе интервью лежало специально разработанное руководство, призванное обеспечить как тематическую согласованность, так и возможность детального изучения возникающих тем. Дискуссии проводились обученными интервьюерами при строгом соблюдении этических стандартов и принципов конфиденциальности.

Сбор и обработка данных

Для сбора данных использовались смешанные методы, включая стандартизированные анкеты, онлайн-анкеты для самостоятельного заполнения, полу структурированные интервью и фокус-группы. Стандартизированные анкеты были кодированы, централизованы и валидированы в рамках АО АФИ; только те формы, которые прошли проверку на согласованность и полноту, были включены в базу данных EpiData с использованием процедуры двойного ввода для обеспечения контроля качества. Онлайн-анкеты с самостоятельным заполнением кодировались автоматически, а после экспорта проходили те же этапы проверки и валидации перед включением в итоговую базу данных исследования.

Сбор данных осуществлялся, в том числе, интервьюерами, отобранными из числа бывших сотрудниц пенитенциарной системы, прошедшими обучение по использованию исследовательских инструментов, техникам проведения интервью, ведению групповых дискуссий и обеспечению конфиденциальности.

Методология анализа

Собранные данные были проанализированы с применением методов обобщения, сравнения, прогнозирования и оценки достоверности. Набор данных, полученные с помощью анкет, были импортированы в статистическую программу *IBM SPSS Statistics, версия 20.0*, где анализ включал построение простых частотных таблиц, кросс-таблиц и применение дополнительных статистических тестов для выявления взаимосвязей между переменными. Непрерывные переменные были представлены в виде среднего значения (\pm стандартное отклонение) или медианы (IQR, межквартильный размах), в зависимости от ситуации. Для оценки факторов риска использовалось отношение шансов (ОШ, Odds Ratio), а порог статистической значимости был установлен на уровне $p < 0,05$.

Психоэмоциональное состояние оценивалось с помощью шкалы DASS-21 [10], которая позволила определить уровни депрессии, тревоги и стресса на основе полученных баллов (Таблица 1). Для оценки психологического риска каждая анализируемая переменная (депрессия, тревога и стресс) была операционализирована с помощью отдельных категорий в соответствии с уровнями, используемыми в стандартизированном инструменте измерения (DASS-21). Для каждой составляющей были определены два измерения: наличие и отсутствие. Таким образом, для всех трех измерений (депрессия, тревога и стресс): отсутствие считалось «нормальным», а для наличия – «легким, умеренным, тяжелым, очень тяжелым» (Таблица 1).

Таблица 1. Классификация по шкале DASS-21 для депрессии, тревоги и стресса

Название	Норма	Легкая	Умеренная	Тяжелая	Очень тяжелая
Депрессия	0–9	10–13	14–20	21–27	≥ 28
Тревожность	0–7	8–9	10–14	15–19	≥ 20
Стресс	0–14	15–18	19–25	26–33	≥ 34

Оценка синдрома профессионального выгорания (*Burnout*) была проведена с помощью инструмента Maslach Burnout Inventory (MBI) [11], который исследует три измерения: эмоциональное истощение, деперсонализация и уровень самореализации, на основе полученных баллов (Таблица 2).

Таблица 2. Классификация уровней профессионального выгорания (MBI)

Размер	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Эмоциональное истощение	9–18	19–27	28–45
Деперсонализация	6–12	13–18	19–30
Снижение личных достижений	10–20	21–30	31–50
Профессиональное выгорание (Burnout)	25–50	51–75	76–125

Качественные данные, полученные в ходе индивидуальных интервью и фокус-групп, были использованы для триангуляции — процедуры, которая позволила консолидировать и последовательно интерпретировать собранную информацию, представленную впоследствии в повествовательном формате.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В рамках исследования были соблюдены все этические принципы, применимые к исследованиям с участием людей. Использованные анкеты не содержали именных данных, каждый респондент идентифицировался исключительно по уникальному анонимному коду, сгенерированному таким образом, чтобы не позволять прямой или косвенной идентификации личности. Участие в интервью и фокус-группах осуществлялось только после получения информированного согласия, а интерпретация данных была строго ограничена целями исследования.

Конфиденциальность была обеспечена путем хранения заполненных инструментов в защищенных помещениях и использования защищенных паролем информационных систем, доступных только исследовательской группе и контролируемых главным исследователем. Все лица, участвовавшие в сборе и обработке данных, подписали обязательства о конфиденциальности и анонимности.

Исследование было одобрено Национальным комитетом по этической экспертизе клинических исследований в соответствии с заключением № 2028 от 29 октября 2025 года.

ЖИЗНЬ В ЗАКЛЮЧЕНИИ: ВОСПРИЯТИЕ И ОПЫТ ЖЕНЩИН, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

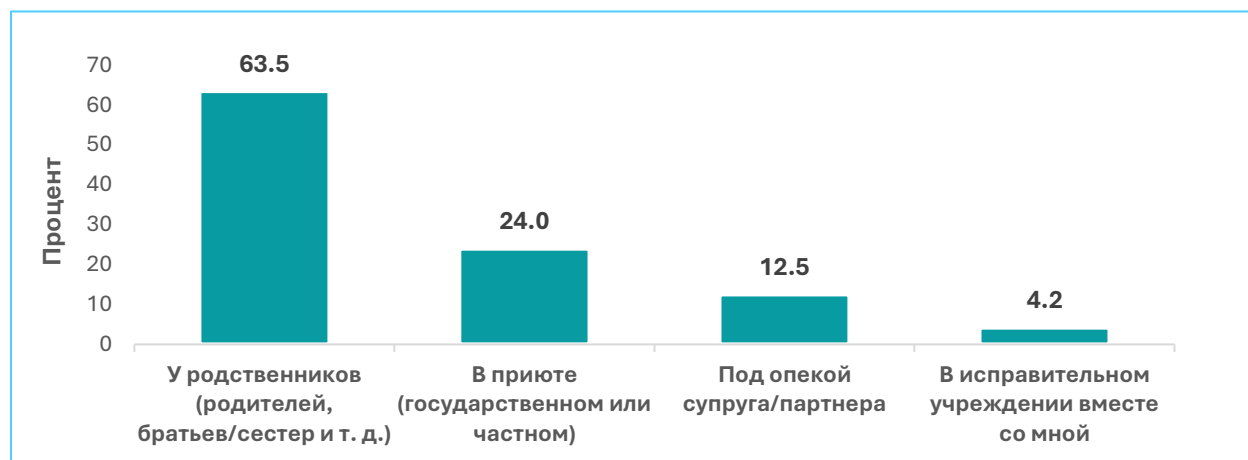
В выборку вошли 200 женщин, находящихся в местах лишения свободы, в возрасте от 18 до 62 лет. Средний возраст участниц составил 37,1 года (СО±10,2), а медиана — 35 лет, что свидетельствует о сбалансированном распределении возрастов в группе. Большинство женщин относятся к возрастным группам 30–39 лет и 18–29 лет, что указывает на преобладание молодого взрослого населения. Уровень образования варьирует: большинство участниц имеют среднее образование, в то время как небольшой процент окончил высшие учебные заведения. Семейное положение также отражает разнообразие семейных ситуаций, включая замужних, живущих в гражданском браке, разведенных или незамужних женщин. Около половины участниц происходят из городов или районных центров (Таблица 3).

Таблица 3. Общие характеристики выборки: женщины, находящиеся в местах лишения свободы

Наименование	N (%)
Всего	200
Возрастная группа	
18–29 лет	56 (28,0)
30–39 лет	71 (35,5)
40–49 лет	44 (22,0)
≥ 50 лет	29 (14,5)
Образование	
Начальное/без образования	24 (12,0)
Среднее (9–12 классов)	124 (62,0)
Профессиональное среднее образование	40 (20,0)
Высшее	12 (6,0)
Семейное положение	
Замужем / в гражданском браке	75 (37,5)
Разведена / вдова	71 (35,5)
Незамужняя	54 (27,0)
Место жительства до задержания	
Кишинев (город)	37 (18,5)
Кишинев (пригород)	21 (10,5)
Другой город / районный центр	88 (44,0)
Деревня (село)	54 (27,0)
Несовершеннолетние дети	
Да	96 (48,0)
Нет	104 (52,0)

Почти в половине случаев у женщин, находящихся в заключении (48,0%, 96), есть несовершеннолетние дети (<18 лет). Большинство из них — матери одного ребенка (45,8 %; 44) или двух детей (29,2 %; 28), в то время как 15,6 % (15) имеют троих детей. Имеют четырёх детей или даже больше — 6,3% (6) и 3,1% (3) соответственно. Что касается ухода за детьми на время содержания под стражей, большинство детей (63,5%; 61) остаются на попечении ближайших родственников (родителей, братьев, сестёр). Примерно четверть детей (24,0%; 23) находятся на попечении в государственных или частных учреждениях, а 12,5% (12) — на попечении мужа или партнера. Очень небольшая доля (4,2%, 4) детей находится в исправительном учреждении вместе с матерью (Рисунок 1).

Рисунок 1. Структура механизмов ухода за детьми у женщин, находящихся в заключении

КОНТЕКСТ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Участницы исследования находились в пяти пенитенциарных учреждениях, причем подавляющее большинство (73,5%) — в пенитенциарном учреждении № 7 — Руска, единственном учреждении, предназначенном для осужденных женщин (Таблица 4).

Продолжительность пребывания в заключении значительно варьирует: более трети (36,0%) женщин находятся в заключении от одного до трех лет, а четверть (25,0 %) — от трех до пяти лет. С другой стороны, в более чем одной пятой случаев (21,5%) срок содержания под стражей превысил пять лет, а в 17,5% случаев женщины находились на первом году отбывания наказания. Что касается перспективы освобождения, 42,5% респонденток указали на возможность условно-досрочного освобождения, 28,0% — что они отбудут наказание до конца срока, а 29,5% не указали четкой возможности (Таблица 4).

Для большинства женщин (74,5%) это первое осуждение, в то время как четверть (25,5%) имеют предыдущие судимости. Что касается типологии преступлений, 20,0% участниц были осуждены за преступления, связанные с наркотиками (Таблица 4).

Поддержание связи с семьей или близкими людьми остается важным аспектом жизни в заключении. Наиболее распространенным способом общения являются телефонные звонки (81,0%), а другие формы контакта включают: личные посещения (47,0%), письменную

переписку (42,5%) и общение через Интернет, например, через Skype, Viber, WhatsApp или другие приложения (44,5%). В 14,0% случаев женщины заявили, что не поддерживают связь с семьей или близкими людьми. Частота посещений низкая: 39,0% женщин не получают посещений, а остальные отметили эпизодические посещения — от одного раза в месяц (6,5%) до одного-трех раз в год (26,0%) или даже один раз в год (19,0%) (Таблица 4).

Таблица 4. Судебное положение женщин, находящихся в заключении

Наименование	N (%)
Всего	200
Тюрьма	
Тюрьма № 5 — Кагул	2 (1,0)
Тюрьма № 7 — Руска	147 (73,5)
Тюрьма № 11 — Бельцы	13 (6,5)
Тюрьма № 13 — Кишинев	24 (12,0)
Тюрьма № 16 — Прункул	14 (7,0)
Продолжительность пребывания в заключении	
1 год	35 (17,5)
1–3 года	72 (36,0)
3–5 лет	50 (25,0)
5 лет	43 (21,5)
Намерение освободиться*	
Условно-досрочное освобождение	85 (42,5)
По истечению срока	56 (28)
Не указали	59 (29,5)
Первое осуждение	
Да	149 (74,5)
Нет	51 (25,5)
Осуждение за преступления, связанные с наркотиками	
Да	40 (20,0)
Нет	149 (74,5)
Не указали	11 (5,5)
Связь с семьей или близкими людьми	
По телефону	162 (81,0)
По почте	85 (42,5)
Лично	94 (47,0)
Через Интернет (Skype, Viber, WhatsApp и т. д.)	89 (44,5)
Не поддерживают связь	28 (14,0)
Частота посещений	
Один раз в месяц	13 (6,5)
От 1 до 3 месяцев	52 (26,0)
Один раз в год	38 (19,0)
Не принимаю посетителей	78 (39,0)
Не указали	19 (9,5)

Исследование выявило целый ряд препятствий, затрудняющих поддержание связей с семьей (или близкими людьми) у женщин, находящихся в заключении. Наиболее частым мотивом является большое расстояние до места проживания семьи или отсутствие транспортных

средств (37,5%; 75), за которым следуют расходы, связанные с посещениями, такие как транспортные расходы или покупка продуктов (34,0%; 68). Примерно в трети случаев (32,5%; 65) респондентки упомянули ограниченный доступ к телефону, что мешает постоянной коммуникации с близкими людьми (Рисунок 2).

Значительная доля женщин (25,5%; 51) заявила, что не испытывает трудностей, что позволяет предположить, что опыт заключения не одинаково влияет на отношения в семье или с близкими людьми. С другой стороны, к другим препятствиям относились проблемы со здоровьем или эмоциональные проблемы (10,0%; 20), короткая продолжительность посещений или ограниченный или неудобный график посещений (6,5% и 5,5%; 13 и 11). Институциональные ограничения, такие как ограничение количества посетителей (4,5%; 9), проблемы с перепиской (4,0%; 8) или вмешательство персонала и строгие правила, ограничивающие взаимодействие (2,0%; 4), упоминались реже, но представляют собой факторы, которые могут влиять на качество семейных контактов (Рисунок 2).

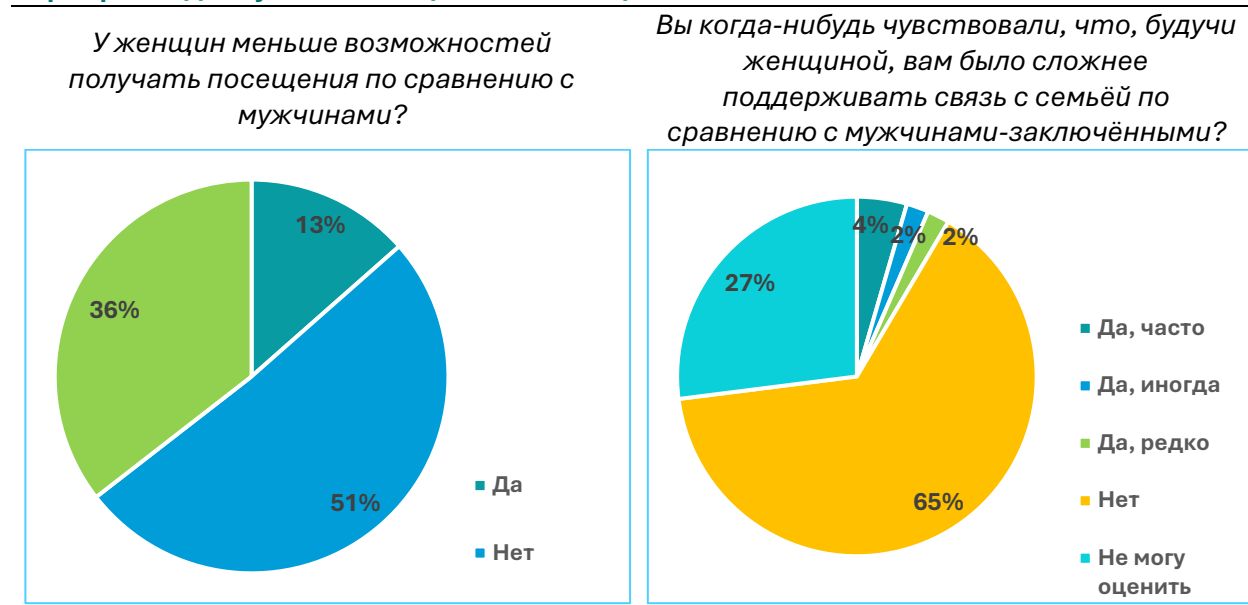
Рисунок 2. Трудности, с которыми сталкиваются женщины-заключенные при поддержании связи с семьей или близкими людьми

Восприятие женщинами, находящимися в заключении, доступа к посещениям и контактам с семьей (или близкими людьми) свидетельствует о сложной картине, в которой заявленное отсутствие дискриминации не исключает существования реальных структурных барьеров. На вопрос о возможностях получения посещений по сравнению с мужчинами 51,0% (102) респонденток ответили, что не замечают различий, 35,5% (71) заявили, что не могут оценить, а 13,5% (27) считают, что у женщин меньше возможностей (Рисунок 3).

Аналогичная тенденция наблюдается и в восприятии ограничения контактов с семьей (или близкими людьми): 64,5% (129) женщин никогда не чувствовали, что их пол влиял на их общение, 27,0% (54) не смогли оценить, а 8,5% (17) указали на опыт ограничений – часто, иногда или редко (Рисунок 3).

Рисунок 3. Восприятие женщинами, находящимися в заключении, гендерных барьеров в доступе к посещениям и общению с семьей или близкими

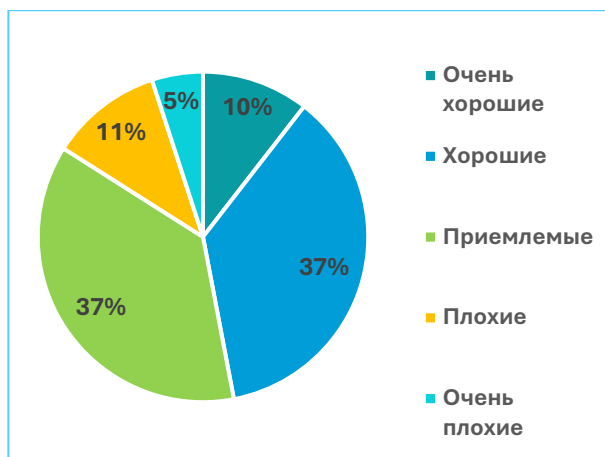
УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Оценка условий проживания, таких как размер помещения, чистота и общий уровень комфорта, свидетельствует о преимущественно положительном восприятии среди женщин, находящихся в заключении. Условия оценили как «очень хорошие» 10,5% (21) респонденток, «хорошие» — 36,5% (73) и «приемлемые» — 37,0% (74), что означает, что 84% участниц оценивают условия от «приемлемых» до «очень хороших». Однако значительная доля респонденток считает условия «плохими» (11,0%, 22) или «очень плохими» (5,0%, 10). Таким образом, в целом 16,0% (32) участниц живут в условиях, оцениваемых как несоответствующие (Рисунок 4).

Мнения относительно сравнения с условиями проживания мужчин сильно расходятся и не позволяют выработать четкий консенсус. 33 женщины (16,5%) считают, что условия для обеих групп одинаковы, в то время как 57 (28,5%) полагают, что женщины пользуются лучшими условиями. 45 респонденток (22,5%), напротив, считают, что положение женщин менее благоприятно, чем у мужчин, а 65 (32,5%) заявляют, что не могут оценить это сравнение (Рисунок 4).

Рисунок 4. Оценка женщинами-заклученными условий проживания и сравнение с условиями, предоставляемыми мужчинам

Условия проживания (площадь, чистота, комфорт и т. д.)

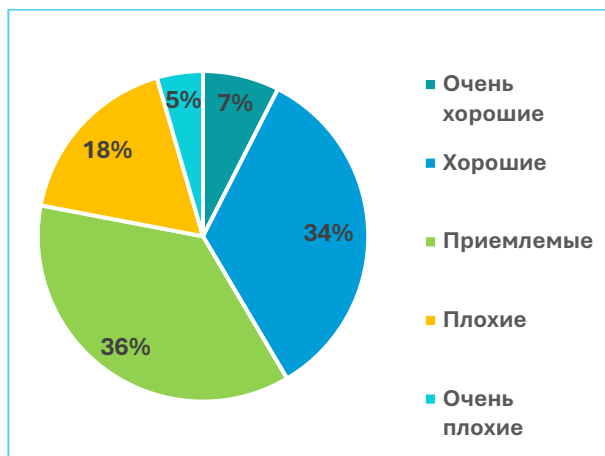
Считаете ли вы, что женщины пользуются условиями проживания, сопоставимыми с теми, что предоставляются мужчинам?

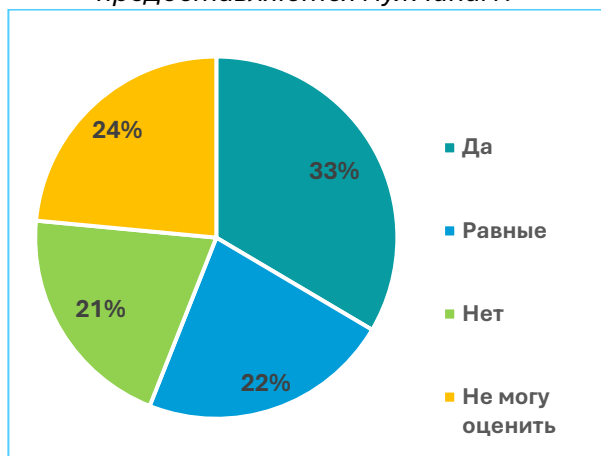
Условия личной гигиены оценивались женщинами, находящимися в местах лишения свободы, по-разному, и данные свидетельствуют о том, что гигиена является наиболее часто упоминаемым источником трудностей по сравнению с другими аспектами условий проживания.

Рисунок 5. Мнение женщин-заклученных об условиях личной гигиены и равенстве обращения по сравнению с мужчинами

Условия личной гигиены (доступ к душу, средствам гигиены и т. д.)?

Считаете ли вы, что женщины пользуются условиями личной гигиены, сопоставимыми с теми, что предоставляются мужчинам?

Лишь 7,5% (15) респонденток считают, что личная гигиена «очень хорошая», а 34,0% (68) оценивают ее как «хорошую». Большинство, 36,5% (73), описывают условия как «приемлемые», в то время как 17,5% (35) считают их «плохими», а 4,5% (9) — «очень плохими». В целом 23% женщин оценивают условия гигиены как неудовлетворительные, что

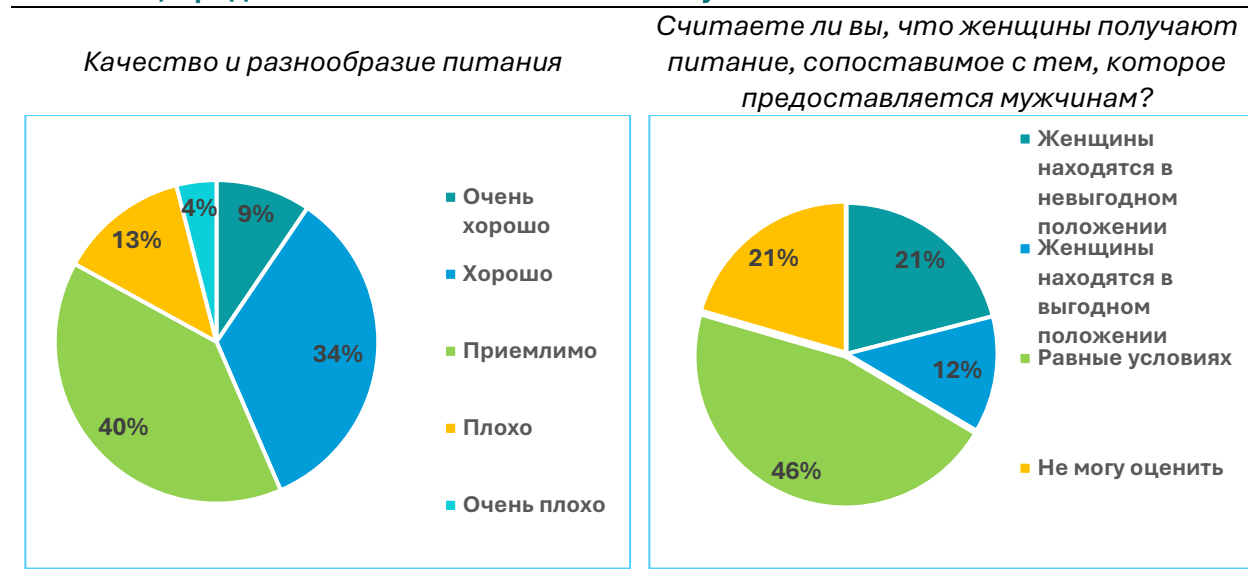
свидетельствует о том, что доступ к душу, средствам гигиены и надлежащим условиям ухода представляет собой область со значительными уязвимостями (Рисунок 5).

В отношении равного доступа у женщин и мужчин к средствам личной гигиены, мнения разделились: более чем в трети случаев (33,5%; 67) респондентки считают, что женщины находятся в более выгодном положении по сравнению с мужчинами, в то время как 20,5% (41) считают, что они находятся в невыгодном положении. В то же время примерно в четверти (22,5%; 45) случаев они считают, что отношение к ним одинаковое (Рисунок 5).

Оценка качества и разнообразия питания показывает, что большинство женщин, находящихся в заключении, считают питание по крайней мере удовлетворительным. 19 респонденток (9,5%) считают питание «очень хорошим», а 68 (34,0%) оценивают его как «хорошее». Еще 79 женщин (39,5%) оценивают его как «приемлемое», что указывает на то, что 83% участниц считают питание адекватным или приемлемым. В то же время есть группа, которая считает питание «плохим» (13,0%, 26) или «очень плохим» (4,0%, 8). Таким образом, в 17% случаев респондентки заявляют о трудностях в этом отношении, что соответствует проценту отрицательных оценок условий проживания, но ниже, чем в сфере личной гигиены (Рисунок 6).

Мнения относительно сравнения питания женщин с питанием мужчин разделились. Большинство респонденток считают, что питание одинаково для обеих категорий заключенных (46,0%, 92), что является самым высоким показателем восприятия равенства среди всех оцениваемых аспектов (проживание, питание, гигиена). В 21,0% (42) случаев они считают, что находятся в невыгодном положении, а в 12,5% (25) полагают, что получают питание лучше, чем мужчины. Значительное число респонденток заявляют, что не могут оценить ситуацию (20,5%, 41), что отражает отсутствие прямого опыта для сравнения, поскольку большинство женщин содержатся в одном учреждении, а рацион питания мужчин не наблюдаем (Рисунок 6).

Рисунок 6. Восприятие заключенных женщин качества питания и сравнение с питанием, предоставляемым заключенным мужчинам

Восприятие заключенных женщин относительно полезности образовательных и развлекательных мероприятий в основном положительное. 66 респонденток (33,0%) считают эти мероприятия «очень полезными», а 91 (45,5%) оценивают их как «полезные». Еще 16 женщин (8,0%) считают их «малополезными», а 7 (3,5%) заявляют, что они «совсем не полезны». В то же время 20 участниц (10,0%) утверждают, что не знают о существовании таких мероприятий, что может свидетельствовать либо о недостатке информации, либо об отсутствии таких программ в определенных участках пенитенциарных учреждений. В целом 78,5% женщин отводят этим мероприятиям важную роль в подготовке к социальной реинтеграции (Рисунок 7).

На вопрос о равенстве возможностей в сфере трудоустройства и профессионального обучения по сравнению с мужчинами 37,0 % (74) респонденток считают, что у них более ограниченный доступ к рабочим местам или профессиям, а 25,5 % (51) утверждают, что за тот же труд получают меньшую заработную плату или менее выгодные условия. В 16,5% (33) случаев респондентки считают возможности сопоставимыми, а в 23,5% (47) случаев они считают, что различия существуют, но не являются значительными. В целом 62,5% участниц считают, что существуют явные формы дискриминации, что свидетельствует о самом высоком уровне восприятия гендерного неравенства среди анализируемых аспектов (Рисунок 7).

Рисунок 7. Восприятие женщинами-заключенными полезности образовательных мероприятий и гендерного равенства в доступе к труду в пенитенциарии

Что касается восприятия отношения персонала к женщинам-заключенным, большинство участниц не замечают различий в обращении в зависимости от пола персонала: 43,5% (87) указали, что не заметили никакой разницы, а 25,5% (51) оценили одинаковый уровень уважения со стороны как мужчин-сотрудников, так и женщин-сотрудниц; в совокупности — 69% (138), что указывает на воспринимаемое как справедливое обращение. В то же время 21,5% (43) отмечают заметные различия в обращении в зависимости от пола персонала, 15,0%

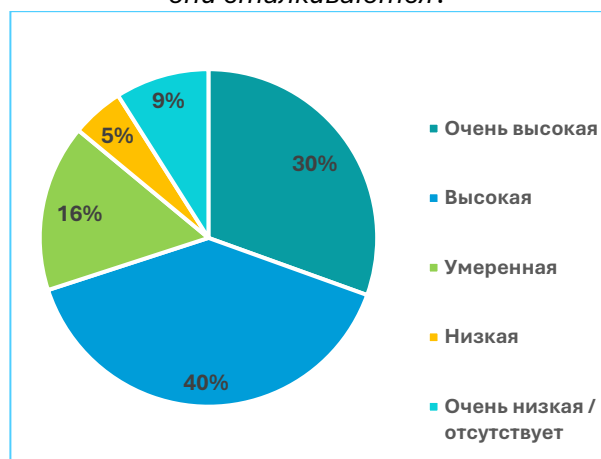
(30) считают, что сотрудницы проявляют больше сочувствия, а 10,0% (20) считают, что сотрудники-мужчины проявляют больше дистанции и авторитета (Рисунок 8).

Рисунок 8. Восприятие отношения персонала (мужского и женского пола) к заключенным женщинам и уровень солидарности заключенных с сотрудницами пенитенциарной системы

Как вы оцениваете отношение к женщинам-заключенным, уровень уважения со стороны сотрудников-мужчин и сотрудниц-женщин в пенитенциарном учреждении, в котором вы находитесь?

Насколько вы считаете, что можете понять опыт и трудности женщин, работающих в тюрьме, и проявляете солидарность с ними, учитывая социальные, психологические и профессиональные проблемы, с которыми они сталкиваются?

Уровень солидарности с сотрудницами пенитенциарных учреждений высок: 30,5 % (61) респонденток отмечают очень высокую степень солидарности, а 39,5 % (79) — высокую степень солидарности; таким образом, 70,0% (140) указывают на высокий уровень понимания трудностей, с которыми сталкиваются женщины, работающие в пенитенциарных учреждениях. В 16,0% (32) случаев респондентки указывают на умеренную солидарность, а в 14,0% (28) — на низкую или полное ее отсутствие (5,0% и 9,0%; 10 и 18 соответственно). Высокая степень солидарности указывает на потенциал для гендерно-чувствительных альянсов (заключенные – женский персонал) в рамках инициатив по улучшению институционального климата и предотвращению напряженности (Рисунок 8).

ДОСТОИНСТВО, ДИСКРИМИНАЦИЯ И НАСИЛИЕ

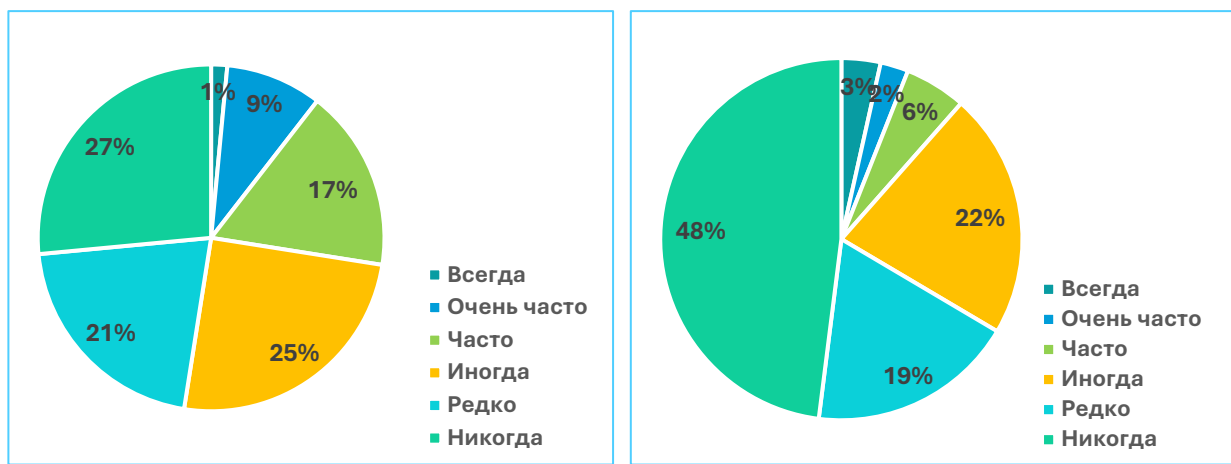
Данные, касающиеся пережитого унижения во время содержания под стражей, указывают на широко распространенное и вызывающее беспокойство явление. Лишь в 26,5% (53) случаев респондентки заявили, что не сталкивались с подобными ситуациями, а это означает, что в 73,5% случаев они их переживали: 1,5% (3) указали, что сталкиваются с такими ситуациями «всегда», 9,0% (18) — «очень часто», 17,0% (34) — «часто», а 25,0% (50) — «иногда». Доля тех, кто упоминает о частых или постоянных переживаниях об унижении (27,5%, 55 человек), представляет собой серьезный сигнал тревоги, указывающий на потенциальные нарушения человеческого достоинства для людей в заключении (Рисунок 9).

Что касается дискриминации по признаку пола, 48,0% (96) женщин отметили, что никогда не чувствовали, что к ним относятся иначе из-за того, что они женщины, однако 52,0% (104) женщин хотя бы изредка испытывали ощущение, что их пол влияет на отношение к ним. Таким образом, аналогично унижению, наблюдается уязвимая группа, в которой в 11,5% (23) случаев отмечается частая дискриминация (Рисунок 9).

Рисунок 9. Восприятие женщинами переживаний об унижении и дискриминации по признаку пола во время содержания под стражей

Во время содержания под стражей были ли ситуации, в которых вы чувствовали себя униженной или к вам относились без уважения

У вас когда-нибудь было ощущение, что к вам относятся иначе в местах лишения свободы только потому, что вы женщина?

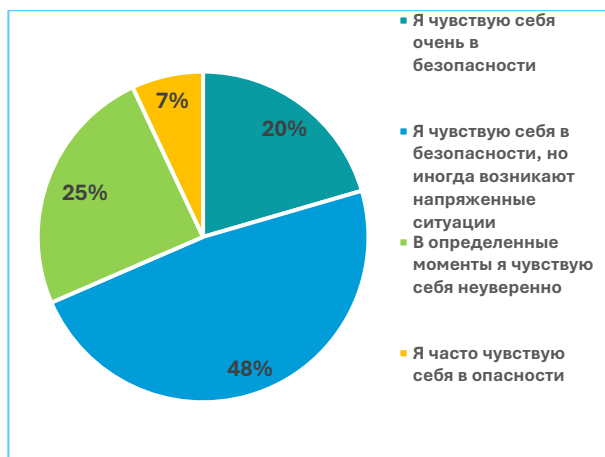

Оценка женщинами, находящимися в местах лишения свободы, общего уровня безопасности свидетельствует о значительной уязвимости. В одной пятой (20,5%; 41) случаев респондентки указали, что чувствуют себя «очень в безопасности», в то время как почти половина (48,0%; 96) заявили, что чувствуют себя в безопасности, но периодически возникают напряженные ситуации, что указывает на ощущение хрупкой безопасности. В то же время 24,5% (49) участниц чувствуют себя в опасности «в определенные моменты», а в 7,0% (14) случаев они «часто» чувствуют себя в опасности. Таким образом, в 31,5% (63) случаев, женщины переживают постоянные или повторяющиеся эпизоды страха (Рисунок 10).

Что касается восприятия распределения внимания и поддержки среди женщин-заключенных, большинство участниц считают, что существуют формы фаворитизма или различия в обращении. В 32,5% (65) случаев женщины отметили, что не замечали различий между лицами, находящимися в заключении. В то же время 52,0% (104) считают, что некоторые женщины пользуются преференциальным обращением благодаря социальному статусу, а 45,0% (90) полагают, что отношения с персоналом определяют преференциальный доступ к вниманию, уважению или поддержке. Кроме того, 11,5% (23) связывают эти различия с полом, что указывает на то, что привилегии воспринимаются как результат скорее индивидуальных отношений или социального положения человека, чем принадлежности к определенному полу (Рисунок 10).

Рисунок 10. Восприятие женщинами-заклученными безопасности в местах лишения свободы и наличия привилегий среди лиц, находящихса в заключении

В целом, насколько вы считаете, что находитесь в безопасности в исправительном учреждении?

Замечали ли вы когда-нибудь, что некоторые заключенные пользуются большим вниманием, уважением или поддержкой, чем другие? (%)

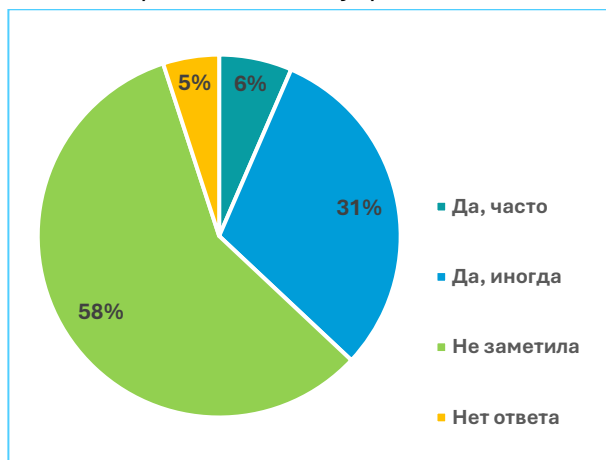
Мнение женщин, находящихся в местах лишения свободы, об обращении с другими заключёнными показывает, что, хотя большинство из них не замечало прямых злоупотреблений, значительная часть была свидетелем проблемных ситуаций. В этом контексте 30,5% (61) женщин отметили, что наблюдали такие ситуации изредка, а 6,5% (13) — что наблюдали их часто. В 58,0% (116) случаев они не наблюдали ни одного случая ненадлежащего обращения, а в 5% (10) случаев не дали никакого ответа. В целом 37,0% (74) женщин были свидетелями ненадлежащего поведения персонала по отношению к другим заключенным — это слишком высокий процент, чтобы считать его случайным (Рисунок 11).

Когда их спросили, какой тип обращения они сочли неадекватным, подавляющее большинство ответов касалось оскорбительных высказываний (55,0 %, 41). Другие категории, такие как угрозы, запугивание, физическое насилие, отказ в доступе к услугам или другие формы злоупотреблений упоминались реже, каждая в доле 0,5% (по одному человеку), что свидетельствует о редких, но серьезных ситуациях, которые не следует игнорировать.

Данные о личных переживаниях, вызвавших чувство опасности или глубокого дискомфорта, показывают, что основным источником риска является поведение других лиц, находящихся в заключении, а не персонала. Так, 71,0% (142) женщин указали на поведение других лиц, находящихся в заключении, как на источник опасности, а 62,5% (125) отметили оскорбительные высказывания с их стороны. Кроме того, 38,0% (76) указали на угрозы со стороны других заключенных, а 15,0% (30) подвергались нежелательному физическому контакту (ударам) со стороны последних — результаты, свидетельствующие о напряженной внутренней обстановке с высоким потенциалом межличностных конфликтов (Рисунок 11).

Рисунок 11. Восприятие обращения с другими заключенными и собственный опыт уязвимости

Замечали ли вы случаи, когда другие женщины (кроме вас), находящиеся в заключении, подвергались неадекватному обращению со стороны персонала исправительного учреждения?

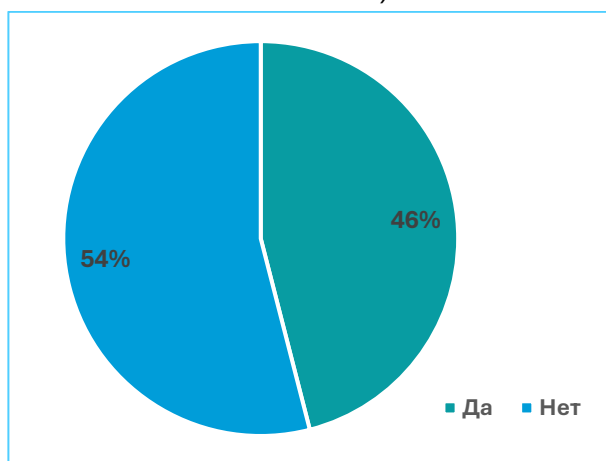
Вы когда-нибудь сталкивались в заключении с ситуациями, которые заставляли вас чувствовать себя в опасности или испытывать сильный дискомфорт? (%)

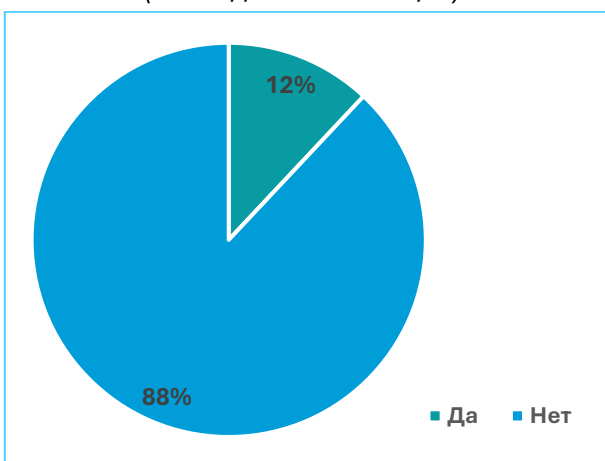
История физического насилия до заключения. Данные о случаях физического насилия до заключения свидетельствуют о чрезвычайно высокой распространенности насилия в отношении женщин, находящихся в заключении. Около половины участниц (46%, 92) заявили, что подвергались по крайней мере одной форме физического насилия до лишения свободы (Рисунок 12).

Рисунок 12. Распространенность физического насилия: до заключения и в период пребывания в заключении

История физического насилия (до заключения)

Физическое насилие в заключении (последние 12 месяцев)

Средний возраст, в котором начались переживания насилия, составил 18,7 лет (СО±10,7 лет), что свидетельствует о том, что многие из женщин стали жертвами в позднем подростковом возрасте или в начале взрослой жизни, именно на критических этапах формирования

личностной идентичности и самостоятельности. Чрезвычайно тревожным является тот факт, что минимальный упомянутый возраст в отношении физического насилия составляет 5 лет, что указывает на существование форм тяжелого, раннего насилия с потенциально разрушительными последствиями для эмоционального, когнитивного и социального развития. Максимальный возраст, в котором было зарегистрировано насилие – 52 года – показывает, что виктимизация может происходить на протяжении всей жизни в различных контекстах.

Физическое насилие в местах лишения свободы (последние 12 месяцев). Результаты показывают, что 12,0% (24) женщин указали, что подвергались физическому насилию в течение последних 12 месяцев в период пребывания в местах лишения свободы (Рисунок 12).

Анализ ситуации показывает, что большинство агрессоров составляли другие лица, находившиеся в заключении, о чем сообщила 21 респондентка, в то время как 3 респондентки упомянули о физическом насилии со стороны персонала. Важным аспектом является место, где произошли инциденты: 20 респонденток указали, что агрессия имела место в камере — относительно изолированном пространстве с ограниченным наблюдением и ограниченными возможностями быстрого обращения за помощью, а еще 4 респондентки не указали место, где произошли инциденты.

Данные о случаях сообщения о физическом насилии в местах лишения свободы свидетельствуют о тревожном явлении занижения числа зарегистрированных случаев, что отражает существенные недостатки в институциональных механизмах защиты. Из общего числа женщин (24), заявивших, что подвергались физическому насилию в течение последних 12 месяцев, только 13 сообщили об инциденте персоналу пенитенциарного учреждения или другому компетентному органу. Причины несообщения были особенно показательными для понимания институциональной атмосферы: страх репрессий (7), убеждение, что сообщение ничем не поможет (7), недоверие к системе (6). Только одна респондентка упомянула, что не знала, кому и как сообщать.

Опыт тех, кто сообщил о насилии, подтверждает опасения тех, кто предпочитает молчать. Из 13 женщин, которые подали жалобу, только 4 отметили, что агрессоры были наказаны, а 2 заявили, что их защитили от последующих инцидентов. В то же время 7 респонденток заявили, что после подачи жалобы никаких мер принято не было.

Поддержка, оказанная жертвам физического насилия в местах лишения свободы. После инцидентов физического насилия (24 респондентки, подвергшиеся насилию, из которых 13 сообщили об инциденте) получили психологическую поддержку и немедленную медицинскую помощь — в 3-х случаях. Ни одна из жертв не имела доступа к юридической поддержке или консультации для подачи жалобы. Еще 7 женщин не получили никакой поддержки. В разбивке поддержка была оказана психологом (в 3-х случаях), медицинским персоналом пенитенциарного учреждения (в 3-х случаях) и немедицинским персоналом (1 случай).

История сексуального насилия до заключения. Случаи сексуального насилия имеют очень высокую распространенность среди женщин-заключенных.

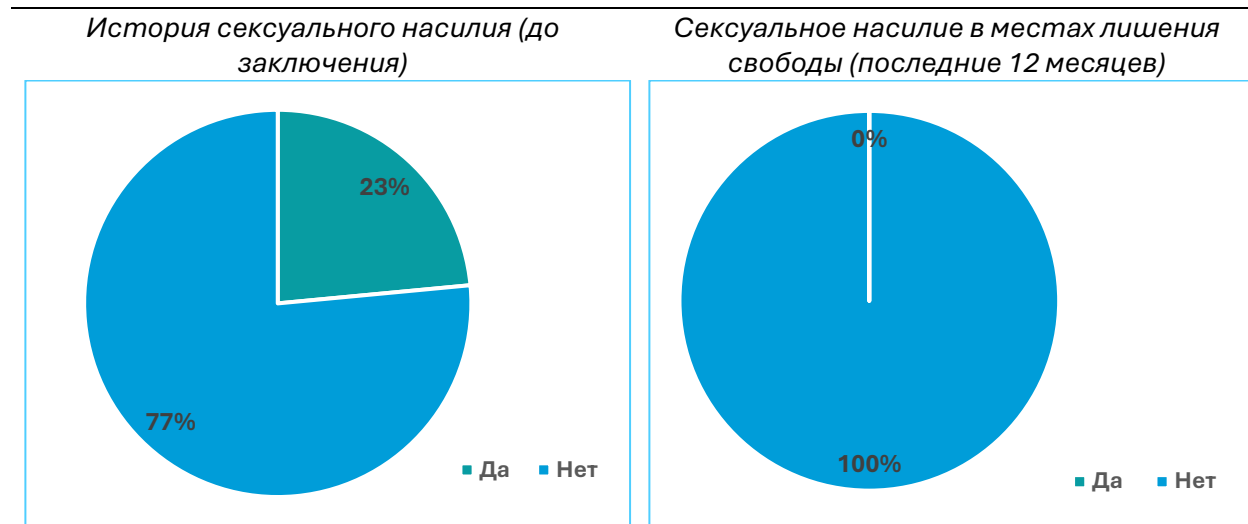
Примерно в четверти случаев (23,5%, 47) респондентки подвергались сексуальному насилию до лишения свободы (Рисунок 13).

Анализ типологии насильников указывает на сложный профиль: 76,6% (35/47) насильников были посторонними лицами (знакомые, соседи, партнеры и т. д.), в то время как 23,4% (11/47) женщин, подвергшихся насилию, упомянули о сексуальном насилии, совершенном членом семьи (отцом, братом, дядей и т. д.).

Возраст начала насилия свидетельствует о ранней уязвимости. Средний возраст составляет 16,3 года ($CO \pm 5,2$), что указывает на то, что большинство женщин подвергались насилию в раннем или среднем подростковом возрасте — критическом периоде в развитии личности и формировании эмоциональных отношений. В то же время разброс чрезвычайно велик (от 6 до 40 лет), что свидетельствует о том, что некоторые женщины подвергались насилию в очень раннем возрасте, другие — в зрелом, а некоторые — на обоих этапах. Минимальный возраст в 6 лет является особенно серьезным показателем, указывающим на сексуальное насилие над ребенком, скорее всего со стороны взрослого из ближайшего окружения (семьи).

Сексуальное насилие в местах лишения свободы (за последние 12 месяцев). Результаты исследования показывают, что ни одна из участниц (0 из 200) не сообщила о том, что подвергалась сексуальному насилию в местах лишения свободы в течение последних 12 месяцев (Рисунок 13 **Error! Reference source not found.**). На описательном уровне это положительный результат, который можно считать показателем относительно безопасной тюремной среды с точки зрения явного сексуального насилия. В то же время интерпретация требует осторожности, поскольку сексуальное насилие является одной из форм насилия с самым высоким уровнем недекларирования как в обществе, так и в условиях содержания под стражей.

Рисунок 13. Распространенность сексуального насилия: до заключения и во время заключения

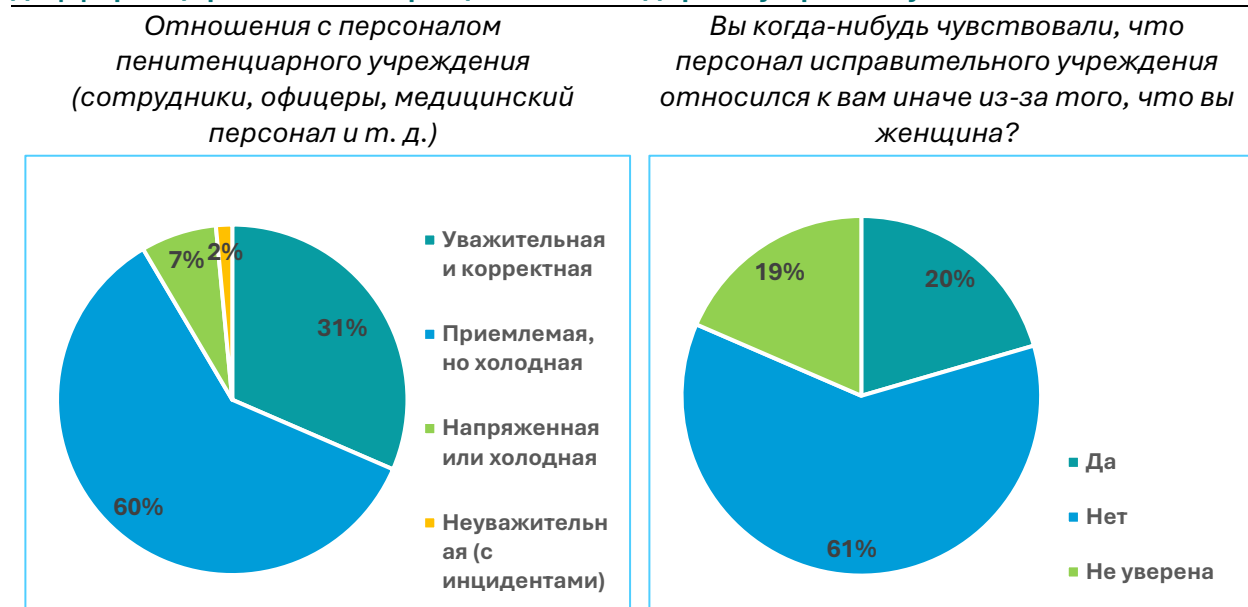

ОТНОШЕНИЯ С ПЕРСОНАЛОМ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Восприятие женщинами, находящимися в заключении, отношений с персоналом пенитенциарных учреждений в целом свидетельствует о относительно стабильной обстановке, но не лишенной напряженности. В большинстве случаев (60,0%, 120) респондентки описывают отношения с персоналом как «приемлемые, но дистанцированные»; примерно в трети случаев (31,0%, 63) они описывают их как «уважительные и корректные»; в 7% (14) случаев — как «напряженные или холодные», а в 2% (3) случаев — как «неуважительные, с инцидентами» (Рисунок 14).

В исследовании также анализировалось дифференцированное обращение по гендерному признаку: 61,0% (122) участниц утверждали, что не чувствовали, что к ним относятся иначе из-за того, что они женщины, а 20,5% (41) — заявили, что ощущали дифференцированное обращение. Кроме того, 18,5% (37) не уверены, что указывает на значительную степень неопределенности. Таким образом, в целом 39% респонденток (41 «да» и 37 «не уверены») не могут исключить наличие гендерных различий в поведении персонала (Рисунок 14).

Рисунок 14. Отношения с персоналом исправительного учреждения и восприятие дифференцированного обращения по гендерному признаку

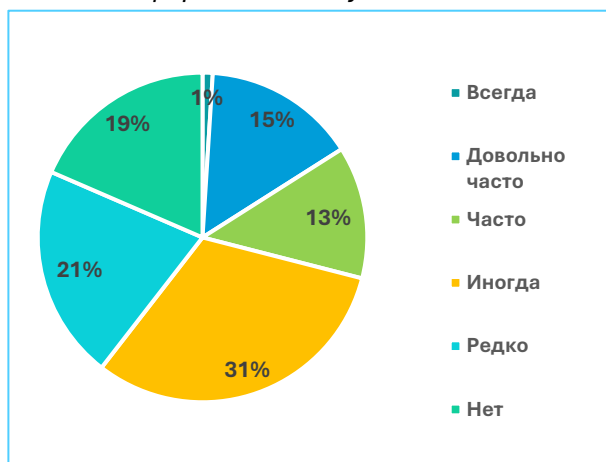
Большинство участниц указали, что в той или иной степени сталкивались с взаимодействиями, которые заставляли их чувствовать себя некомфортно или неуважаемо. Так, 81,5% (163) респонденток сталкивались с такими взаимодействиями по крайней мере изредка, 60,5% (121) — по крайней мере «иногда», а 29,0% (58) указали, что сталкивались с ними «часто» (Рисунок 15).

На вопрос о ситуациях, которые заставляли их чувствовать себя в опасности или испытывать сильный дискомфорт, большинство (90,8%, 182) респонденток указали других заключенных в

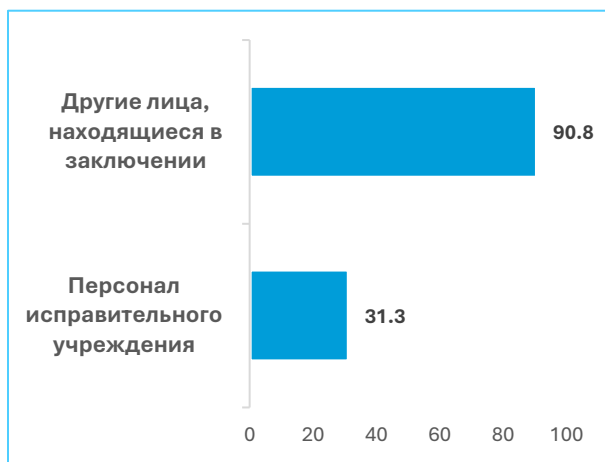
качестве основного источника, в то время как 31,3% (63) упомянули тюремный персонал (Рисунок 15 **Error! Reference source not found.**).

Рисунок 15. Восприятие в отношении уважительного обращения при взаимодействии и источников опасных или неприятных ситуаций в местах лишения свободы

Взаимодействуя с персоналом или другими лицами, находящимися в заключении, чувствовали ли вы когда-нибудь, что с вами разговаривали или действовали таким образом, что вы чувствовали себя некомфортно или неуважительно?

Сталкивались ли вы когда-нибудь в местах лишения свободы с ситуациями, которые заставили вас почувствовать себя в опасности или испытать сильный дискомфорт? (%)

Уровень доверия женщин-заключенных к персоналу исправительных учреждений (сотрудникам, врачам, психологам и администрации) является умеренным, но характеризуется неопределенностью и частичным отсутствием предсказуемости. 15,5% (31) заявили, что доверяют полностью, а 31,0% (62) — что доверяют частично, что указывает на то, что почти половина участниц (46,5%; 93) воспринимают отношения с персоналом по крайней мере относительно безопасные и корректные. В то же время значительная доля респондентов отмечает колебания уровня доверия: 27,0% (54) заявили, что «иногда да, иногда нет», указывая на непоследовательный опыт или изменчивое поведение персонала. Кроме того, 13% (25) указали на низкий уровень доверия, а 12,0% (24) — на полное отсутствие доверия к тому, как персонал обращается с лицами, находящимися в заключении, и уважает их права. 2,0% (4) женщин не смогли оценить свой уровень доверия.

МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ

Большинство женщин, находящихся в заключении, считают, что общий доступ к медицинским услугам обеспечен, однако со значительной степенью неравномерности. В большинстве случаев участницы отметили, что всегда (29,0%, 58) или часто (30,0%, 60) получают медицинскую помощь, когда в ней нуждаются. Примерно в трети случаев (29,0%, 58) доступ описывался как эпизодический, а в 11,0% (22) случаев участницы отмечали, что получают консультации лишь редко. Очень небольшой процент (1,0%, 2) утверждал, что не имеет доступа к медицинским услугам вообще (Рисунок 16).

Что касается фактического обращения к медицинским услугам, данные, собранные за последние шесть месяцев, показывают аналогичную картину: 17,5 % (35) участниц регулярно посещали врача, 26,0 % (52) обращались к врачу относительно часто, 24,0% (48) — время от времени, а 6,5% (13) — редко. В то же время 9,0% (18) участниц указали, что не получили консультаций, хотя обращались за ними, что свидетельствует о наличии неудовлетворенных медицинских потребностей; 14,4% (28) не обращались к медицинским услугам в анализируемый период, а 3,0% (6) не дали никакого ответа, что может отражать отсутствие осознанных потребностей или нежелание обращаться за помощью (Рисунок 16).

Анализ воспринимаемых причин, определяющих недостаточный доступ к медицинским услугам, выявляет наличие структурных или организационных барьеров. Наиболее часто указываемыми причинами были отсутствие лекарств или медицинского оборудования (57,5%, 115) и нехватка медицинского персонала (47,5%, 95) — два фактора, свидетельствующие об объективных ограничениях способности системы обеспечивать адекватные и постоянные медицинские услуги (Рисунок 16).

Наиболее серьезными трудностями при получении медицинских услуг, отмеченными респондентками, были: чрезмерно длительное время ожидания приема (35,5 %, 71), ощущение безразличия со стороны персонала (17,0 %, 34) и недостаток информации о правах на медицинские услуги (16,0 %, 32). В 12,5% (25) случаев респондентки указали на отсутствие конфиденциальности во время консультаций — аспект, имеющий существенное значение для беспрепятственного доступа к медицинской помощи, а в 1,5% (3) случаев они упомянули о приоритете мужчин при предоставлении медицинских услуг. 15,5% (31) респонденток сочли доступ к общим медицинским услугам достаточным (Рисунок 16).

Рисунок 16. Мнение женщин-заключенных о доступе к общим медицинским услугам и предполагаемые причины их недостаточности

Данные исследования показывают, что доступ женщин-заключенных к гинекологическим консультациям и услугам в области репродуктивного здоровья является неодинаковым. Чуть

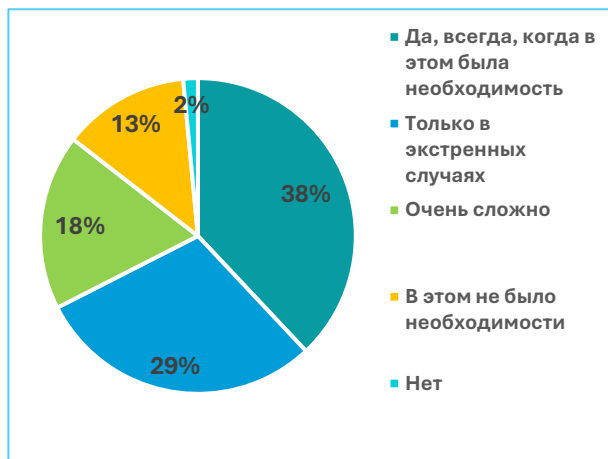
более трети респонденток (38,0%, 76) отметили, что получали такие услуги всякий раз, когда в них возникала необходимость, в то время как почти треть (29,5%, 59) указали на доступ только в экстренных ситуациях. В 18,0% (36) случаев участницы указали, что доступ был «очень затруднен», а небольшой процент (1,5%, 3) утверждал, что не имел доступа вообще. В то же время 13,0% (26) не испытывали потребности в таких услугах (Рисунок 17).

Большинство участниц (66,0%, 132) указали, что получают бесплатно и в достаточном количестве основные средства женской гигиены. Значительная доля (31,0%, 62) отметила, что получает их частично, что может отражать индивидуальную недостаточность распределяемых количеств или нестабильную доступность. Очень небольшое число (2,0%, 4) респонденток указали, что не получают таких средств вообще, а 1,0% (2) не смогли оценить ситуацию (Рисунок 17).

Мнения женщин, находящихся в местах лишения свободы, относительно удовлетворения потребностей в области репродуктивного здоровья свидетельствуют о низком уровне удовлетворенности и высокой степени информационной неопределенности. В 14,5% (29) случаев респондентки считают, что потребности в области репродуктивного здоровья удовлетворяются адекватно, в то время как четверть (25,0%, 50) оценивают услуги как частично адекватные и требующие улучшения. Более небольшая, но значимая часть (6,5%; 13) утверждают, что потребности в области репродуктивного здоровья не удовлетворяются, а значительная часть участниц не может оценить ситуацию: 19,0% (38) не знают или не могут оценить уровень покрытия, а 29,5% (59) заявляют, что не знают, существуют ли такие услуги в тюрьме. В 5,5% (11) случаев респондентки не дали никакого ответа (Рисунок 17).

Рисунок 17. Восприятие заключенных женщин в отношении доступа к гинекологическим консультациям и уровня удовлетворения потребностей в области репродуктивного здоровья в пенитенциарном учреждении

Получали ли вы гинекологические консультации или специальные услуги для женщин в случае необходимости?

Считаете ли вы, что потребности женщин, находящихся в заключении, в области репродуктивного здоровья удовлетворяются в полной мере в условиях исправительного учреждения?

В данном контексте профиль распределения, в котором почти половина респонденток либо не могут оценить, либо не знают о наличии услуг, свидетельствует о системной проблеме коммуникации, информирования и предсказуемости, а также о воспринимаемом как недостаточном удовлетворении специфических потребностей в области репродуктивного здоровья женщин, находящихся в местах лишения свободы.

Среди респонденток, считающих, что потребности в области репродуктивного здоровья не удовлетворяются (63), основной причиной называется отсутствие медицинского персонала — специалистов-гинекологов (82,5%, 52/63), за чем следует недостаток информации о репродуктивных правах (58,7%, 37/63), безразличие к специфическим потребностям женщин (41,3%; 26/63), нехватка необходимых товаров, таких как гигиенические прокладки, контрацептивы и т. д. (22,2%; 14/63) и отсутствие конфиденциальности во время медицинских консультаций (17,5%; 11/63) — профиль ответов, который указывает на преимущественно структурные и информационные барьеры, к которым добавляются аспекты качества клинического процесса и организации услуг.

В исследовании изучалась степень, в которой женщины-заключенные сталкивались с ситуациями, когда им требовались услуги или средства, связанные с репродуктивным здоровьем, но они не получали необходимой поддержки или помощи. О таких неудовлетворенных потребностях сообщили 39,5% (79) респонденток.

Среди основных упомянутых аспектов выделяется ограниченный доступ к гинекологическим консультациям (69,6 %, 55/79), за которым следует отсутствие информации о репродуктивном здоровье (36,7 %, 29/79) и безразличие к специфическим потребностям женщин (32,9 %, 26/79) — результаты, отражающие трудности в доступе к специализированным медицинским услугам, а также недостатки в коммуникации, информировании и институциональной чувствительности к специфическим проблемам репродуктивного здоровья.

Они отмечали отсутствие необходимых товаров, таких как гигиенические прокладки или контрацептивы (17,7%, 14/79), а также нарушение конфиденциальности во время медицинских консультаций (13,9%, 11/79), ограниченный доступ к средствам контрацепции (2,5 %, 2/79) и отсутствие психологической поддержки в связи с материнством (1,3 %, 1/79).

Также упоминались случаи ненадлежащего отношения со стороны персонала исправительного учреждения (7,6 %, 6/79), медицинского персонала исправительного учреждения (10,1 %, 8/79) и медицинского персонала учреждений за пределами исправительного учреждения (6,3 %, 5/79).

Доступ к средствам контрацепции для заключенных женщин в возрасте до 55 лет (186) остается крайне ограниченным. Лишь 8,6% респонденток (16 из 186) указали, что имели доступ к презервативам в течение последних 12 месяцев, а незначительная доля — 0,5% (1 из 186) — отметила доступ к другим методам контрацепции. Для 2,7% респонденток (5/186) контрацепция не считалась необходимой, в то время как аналогичный процент (2,7%, 5/186) указал на отсутствие доступа, несмотря на запрос, что свидетельствует о наличии неудовлетворенных потребностей.

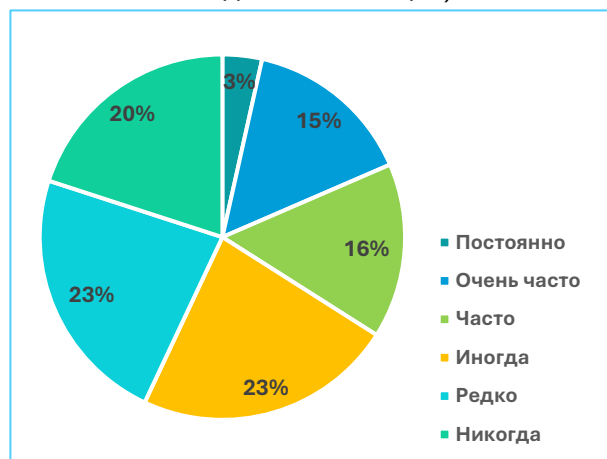
Большинство участниц (84,4%, 157/186) указали, что не обращались за средствами контрацепции, что может отражать как восприятие отсутствия потребности, так и потенциальные информационные или поведенческие барьеры в доступе к услугам. Две респондентки (1,1%) не ответили.

СОСТОЯНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ

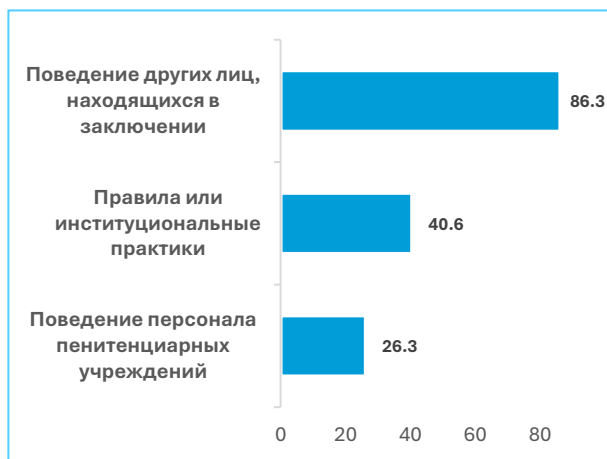
Эмоциональные переживания, испытанные в условиях содержания под стражей за последние 12 месяцев, свидетельствуют о значительном уровне уязвимости среди женщин, участвовавших в исследовании. В одной пятой случаев (20,0 %, 40) респондентки заявили, что не сталкивались с ситуациями, которые бы глубоко повлияли на их эмоциональное состояние, заставили бы их чувствовать себя запуганными, контролируруемыми или бесполезными. Другие респондентки отметили, что сталкивались с такими ситуациями иногда или редко (по 23,0%, 46) — результаты, которые свидетельствуют о периодическом, но повторяющемся воздействии контекстов с негативным эмоциональным воздействием. Кроме того, респондентки указали, что переживали такие ситуации часто или даже очень часто (по 15,0%, 30), что может свидетельствовать о значительном и постоянном воздействии на психологическое состояние. В 3,5% (7) случаев они утверждали, что постоянно сталкивались с такими ситуациями, что свидетельствует о серьезном и непрерывном уровне эмоционального стресса (Рисунок 18).

Рисунок 18. Частота ситуаций, повлиявших на эмоциональное состояние женщин в местах лишения свободы, и факторы, воспринимаемые как источник запугивания, контроля или неуважения

Сталкивались ли вы в местах лишения свободы с ситуациями, которые глубоко повлияли на ваше эмоциональное состояние или заставили вас почувствовать себя запуганной, контролируемой или ненужной (за последние 12 месяцев)?

Если вы сталкивались с такими ситуациями, кто или что именно способствовало возникновению чувства запуганности, контроля или неуважения?

В целом распределение ответов показывает, что 80,0% (160) респонденток в той или иной степени сталкивались с ситуациями запугивания или ситуациями, оказывающими негативное

эмоциональное воздействие, в течение последних 12 месяцев, что свидетельствует о напряженной атмосфере в учреждении, в которой чувство эмоциональной безопасности часто нарушается. Основной указанной причиной было поведение других лиц, находящихся в заключении (86,3 %, 138/160), за которым следовали институциональные правила или практики (40,6 %, 65/160) и поведение персонала исправительного учреждения (26,3 %, 42/160) (Рисунок 18).

Анализ показывает, что, хотя услуги по охране психического здоровья доступны в местах лишения свободы, частота их использования варьирует. Чуть менее четверти респонденток пользовались этими услугами регулярно (22,5 %, 45), а почти половина — эпизодически (45,0 %, 90). В совокупности 67,5% (35) участниц имели по крайней мере один контакт с психологом, психиатром или получили консультацию. Меньшая часть респонденток сообщила о неудовлетворенных потребностях, заявив, что не получили услуги, хотя и обращались за ними (5,5%, 11). В то же время примерно в четверти случаев (24,5%, 49) респондентки указали, что не обращались за такими услугами, а в 2,5% (5) случаев — что не знают о существовании таких услуг (Рисунок 19).

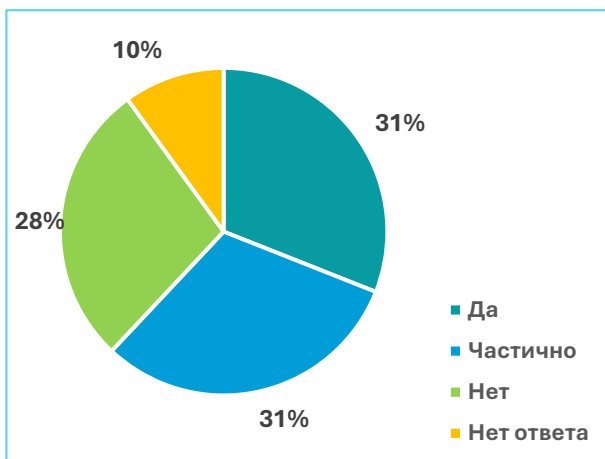
Получение психологической поддержки при тревоге, депрессии или стрессе было оценено на умеренном уровне: участницы указали, что либо получили адекватную поддержку, либо воспользовались ею частично (по 31,0%, 62). В совокупности в 62,0% (124) случаев участницы получили хотя бы определенный уровень поддержки. Напротив, 28,0% (56) отметили, что не получили поддержки, 3,5% (7) не смогли оценить, получили ли они ее или нет, а 6,5% (13) не ответили. Распределение данных свидетельствует о относительно широком, но неравномерном с точки зрения качества охвате, причем значительная часть участниц либо остается без поддержки, либо получает ее в недостаточной мере (Рисунок 19).

Рисунок 19. Доступ к услугам по охране психического здоровья и степень удовлетворения эмоциональных потребностей среди женщин, находящихся в местах лишения свободы

Во время содержания под стражей у вас был доступ к услугам по охране психического здоровья (психолог, психиатр, консультирование)?

Получали ли вы психологическую поддержку, доступ к консультациям по поводу тревоги, депрессии или стресса?

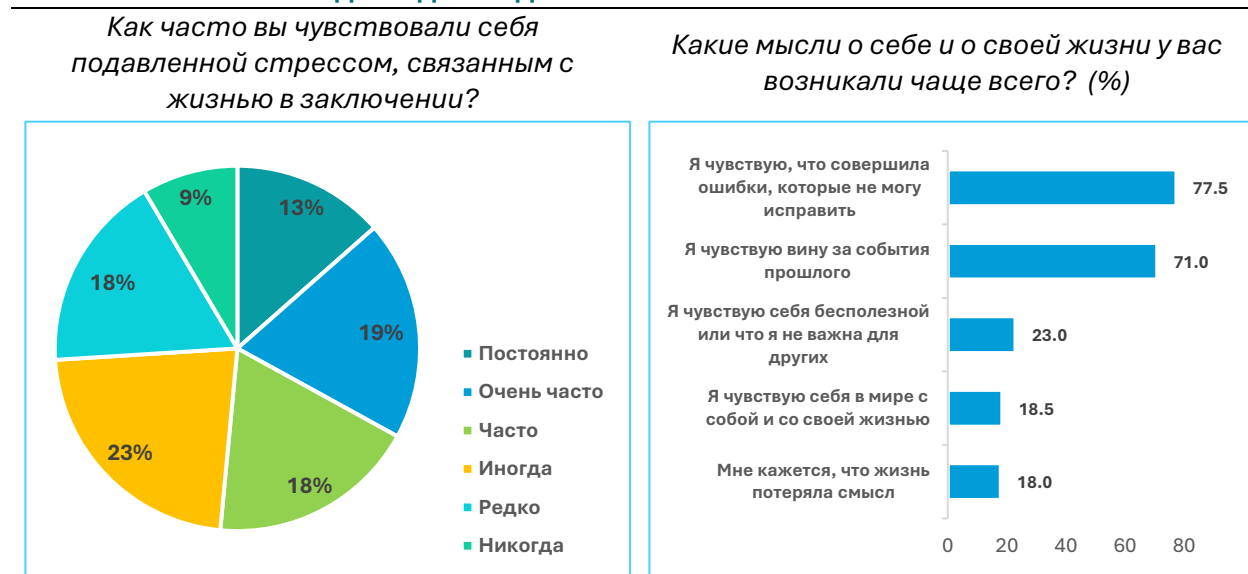

Стресс является постоянной и интенсивной составляющей опыта пребывания в заключении для большинства участниц, и чувство перегруженности стрессом, связанным с жизнью в заключении, ощущается очень сильно. Более половины (51,5%; 103) испытывали его часто: 13,5% (27) — постоянно, 19,5% (39) — очень часто, а 18,5% (37) — часто. Еще 40,0% (80) испытывали стресс эпизодически: либо иногда (22,5%, 45), либо редко (17,5%, 35). Лишь 8,5% (17) указали, что не чувствовали себя подавленными стрессом вообще. Распределение указывает на устойчивый уровень психоэмоционального напряжения, с частой подверженностью стрессу у каждой второй женщины (Рисунок 20).

Анализ преобладающих мыслей за последние две недели вырисовывает эмоциональный профиль, в котором доминируют самокритика и сожаление. Наиболее частыми утверждениями были «я чувствую, что совершила ошибки, которые не могу исправить» (77,5%, 155) и «я чувствую вину за события прошлого» (71,0%, 142), что свидетельствует о выраженных процессах самообвинения и переживаниях (Рисунок 20).

Также присутствуют негативные представления о собственной ценности: 23,0% (46) отметили, что чувствуют себя бесполезными или что они не имеют значения для других, а 18,0% (36) испытывали мысли типа «жизнь больше не имеет смысла». В противовес этому 18,5% (37) указали, что чувствуют себя в мире с собой и со своей жизнью, что свидетельствует о наличии ядра эмоциональной устойчивости (Рисунок 20).

Рисунок 20. Воспринимаемый стресс и доминирующие мысли у женщин в заключении за последние две недели

Анализ мыслей, которые возникают чаще всего в течение дня, в моменты тишины или когда женщины находятся в одиночестве, выявляет глубокую эмоциональную нагрузку и ряд повторяющихся переживаний. Наиболее частая категория мыслей связана с семьей и заботой о близких, о чем упомянули в 68,5% (137) случаев. Столь же значительная доля респонденток отметила, что *думает о совершенных ошибках и испытывает беспокойство* (60,0%, 120), а в более чем половине случаев они утверждали, что *с неуверенностью думают о будущем* или *чувствуют беспокойство и напряжение из-за условий содержания в*

пенитенциарном учреждении (по 55,5%, 111). Более небольшая, но значимая часть респонденток указала, что *чувствует себя подавленной мыслями, которые не может остановить* (37,0%, 74) (Рисунок 21).

В то же время 56,5% (113) респонденток указали, что иногда думают о вещах, которые успокаивают их и дают надежду, что, хотя и составляет меньшинство по сравнению с негативными переживаниями, свидетельствует о том, что, несмотря на трудности, женщинам иногда удается найти в себе ресурсы спокойствия и надежды (Рисунок 21).

Характеристика утреннего самочувствия подтверждает эмоциональную нагрузку. Наиболее часто упоминаемыми состояниями были *«я чувствую себя подавленной мыслями и заботами, связанными с содержанием под стражей»* (65,5 %, 131) и *«я чувствую себя беспокойной и напряжённой из-за окружающей обстановки»* (62,0 %, 124), за которыми следуют *«я чувствую себя уставшей и без энергии»* (48,0 %, 96) и *«я чувствую себя безнадежной, и мне трудно начать день»* (34,5 %, 69). Меньшее число участниц указали на положительное состояние *«я чувствую себя спокойной и принимаю повседневную рутину»* (29,0 %, 58) (Рисунок 21).

Рисунок 21. Доминирующие заботы и утренние эмоциональные переживания, испытываемые женщинами-заключенными в течение последних двух недель

Качество сна и ночные переживания женщин-заклѳенных дают важную информацию об их уровне стресса, эмоциональной уязвимости и способности адаптироваться к условиям тюрьмы. На вопрос о качестве ночного сна в течение последних двух недель в большинстве случаев респондентки отметили, что их сон был прерывистым или недостаточным: 51,5% (103) часто просыпались ночью, а 9,5% (19) заявили, что почти не могли заснуть. О том, что они спали хорошо, без перерывов, сообщили 15,0% (30) участниц, а 24,0% (48) указали, что засыпали с трудом, но впоследствии спали хорошо — результаты, которые указывают на то, что две трети женщин испытывают нарушения сна, что тесно связано с высоким уровнем

эмоционального стресса, напряженностью тюремной среды и трудностями адаптации к условиям содержания под стражей (Рисунок 22).

Анализ переживаний, связанных с неприятными сновидениями и кошмарами, подтверждает наличие эмоционально насыщенного профиля. Около половины респонденток (48,50%, 97) не испытывали таких эпизодов в течение последних двух недель, однако 29,5% (59) испытывали кошмары один-два раза, а 13,5% (27) — от трех до четырех раз. Уязвимая группа, составляющая 8,5% (17), утверждала, что видела кошмары почти каждую ночь, что указывает на выраженный уровень ночного стресса (Рисунок 22).

В целом, высокая частота ночных пробуждений в сочетании с распространенностью эпизодов неприятных снов создает картину эмоциональной нестабильности и значительных нарушений сна, что может повлиять на психологическое состояние и повседневную функциональность.

Рисунок 22. Качество ночного сна и тревожные сновидения у женщин, находящихся в местах лишения свободы, за последние две недели

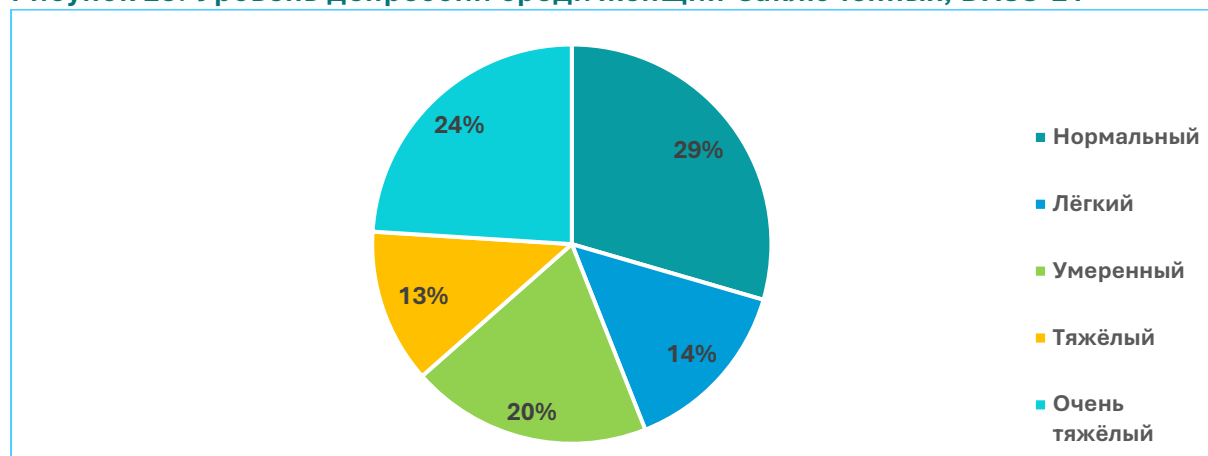
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

ДЕПРЕССИЯ — ИЗМЕРЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ

Анализ уровня депрессии как показателя эмоциональной нагрузки выявляет неоднородное распределение, причем значительная доля женщин находится в зонах депрессивной симптоматики. Примерно у трети участниц показатели находятся в пределах нормы (29,5%; 59), однако остальная часть распределения указывает на повышенный уровень эмоциональной уязвимости. Легкая депрессия наблюдается у 14,5% (29) женщин, а умеренная — у 19,5% (39). В то же время 12,5% (25) имеют тяжелую форму, а 24,0% (48) относятся к категории очень тяжелой депрессии. Профиль указывает на значительную распространенность депрессивных симптомов среди женщин-заклученных, что отражает

совокупное воздействие стресса, изоляции, отсутствия контроля и ограничительных условий на психологическое состояние (Рисунок 23).

Рисунок 23. Уровень депрессии среди женщин-заключенных, DASS-21

Депрессия: определяющие факторы и связанные контексты

Анализ распределения депрессии в зависимости от социально-демографических характеристик, таких как возраст, уровень образования и семейное положение, не выявил значимых связей с наличием депрессивных симптомов среди женщин-заключенных ($p > 0,05$ Таблица 5).

Кроме того, наличие несовершеннолетних детей, по-видимому, не влияет на вероятность развития депрессивных симптомов: 47,5% (67) женщин с депрессией имели несовершеннолетних детей, что почти соответствует доле, наблюдаемой в группе без депрессии (49,2%; 29) ($p = 0,834$) (Таблица 5).

Тем не менее, когда анализ был ограничен подгруппой матерей (96), стал очевидным аспект, имеющий значение для понимания эмоциональной уязвимости в условиях лишения свободы, а именно то, как ухаживают за детьми во время отсутствия матери. Подавляющее большинство (82,1%, 55) матерей, страдающих депрессией, указали, что несовершеннолетние находятся под непосредственным/семейным присмотром (у родственников, мужа/партнера или в исправительном учреждении вместе с матерью), по сравнению с 62,1% (18) матерей без депрессии. В то же время, о попечении в учреждении или о неопределенном положении (помещение в приют или незнание о положении ребенка) сообщили 17,9% (12) женщин с депрессией и 37,9% (11) женщин без депрессии. Наблюдаемые различия являются статистически значимыми ($p = 0,044$), а анализ отношения шансов (ОШ= 2,80) указывает на то, что у матерей, чьи дети остались на попечении семьи, риск развития депрессии почти в три раза выше, чем у тех, чьи дети находятся в учреждениях или в неопределенных условиях (Таблица 5).

Таблица 5. Социально-демографические факторы, связанные с депрессией среди женщин, находящихся в заключении

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	p-значение
	Да	Нет		
Всего	141	59		
Возраст				
<35 лет	71 (50,4)	27 (45,8)	1,20 [0,65–2,21]	0,558
> 35 лет	70 (49,6)	32 (54,2)	ref	
Образование				
<9 классов	76 (53,9)	28 (47,5)	1,90 [0,65–5,47]	0,250
Среднее	55 (39,0)	24 (40,7)	1,60 [0,54–4,71]	0,403
Высшее	10 (7,1)	7 (11,9)	ref	
Семейное положение*				
В браке	52 (36,9)	23 (39,0)	0,91 [0,48–1,71]	0,778
Без партнера	89 (63,1)	36 (61,0)	ref	
Несовершеннолетние дети				
Да	67 (47,5)	29 (49,2)	0,93 [0,51–1,72]	0,834
Нет	74 (52,5)	30 (50,8)	ref	
Место нахождения ребенка* (n=96)				
Прямой уход/уход родственников	55 (82,1)	18 (62,1)	2,80 [1,05–7,43]	0,044
Уход в учреждении/другой	12 (17,9)	11 (37,9)	ref	

* Семейное положение: с партнером (замужем, в гражданском браке); без партнера (незамужем, разведена, вдова);

* Место нахождения ребенка: непосредственный/семейный уход (с матерью в исправительном учреждении, у родственников, на попечении мужа/партнера); институциональный/нестабильный уход (помещение в приют, местонахождение неизвестно)

Анализ переменных, имеющих судебно-институциональное значение (количество приговоров, срок наказания, частота посещений и намерение освободиться) не выявили значимых связей с наличием депрессивных симптомов, при этом пропорции были близкими в группах с депрессией и без нее ($p > 0,05$), что указывает на относительно однородный эмоциональный профиль независимо от этих характеристик (Таблица 6)

Таблица 6. Судебно-институциональные факторы, связанные с депрессией среди женщин-заклученных

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Всего	141	59		
Первое осуждение				
Да	108 (69,5)	41 (69,5)	1,43 [0,72–2,89]	0,301
Нет	33 (23,4)	18 (30,5)	ref	
Срок наказания				
<3 года	71 (50,4)	36 (61,0)	0,64 [0,35–1,20]	0,172
> 3 года	70 (49,6)	23 (39,0)	cp	
Принимают посетителей				

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Да	87 (61,7)	35 (59,3)	1,10 [0,59–2,05]	0,753
Нет	54 (38,3)	24 (40,7)	ref	
Намерение освободиться				
Условно	63 (44,7)	22 (37,3)	1,35 [0,72–2,53]	0,340
По сроку или неизвестно	78 (55,3)	37 (62,7)	ref	
Осуждение за наркотики				
Да	20 (15,2)	20 (35,1)	0,33 [0,16–0,68]	0,003
Нет	112 (84,8)	37 (64,9)	ref	

Отсутствие ответа: осуждение за наркотики (11)

Единственная статистически значимая связь, обнаруженная среди проанализированных переменных, касается осуждений за преступления, связанные с наркотиками. Статистический анализ указывает на значительно более низкий риск депрессии среди женщин, осужденных за преступления, связанные с наркотиками (ОШ=0,33; $p=0,003$), что может отражать различные психосоциальные профили этой подгруппы или разную степень воздействия стрессовых факторов в тюремной среде (Таблица 6).

Анализ не выявил значимых связей между депрессией и качеством условий жизни, качеством личной гигиены, качеством питания и восприятием того, что питание сопоставимо с питанием мужчин (все $p>0,05$, Таблица 7).

В свою очередь, оценки сравнимости с мужчинами выявили две важные взаимосвязи. Во-первых, женщины, оценивавшие условия жизни как худшие или неоднозначные по сравнению с мужчинами, чаще страдают депрессией: 60,3% (85) женщин с депрессией оценили сопоставимость негативно или неоднозначно, по сравнению с 42,4% (25) в группе без депрессии. Различия являются статистически значимыми (ОШ=2,06; $p=0,021$), что указывает на то, что восприятие неравенства в условиях жизни коррелирует с повышенным риском проявления симптомов депрессии (Таблица 7).

Аналогичная картина наблюдается в отношении сопоставимости условий личной гигиены. У женщин, которые воспринимают условия личной гигиены как худшие или менее определённые по сравнению с теми, что предоставляются мужчинам, депрессия была диагностирована у 48,9% (69) по сравнению с 32,2% (19) в группе без депрессии. Статистически значимая ассоциация (ОШ=2,01; $p=0,030$) указывает на то, что восприятие неравенства в личной гигиене связано с более высоким риском депрессии (Таблица 7).

В целом результаты указывают на то, что не объективный уровень условий, гигиены или питания напрямую связан с депрессией, а скорее восприятие (не)равенства по отношению к мужчинам: там, где женщины считают, что их условия жизни и гигиены хуже или менее стабильны, чем у мужчин, вероятность наличия депрессивных симптомов значительно выше.

Таблица 7. Условия жизни, гигиены и качество питания как факторы, определяющие депрессию среди женщин-заклученных

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Всего	141	59		
Условия жизни				
Хорошие/приемлемые	115 (81,6)	53 (89,8)	ref	
Плохие/очень плохие	26 (18,4)	6 (10,2)	1,99 [0,77–5,14]	0,147
Условия жизни, сопоставимые с условиями жизни мужчин				
Положительное или равное восприятие	56 (39,7)	34 (57,6)	ref	
Негативное или неоднозначное восприятие	85 (60,3)	25 (42,4)	2,06 [1,14–3,82]	0,021
Условия личной гигиены				
Хорошие/приемлемые	106 (75,2)	50 (84,7)	ref	
Плохие/очень плохие	35 (24,8)	9 (15,3)	1,83 [0,81–4,10]	0,137
Условия личной гигиены сопоставимы с мужчинами				
Положительное или равное восприятие	72 (51,1)	40 (67,8)	ref	
Негативное или неоднозначное восприятие	69 (48,9)	19 (32,2)	2,01 [1,11–3,82]	0,030
Качество питания				
Хорошее/приемлемое	114 (80,9)	52 (88,1)	ref	
Плохое/очень плохое	27 (19,1)	7 (11,9)	1,75 [0,71–4,30]	0,216
Качество питания сопоставимо с мужчинами				
Положительное или равное восприятие	74 (52,5)	38 (64,4)	ref	
Отрицательное или неоднозначное восприятие	67 (47,5)	21 (35,6)	1,64 [0,87–3,07]	0,124

Данные исследования не выявили значимой связи между депрессией и восприятием полезности образовательных и развлекательных мероприятий ($p > 0,05$). В то же время, что касается возможностей трудоустройства, отмечается значимая связь между восприятием гендерного неравенства и симптомами депрессии. Среди женщин, считающих, что возможности трудоустройства в исправительном учреждении несправедливы по отношению к женщинам, 46,1% (65) страдали депрессией, по сравнению с 27,1% (16) среди женщин без депрессии. Статистический анализ показывает, что такое восприятие увеличивает вероятность проявления депрессивных симптомов примерно в 2,6 раза (ОШ=2,61; $p=0,008$). Напротив, восприятие возможностей как сопоставимых или по крайней мере частично справедливых чаще встречается среди женщин без депрессии (49,2%; 29), чем среди тех, кто страдает депрессией (31,9%; 45), что позволяет предположить, что ощущение институциональной справедливости действует как защитный фактор (Таблица 8).

Таблица 8. Полезность образовательных мероприятий и возможности трудоустройства как факторы, определяющие депрессию среди женщин-заклученных

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Всего	141	59		
Полезность образовательных и развлекательных мероприятий				
Полезны	110 (78,0)	47 (79,7)	ref	
Мало или совсем не полезны	18 (12,8)	5 (8,5)	1,53 [0,53–4,38]	0,437
Не знаю	13 (9,2)	7 (11,9)	0,79 [0,29–2,11]	0,640
Возможности трудоустройства				
Сопоставимые или частично	45 (31,9)	29 (49,2)	ref	
Неравенство в ущерб женщинам	65 (46,1)	16 (27,1)	2,61 [1,27–5,37]	0,008
Не могу оценить	31 (22,0)	14 (23,7)	1,42 [0,65–3,12]	0,383

Предыдущие случаи физического насилия, а также случаи сексуального насилия в прошлом не показали значимой связи с наличием депрессивных симптомов ($p > 0,05$, Таблица 9).

Восприятие дифференцированного обращения со стороны персонала исправительного учреждения по гендерному признаку значимо ассоциируется с депрессией. Среди женщин, заявивших, что они чувствовали себя по-разному из-за того, что они женщины, 24,1% (34) имели депрессивные симптомы, по сравнению с 11,9% (7) среди тех, кто не страдал депрессией. Статистический анализ показывает, что женщины, которые воспринимают дискриминационное обращение со стороны персонала, имеют примерно в 2,5 раза более высокий риск развития депрессии (ОШ=2,45; $p=0,043$) — результат, который свидетельствует о том, что восприятие институциональной несправедливости и гендерных различий в обращении представляет собой важный фактор психологической уязвимости в условиях заключения (Таблица 9).

Что касается физического насилия в тюрьме, различия между группами заметны – 14,9% (21) женщин с депрессией сталкивались с подобным опытом, по сравнению с 5,1% (3) женщин без депрессии. Данные указывают на то, что у женщин, подвергшихся физическому насилию в местах лишения свободы, риск развития депрессивных симптомов может быть более чем в 3 раза выше ($p=0,047$; ОШ=3,26); этот результат находится на грани статистической значимости, но указывает на необходимость мониторинга данной проблемы (Таблица 9).

Таблица 9. Случаи жестокого обращения и дискриминации как факторы, определяющие депрессию среди женщин-заклученных

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Всего	141	59		
История физического насилия				
Да	68 (48,2)	24 (40,7)	1,35 [0,73–2,51]	0,334
Нет	73 (51,8)	35 (59,3)	ref	

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Физическое насилие в пенитенциарном учреждении				
Да	21 (14,9)	3 (5,1)	3,26 [0,93–11,4]	0,047
Нет	120 (85,1)	56 (94,9)	ref	
История сексуального насилия				
Да	35 (24,8)	12 (20,3)	1,29 [0,61–2,71]	0,507
Нет	106 (75,2)	47 (79,7)	ref	
Вы когда-нибудь чувствовали, что персонал исправительного учреждения относился к вам иначе из-за того, что вы женщина				
Да	34 (24,1)	7 (11,9)	2,45 [1,40–6,02]	0,043
Не уверена	26 (18,4)	11 (18,6)	1,19 [0,53–2,65]	0,673
Нет	81 (57,4)	41 (69,5)	ref	

Результаты исследования подчеркивают важную роль частого воздействия негативных эмоциональных ситуаций как фактора, определяющего депрессивную нагрузку в условиях заключения. Высокая частота таких неблагоприятных переживаний, испытанных за последние 12 месяцев, значимо и стабильно ассоциировалась с повышенным уровнем депрессивных симптомов. Женщины с депрессией 42,6% (60) упоминали такие ситуации часто, по сравнению с 13,6% (8) с женщинами без депрессии; отношение шансов указывает на примерно в 7,5 раз более высокий риск депрессии у женщин, часто подвергающихся таким ситуациям (ОШ=7,50; p=0,001) (Таблица 10).

Кроме того, доступ к психологической помощи в связи тревогой, депрессией или стрессом коррелировал с более высоким уровнем депрессивных симптомов: 67,4% (95) женщин с депрессией указали, что имели доступ к психологической помощи или ею пользовались, по сравнению с 49,2% (29) среди тех, кто не страдал депрессией. Оценка показывает двукратный риск депрессии среди женщин, имевших доступ к психологической помощи (ОШ=2,13; p=0,017, Таблица 10). Следует отметить, что эту взаимосвязь необходимо интерпретировать с осторожностью, поскольку она, вероятно, обусловлена обратной причинно-следственной связью (женщины с клиническими признаками чаще обращаются за психологической помощью) и механизмами отбора (направление к специалистам в зависимости от тяжести состояния), а не причинно-следственным влиянием психологической помощи на повышение риска депрессии.

Таблица 10. Негативные эмоциональные состояния и доступ к консультированию – связи с депрессией среди женщин, находящихся в местах лишения свободы

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	141	59		
Негативные эмоциональные переживания в местах лишения свободы (12 месяцев)				
Часто	60 (42,6)	8 (13,6)	7,50 [2,86–19,6]	0,001
Иногда	61 (43,3)	31 (52,5)	1,96 [0,92–4,18]	0,083

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Никогда	20 (14,2)	20 (33,9)	ref	
Доступ к консультациям по поводу тревоги, депрессии или стресса				
Да	95 (67,4)	29 (49,2)	2,13 [1,14–3,97]	0,017
Нет	46 (32,6)	30 (50,8)	ref	

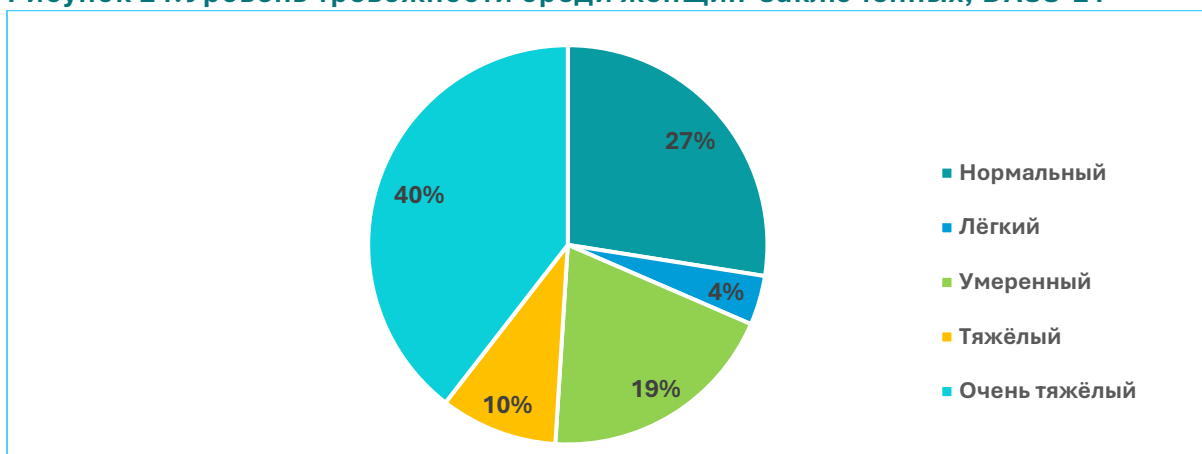
ТРЕВОЖНОСТЬ — ИЗМЕРЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ

Структура тревожности свидетельствует о сильно поляризованном, несбалансированном эмоциональном профиле, характеризующемся высокой долей тяжелых и очень тяжелых клинических симптомов. Нормальный уровень тревожности наблюдается у 27,5% (55) участниц, что указывает на то, что для относительно небольшого меньшинства условия содержания под стражей не вызывают выраженной тревожной реакции. Уровень легкой тревожности наблюдается у 4,0% женщин (8), что указывает на небольшую зону начальной уязвимости (Рисунок 24).

Значительная доля — 19,5% (39) участниц — попадает в категорию умеренной тревожности, уровень которой в клинической литературе ассоциируется с заметным влиянием на повседневное эмоциональное функционирование. В то же время тяжелая тревожность наблюдается в 9,5% (19) случаев, что уже свидетельствует о выраженной симптоматике, с которой трудно справиться в ограничивающих условиях заключения (Рисунок 24).

Наиболее тревожным элементом распределения является категория «очень сильная тревожность», в которую входят 39,5% (79) женщин — наибольшая доля среди всех категорий, что свидетельствует о наличии интенсивного, стойкого эмоционального страдания, способного существенно повлиять на психологическое состояние, поведение и способность адаптироваться к условиям жизни в пенитенциарной среде (Рисунок 24).

Рисунок 24. Уровень тревожности среди женщин-заклученных, DASS-21

Тревожность: определяющие факторы и связанные контексты

Результаты исследования не выявили значимых связей между социально-демографическими факторами, такими как возраст, уровень образования, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей и местонахождение ребенка, в соотношении с наличием симптомов тревожности ($p > 0,05$). Распределения между категориями с признаками и без признаков тревожности были относительно близкими, что позволяет предположить, что эти переменные личного и семейного профиля не являются основными детерминантами тревожной уязвимости в условиях заключения (Таблица 11).

Таблица 11. Социально-демографические факторы, связанные с тревожностью среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	145	55		
Возраст				
<35 лет	71 (49,0)	27 (49,1)	0,99 [0,53–1,85]	1,000
> 35 лет	74 (51,0)	28 (50,9)	ref	
Образование				
<9 классов	77 (53,1)	27 (49,1)	1,55 [0,52–4,61]	0,435
Среднее	57 (39,3)	22 (40,0)	1,41 [0,46–4,28]	0,547
Высшее	11 (7,6)	6 (10,9)	ref	
Семейное положение*				
С партнером	58 (40,0)	17 (30,9)	1,49 [0,77–2,88]	0,240
Без партнера	87 (60,0)	38 (69,1)	ref	
Несовершеннолетние дети				
Да	67 (46,2)	29 (52,7)	0,77 [0,41–1,43]	0,415
Нет	78 (53,8)	26 (47,3)	ref	
Место нахождения ребенка* (n=96)				
Прямой уход/уход родственников	52 (77,6)	21 (72,4)	1,32 [0,48–3,57]	0,588
Уход в учреждении/другой уход	15 (22,4)	8 (27,6)	ref	

* Семейное положение: с партнером (замужем, в гражданском браке); без партнера (незамужем, разведена, вдова);

* Место нахождения ребенка: непосредственный/семейный уход (с матерью в исправительном учреждении, у родственников, на попечении мужа/партнера); институциональный/неизвестный уход (помещение в приют, местонахождение неизвестно)

Исследование не выявило статистически значимых связей между факторами, имеющими судебно-институциональное значение (количество приговоров, срок наказания и предполагаемая дата освобождения), и наличием симптомов тревоги у женщин-заключенных ($p > 0,05$; Таблица 12).

Что касается посещений, статистический анализ показал, что риск развития тревожности у женщин, которых посещают родственники или близкие люди, примерно в 2 раза выше (ОШ=1,97; $p=0,036$) — эта связь может отражать эмоциональную сложность, характерную для

семейных отношений в условиях лишения свободы: посещения, хотя и поддерживают эмоциональную связь, могут усиливать тревогу, связанную с разлукой, обязанностями, положением детей или трудностями реинтеграции (Таблица 12).

Еще одним фактором со значимой ассоциацией является осуждение за преступления, связанные с наркотиками. Результаты указывают на защитный эффект: у женщин, осужденных за преступления, связанные с наркотиками, риск проявления тревожности примерно в 2,6 раза ниже (ОШ=0,38; $p=0,013$, Таблица 12). Однако следует отметить, что этот вывод требует осторожной интерпретации, поскольку он может отражать различные психосоциальные профили, предыдущий доступ к лечению опиоидными агонистами, разную адаптацию к институциональной среде или специфические механизмы психологической адаптации.

Таблица 12. Судебно-институциональные факторы, связанные с тревожностью у женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
	Всего	145	55	
Первое осуждение				
Да	112 (77,2)	37 (67,3)	1,65 [0,83–3,27]	0,158
Нет	33 (22,8)	18 (32,7)	ref	
Срок наказания				
< 3 года	74 (51,0)	33 (60,0)	0,69 [0,37–1,30]	0,262
> 3 года	71 (49,0)	22 (40,0)	ref	
Принимают посетителей				
Да	95 (65,5)	27 (49,1)	1,97 [1,15–3,69]	0,036
Нет	50 (34,5)	28 (50,9)	ref	
Намерение освободиться				
Условно	62 (42,8)	23 (41,8)	1,04 [0,55–1,94]	0,908
По сроку или неизвестно	83 (57,2)	32 (58,2)	ref	
Осуждение за наркотики*				
Да	22 (16,3)	18 (33,3)	0,38 [0,18–0,81]	0,013
Нет	113 (83,7)	36 (66,7)	ref	

Отсутствие ответа: осуждение за наркотики (11)

Не было выявлено значимых связей между тревожностью и общей оценкой условий жизни, условий личной гигиены, а также качества питания или сопоставимости питания с тем, что предлагается мужчинам (все $p>0,05$). Распределения были схожими среди женщин с тревожностью и без нее, что позволяет предположить, что эти оценочные измерения не объясняют вариацию тревожных симптомов (Таблица 13).

Очевидны две значимые связи, связанные с тревожностью, обе касающиеся сравнительного восприятия по отношению к мужчинам, а именно: восприятие условий жизни и личной гигиены, сопоставимых с условиями заключенных-мужчин. Так, у женщин, считающих, что их условия проживания и личной гигиены хуже или неизвестны по сравнению с мужчинами, уровень тревожности был значительно выше (62,1% и 49,0% соответственно) (Таблица 13).

В данном контексте данные показывают, что с тревожностью связан не столько воспринимаемый уровень условий, сколько ощущение неравенства по сравнению с мужчинами как в отношении условий жизни, так и личной гигиены.

Таблица 13. Условия жизни, гигиена и питание как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	145	55		
Условия жизни				
Хорошие/приемлемые	121 (83,4)	47 (85,5)	ref	
Плохие/очень плохие	24 (16,6)	8 (14,5)	0,85 [0,36–2,04]	0,750
Условия жизни сопоставимы с условиями жизни мужчин				
Положительное или равное восприятие	55 (37,9)	35 (63,6)	ref	
Негативное или неоднозначное восприятие	90 (62,1)	20 (36,4)	0,34 [0,18–0,66]	0,001
Условия личной гигиены				
Хорошие/приемлемые	109 (75,2)	47 (85,5)	ref	
Плохие/очень плохие	36 (24,8)	8 (14,5)	0,51 [0,22–1,19]	0,117
Условия личной гигиены сопоставимы с мужчинами				
Положительное или равное восприятие	74 (51,0)	38 (69,1)	ref	
Отрицательное или неоднозначное восприятие	71 (49,0)	17 (30,9)	0,46 [0,24–0,90]	0,022
Качество питания				
Хорошее/приемлемое	119 (82,1)	47 (85,5)	ref	
Плохое/очень плохое	26 (17,9)	8 (14,5)	0,77 [0,32–1,84]	0,587
Качество питания сопоставимо с мужчинами				
Положительное или равное восприятие	80 (55,2)	37 (67,3)	ref	
Отрицательное или неоднозначное восприятие	65 (44,8)	18 (32,7)	0,59 [0,31–1,14]	0,124

Анализ не выявил значимых связей между тревожностью и полезностью образовательных и развлекательных мероприятий, поскольку анализируемые категории демонстрировали схожие распределения среди женщин с тревожностью и без нее ($p > 0,05$, **Error! Reference source not found.** Таблица 14).

Возможности трудоустройства, однако, отражают значимую связь с тревожностью. Женщины, которые воспринимают возможности трудоустройства как несправедливые в отношении женщин, демонстрируют тревожность в значительно более высокой доле случаев (47,6%). Такое восприятие несправедливости почти втрое увеличивает вероятность проявления тревожных симптомов (ОШ=2,93; $p=0,006$), что позволяет предположить, что

чувство несправедливости в доступе к ресурсам и производительной деятельности может являться психологическим фактором риска в условиях заключения (Таблица 14).

Таблица 14. Полезность образовательных мероприятий и возможности трудоустройства как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	145	55		
Полезность образовательных и развлекательных мероприятий				
Полезно	114 (78,6)	43 (78,2)	ref	
Мало или совсем не полезны	15 (10,3)	8 (14,5)	0,70 [0,27–1,78]	0,468
Не знаю	16 (11,0)	4 (7,3)	1,51 [0,48–4,77]	0,507
Возможности трудоустройства				
Сопоставимые или частично	49 (33,8)	25 (45,5)	ref	
Неравенство в ущерб женщинам	69 (47,6)	12 (21,8)	2,93 [1,34–6,39]	0,006
Не могу оценить	27 (18,6)	18 (32,7)	1,42 [0,65–3,12]	0,383

Анализ случаев физического насилия до заключения, физического насилия в тюрьме и случаев сексуального насилия в прошлом не выявил значимой связи с тревожностью ($p > 0,05$), при этом распределение среди женщин с тревожностью и без нее было относительно схожим.

Что касается восприятия дифференцированного обращения со стороны тюремного персонала по гендерному признаку, наблюдается значимая тенденция, хотя она и не достигает порога статистической значимости. Так, 24,1% женщин с тревожностью отметили, что чувствовали себя по-разному из-за того, что они женщины, по сравнению с 10,9% в группе без тревожности. Статистическая оценка указывает на примерно в 2,3 раза более высокий риск тревожности среди женщин, которые воспринимают гендерную дискриминацию со стороны персонала (ОШ=2,34), что указывает на потенциальную связь между институциональным климатом и эмоциональным состоянием, даже если она формально не подтверждается на статистическом уровне ($p = 0,071$, Таблица 15).

Таблица 15. Опыт насилия и дискриминации как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	145	55		
История физического насилия				
Да	69 (47,6)	23 (41,8)	1,26 [0,67–2,36]	0,471
Нет	76 (52,4)	32 (58,2)	ref	
Физическое насилие в пенитенциарном учреждении				
Да	19 (13,3)	5 (9,1)	1,29 [0,61–2,71]	0,057
Нет	124 (86,7)	50 (90,9)	ref	
История сексуального насилия				

Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Да	35 (24,1)	12 (21,8)	1,14 [0,54–2,41]	0,744
Нет	110 (75,9)	43 (78,2)	ref	
Вы когда-нибудь чувствовали, что персонал исправительного учреждения относился к вам иначе из-за того, что вы женщина				
Да	35 (24,1)	6 (10,9)	2,34 [0,91–6,07]	0,071
Не уверена	23 (15,9)	14 (25,5)	0,66 [0,30–1,43]	0,301
Нет	87 (60,0)	35 (63,6)	ref	

Частое пребывание в эмоционально негативных ситуациях (за последние 12 месяцев) тесно связано с тревожностью: 42,8 % женщин с тревожностью указали на такие ситуации, по сравнению с 10,9 % в группе без тревожности. Статистическая оценка указывает на примерно в 5,5 раз более высокий риск тревожности (ОШ=5,47; p=0,001) среди женщин, переживших негативные эмоциональные ситуации, что свидетельствует о наличии четкой зависимости «доза-реакция» между частотой воздействия и тревожной нагрузкой (Таблица 16).

Обращение за психологической помощью по поводу тревоги, депрессии или стресса связано с более высоким уровнем тревожности: 65,5% женщин с тревожностью получали психологическую помощь, по сравнению с 52,7% в группе без тревожности, что соответствует практически двукратному риску (ОШ=1,88; p=0,048, Таблица 16). Тем не менее, интерпретация данных требует осторожности, поскольку на нее, вероятно, влияют обратная причинно-следственная связь (женщины с симптомами чаще обращаются за психологической помощью) и клиническая выборка (направление к специалистам в зависимости от тяжести состояния).

Таблица 16. Негативные эмоциональные состояния и доступ к консультированию как факторы, определяющие уровень тревожности среди женщин-заключенных

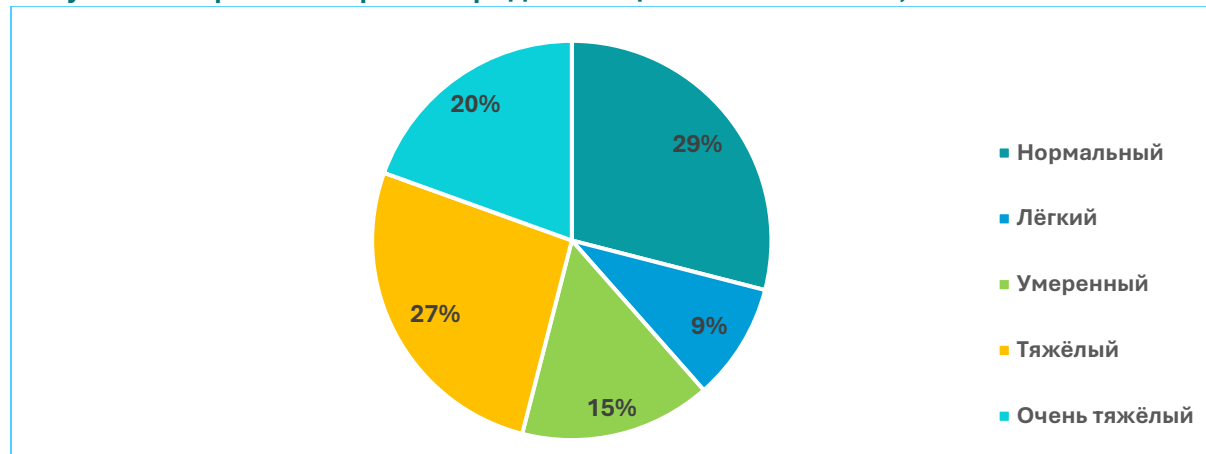
Название определяющего фактора	Тревожность, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Всего	145	55		
Негативные эмоциональные переживания в местах лишения свободы (12 месяцев)				
Часто	62 (42,8)	6 (10,9)	5,47 [1,89–15,8]	0,001
Иногда	57 (39,3)	35 (63,6)	0,87 [0,40–1,90]	0,748
Вовсе нет	26 (17,9)	14 (25,5)	ref	
Доступ к консультациям по вопросам тревоги, депрессии или стресса				
Да	95 (65,5)	29 (52,7)	1,88 [1,10–3,55]	0,048
Нет	50 (34,5)	26 (47,3)	cp	

СТРЕСС — ИЗМЕРЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ

Профиль стресса, измеренный с помощью DASS-21, указывает на высокую распространенность симптомов стресса в исследуемой популяции. Отмечается эмоционально насыщенный профиль, причем почти половина участниц попадает в верхние

зоны: сильный стресс (26,5%, 53) и очень сильный (19,5%, 39) — в сумме 46,0%. Сегмент умеренного уровня составляет 15,5% (31) женщин, в то время как нижние уровни представлены категориями «нормальный» (29,0%, 58) и «лёгкий» (9,5%, 19), составляя в сумме 38,5%. Таким образом, данный профиль указывает на значительную стрессовую нагрузку в условиях заключения с высокой долей клинических случаев, потенциально обусловленную отсутствием контроля над повседневной жизнью, неопределенностью в отношении будущего, разлукой с семьей и напряженностью, присущей институциональной среде (Рисунок 25).

Рисунок 25. Уровень стресса среди женщин-заклѳченных, DASS-21

Стресс: определяющие факторы и связанные с ним контексты

Анализируемые социально-демографические переменные (возраст, уровень образования, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей и местонахождение ребенка) не демонстрируют значимой связи с уровнем стресса ($p > 0,05$), при этом распределения среди женщин со стрессом и без стресса были относительно схожими в разных категориях — эти результаты позволяют предположить, что на воспринимаемый стресс в большей степени влияют условия содержания, эмоциональные переживания и атмосфера в пенитенциарном учреждении, чем личные или семейные факторы участниц (Таблица 17).

Таблица 17. Социально-демографические факторы, связанные с состоянием стресса у женщин-заклѳченных

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
	Всего	142	58	
Возраст				
< 35 лет	92 (64,8)	35 (60,3)	1,21 [0,64–2,26]	0,556
> 35 лет	50 (35,2)	23 (39,7)	ср	
Образование				
< 9 классов	76 (53,5)	28 (48,3)	1,48 [0,50–4,38]	0,485
Среднее	55 (38,7)	24 (41,4)	1,25 [0,41–3,77]	0,690
Высшее	11 (7,7)	6 (10,3)	ср	

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Семейное положение*				
С партнером	53 (37,3)	22 (37,9)	0,97 [0,52–1,83]	0,932
Без партнера	89 (62,7)	36 (62,1)	ref	
Несовершеннолетние дети				
Да	67 (47,2)	29 (50,0)	0,89 [0,48–1,64]	0,720
Нет	75 (52,8)	29 (50,0)	cp	
Место нахождения ребенка* (n=96)				
Прямой уход/уход родственников	52 (77,6)	21 (72,4)	1,32 [0,48–3,57]	0,588
Уход в учреждении/неизвестно	15 (22,4)	8 (27,6)	ref	

* Семейное положение: с партнером (замужем, в гражданском браке); без партнера (незамужем, разведена, вдова);

* Место нахождения ребенка: непосредственный/семейный уход (с матерью в тюрьме, у родственников, на попечении мужа/партнера); институциональный/неизвестный уход (помещение в приют, местонахождение неизвестно)

Что касается юридического аспекта заключения, такие переменные, как история судимостей, продолжительность наказания, доступ к посещениям или перспектива освобождения, не связаны значимо с уровнем воспринимаемого стресса ($p > 0,05$). Схожие распределения среди женщин, испытывающих стресс, и тех, кто его не испытывает, позволяют предположить, что юридические особенности заключения не являются фактором, существенно влияющим на переживание стресса (Таблица 18).

Подобно депрессии и тревоге, было отмечено, что статистический анализ переменной, связанной с осуждением за преступления, связанные с наркотиками, указывает на значительно более низкий риск депрессии среди женщин, осужденных за такие преступления (ОШ=0,40; $p=0,016$). Обратная связь указывает на результат, который может отражать различные психосоциальные профили этой подгруппы или разную степень воздействия стрессовых факторов в тюремной среде (Таблица 18).

Таблица 18. Судебные и институциональные факторы, связанные со стрессовым состоянием у женщин-заклученных

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	142	58		
Первое осуждение				
Да	106 (74,6)	43 (74,1)	1,03 [0,51–2,06]	1 000
Нет	36 (25,4)	15 (25,9)	ref	
Срок наказания				
< 3 года	74 (52,1)	33 (56,9)	0,82 [0,44–1,52]	0,544
> 3 года	68 (47,9)	25 (43,1)	ref	
Принимают посетителей				
Да	89 (62,7)	33 (56,9)	1,27 [0,68–2,36]	0,451
Нет	53 (37,3)	25 (43,1)	ref	

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Намерение освободиться				
Условно	63 (44,4)	22 (37,9)	1,30 [0,69–2,43]	0,410
По сроку или неизвестно	79 (55,6)	36 (62,1)	ref	
Осуждение за наркотики*				
Да	22 (16,4)	18 (32,7)	0,40 [0,19–0,83]	0,016
Нет	112 (83,6)	37 (67,3)	ref	

Отсутствие ответа: осуждение за наркотики (11)

Общие условия жизни, качество личной гигиены и качество питания не имеют значимой связи с воспринимаемым стрессом ($p > 0,05$, Таблица 19).

Что касается сопоставимости условий жизни с условиями жизни мужчин, наблюдаются значимые связи. Для женщин, которые негативно оценивают условия проживания и качество питания по сравнению с мужчинами, риск развития стресса оценивается примерно в 2 раза выше (ОШ=1,97; $p=0,032$) и, соответственно, примерно в 3 раза выше (ОШ=2,93; $p=0,004$). Результаты, подчеркивающие роль восприятия несправедливости в усилении эмоциональной нагрузки в условиях заключения (Таблица 19).

Таблица 19. Условия проживания, гигиена и питание как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
	Всего	142	58	
Условия жизни				
Хорошие/приемлемые	116 (81,7)	52 (89,7)	ref	
Плохие/очень плохие	26 (18,3)	6 (10,3)	1,94 [0,75–5,0]	0,166
Условия жизни сопоставимы с условиями жизни мужчин				
Положительное или равное восприятие	57 (40,1)	33 (56,9)	ref	
Негативное или неоднозначное восприятие	85 (59,9)	25 (43,1)	1,97 [1,17–3,65]	0,032
Условия личной гигиены				
Хорошие/приемлемые	108 (76,1)	48 (82,2)	ref	
Плохие/очень плохие	34 (23,9)	10 (17,2)	1,51 [0,69–3,30]	0,307
Условия личной гигиены сопоставимы с мужчинами				
Положительное или равное восприятие	75 (52,8)	37 (63,8)	ref	
Негативное или неоднозначное восприятие	67 (47,2)	21 (36,2)	1,57 [0,83–2,95]	0,159
Качество питания				
Хорошее/приемлемое	115 (81,0)	51 (87,9)	ref	
Плохое/очень плохое	27 (19,0)	7 (19,0)	1,71 [0,69–4,18]	0,242
Качество питания сопоставимо с мужчинами				

Название определяющего фактора	Депрессия, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Положительное или равное восприятие	74 (52,1)	43 (74,1)	ref	
Отрицательное или неоднозначное восприятие	68 (47,9)	15 (25,9)	2,63 [1,34–5,16]	0,004

Полезность образовательных и развлекательных мероприятий не имеет значимой связи со стрессовым состоянием ($p > 0,05$). Как у женщин, испытывающих стресс, так и у тех, кто его не испытывает, отмечаются схожие показатели полезности мероприятий (76,1% против 84,5%). Кроме того, незнание о данных видах деятельности не приводит к статистически значимой разнице между двумя группами (Таблица 20).

Вместе с тем, занятия, воспринимаемые как «мало или совсем не полезные», связаны со значительно повышенным риском стресса. Среди женщин этой категории доля испытывающих стресс составляет 14,8% по сравнению с 3,4% среди тех, кто не испытывает стресса, что соответствует примерно в 5 раз более высокому риску проявления стресса (ОШ=4,76; $p=0,020$) — эта зависимость предполагает, что восприятие бесполезности образовательных мероприятий может усиливать психологическое напряжение, указывая на защитную роль участия в значимых и воспринимаемых как ценные мероприятиях (**Error! Reference source not found.**Таблица 20).

Что касается возможностей трудоустройства, женщины, которые воспринимают неравенство в свою пользу, демонстрируют значительно более высокий уровень стресса: 45,8% в группе со стрессом по сравнению с 27,6% в группе без стресса. Статистическая оценка показывает в 2,5 раза более высокий риск стресса среди женщин, считающих, что возможности трудоустройства несправедливы (ОШ=2,47; $p=0,013$) (**Error! Reference source not found.**Таблица 20).

Таблица 20. Полезность образовательных мероприятий и возможности трудоустройства как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	142	58		
Полезность образовательных и развлекательных мероприятий				
Полезно	108 (76,1)	49 (84,5)	ref	
Мало или совсем не полезны	21 (14,8)	2 (3,4)	4,76 [1,07–21,1]	0,020
Не знаю	13 (9,2)	7 (12,1)	0,84 [0,31–2,42]	0,725
Возможности трудоустройства				
Сопоставимые или частично	46 (32,4)	28 (48,3)	ref	
Неравенство в ущерб женщинам	65 (45,8)	16 (27,6)	2,47 [1,20–5,08]	0,013
Не могу оценить	31 (21,8)	14 (24,1)	1,34 [0,62–2,96]	0,466

Предыдущие случаи физического насилия, а также история сексуального насилия и восприятие дифференцированного обращения со стороны персонала не показали значимой связи со стрессом среди женщин-заклученных ($p > 0,05$, Таблица 21).

Физическое насилие в тюрьме значимо связано со стрессом. Среди женщин, испытывающих стресс, 14,9% упомянули физическое насилие в течение последних 12 месяцев, по сравнению с 5,3% в группе без стресса. Оценка показывает в 1,3 раза более высокий риск развития стресса среди тех, кто подвергся физическому насилию в местах лишения свободы (ОШ=1,29; $p=0,046$). Хотя эффект является умеренным по величине, абсолютная разница ($\approx 9,6$ процентных пункта) и статистические тесты подтверждают значимость явления (Таблица 21).

Таблица 21. Пережитый опыт насилия и права как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заклучённых

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	P-значение
	Да	Нет		
Всего	142	58		
История физического насилия				
Да	67 (47,2)	25 (43,1)	1,18 [0,64–2,18]	0,604
Нет	75 (52,8)	33 (56,9)	ref	
Физическое насилие в пенитенциарном учреждении				
Да	21 (14,9)	3 (5,3)	1,29 [0,61–2,71]	0,046
Нет	120 (85,1)	54 (94,7)	ref	
История сексуального насилия				
Да	36 (25,4)	11 (19,0)	1,45 [0,68–3,09]	0,342
Нет	106 (74,6)	47 (81,0)	ref	
Вы когда-нибудь чувствовали, что персонал исправительного учреждения относился к вам иначе из-за того, что вы женщина				
Да	34 (23,9)	7 (12,1)	2,33 [0,80–6,76]	0,126
Не уверена	83 (58,5)	39 (67,2)	1,02 [0,46–2,43]	0,948
Нет	25 (17,6)	12 (20,7)	ref	

Негативные эмоциональные переживания в условиях содержания под стражей представляют собой переменную, наиболее тесно связанную со стрессовым состоянием.

Высокая частота пережитых за последние 12 месяцев негативных эмоциональных ситуаций ассоциируется с повышенным уровнем стресса: 40,8% женщин со стрессом указали на такие ситуации как «часто», по сравнению с 17,2% в группе без стресса. Статистическая оценка указывает на примерно в 6 раз более высокий риск стресса среди женщин, часто подвергающихся негативным эмоциям (ОШ=5,80; $p=0,001$) (Таблица 22).

«Случайное» воздействие также демонстрирует значимую, но меньшую по величине связь: 45,1% женщин со стрессом по сравнению с 48,3% в группе без стресса, что соответствует риску, примерно в 2,3 раза более высокому (ОШ=2,28; $p = 0,036$) (Таблица 22).

Выясняется, что чем интенсивнее или чаще негативное эмоциональное воздействие, тем выше вероятность стресса.

Таблица 22. Негативные эмоциональные ситуации и доступ к психологической помощи как факторы, определяющие уровень стресса среди женщин-заключенных

Название определяющего фактора	Стресс, N (%)		ОШ [95% ДИ]	Р-значение
	Да	Нет		
Всего	142	58		
Негативные эмоциональные переживания в местах лишения свободы (12 месяцев)				
Часто	58 (40,8)	10 (17,2)	5,80 [2,32–14,5]	0,001
Иногда	64 (45,1)	28 (48,3)	2,28 [1,16–4,89]	0,036
Никогда	20 (14,1)	20 (34,5)	ref	
Доступ к консультациям по поводу тревоги, депрессии или стресса				
Да	90 (63,4)	34 (58,6)	1,22 [0,65–2,28]	0,532
Нет	52 (36,6)	24 (41,4)	ref	

ГОЛОС ЖЕНЩИН-ЗАКЛЮЧЕННЫХ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОЖИДАЕМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Участницам исследования было предложено перечислить **три основные проблемы**, с которыми сталкиваются женщины, содержащиеся в пенитенциарной системе. Полученные ответы показывают четкое распределение проблем, сгруппированных по материальным, институциональным и эмоциональным аспектам (Рисунок 26).

Наиболее часто упоминаемые проблемы касаются **качества питьевой воды** (32,5%, 65) и **общих условий содержания**, таких как недостаточная гигиена, переполненность камер, холод, ограниченный доступ к туалету (30,0%, 60) — области, отражающие системные структурные проблемы, которые, по мнению респондентов, оказывают прямое и постоянное влияние на здоровье и базовый комфорт. Были также освещены **проблемы, связанные с питанием**: недостаточное или некачественное питание, отсутствие фруктов и овощей или отсутствие оборудованной кухни (12,5%, 25). Еще в 12,5% (25) случаев респондентки упомянули **отсутствие работы или низкую заработную плату**, указывая на ограничения в отношении производительной деятельности и финансовой самостоятельности в условиях содержания под стражей.

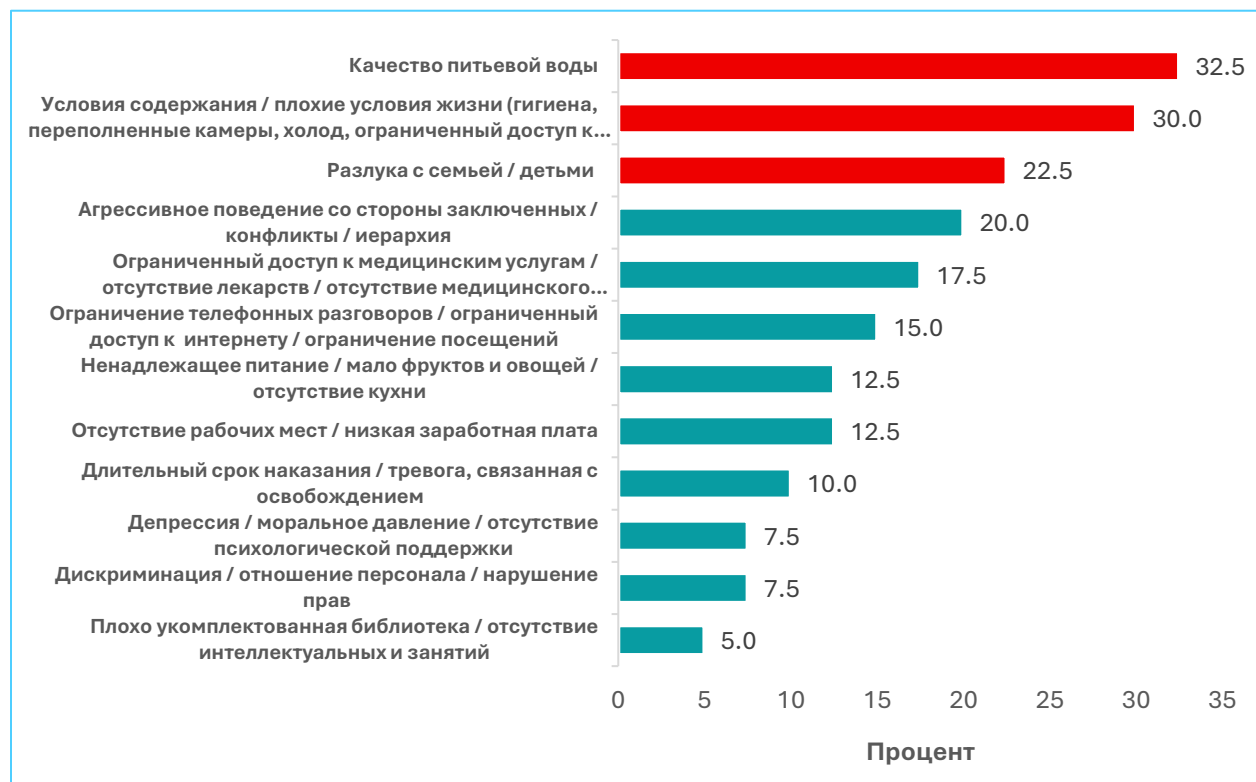
На **психологическом уровне** отмечались тревога, связанная со сроком наказания или приближением освобождения (10%, 20), депрессия, моральное давление или отсутствие психологической поддержки (7,5%, 15). В остальных 7,5% (15) случаев участницы жаловались на дискриминацию, отношение персонала или несоблюдение прав, что свидетельствует о восприятии институциональных барьеров в повседневных взаимодействиях.

В социально-эмоциональном плане упомянутыми проблемами были **разлука с семьей и детьми** (22,5%, 45) и трудности, вызванные **агрессивным поведением других заключенных**, включая конфликты и неформальную иерархию (20,0%, 40) — аспекты, указывающие на напряженную атмосферу в отношениях, что может повлиять на восприятие безопасности и эмоциональное состояние.

Еще одна критическая область связана с доступом к основным услугам, таким как: ограниченный доступ к **медицинским услугам**, отсутствие лекарств или нехватка медицинского персонала (17,5%, 35). Кроме того, ограничения на коммуникацию — телефонные разговоры, доступ к Интернету и посещения — представляют собой значительное препятствие в 15% (30) случаев, что может усугубить социальную изоляцию и тревогу.

В рамках **профессионально-образовательного** аспекта отмечалось скудное оснащение библиотеки или отсутствие интеллектуальных и профессиональных занятий — об этом упомянули в 5,0 % (10) случаев.

Рисунок 26. Основные проблемы, выявленные женщинами, находящимися в местах лишения свободы

Сводка ответов участниц относительно желаемых изменений, направленных на улучшение условий содержания женщин в заключении, представляет собой целостный набор приоритетов, отражающих как базовые структурные потребности, так и аспекты, связанные с институциональной средой, безопасностью и личностным развитием (Рисунок 27).

В топе решений находятся меры, касающиеся **инфраструктуры и стандартов повседневной жизни**. На первом месте находится качество питьевой воды (30,0%, 60), за которым следуют условия личной гигиены, такие как доступ к туалету, стирка одежды (27,5%, 55) и улучшение условий проживания — камеры, вентиляция, личное пространство, общая гигиена (25,0%, 50).

Что касается услуг, участницы просят **улучшить доступ к медицинским услугам**, лекарствам, государственным больницам (20,0%, 40) и обеспечить **лучшее питание**, включая доступ к фруктам и овощам, а также условия для самостоятельного приготовления пищи (17,5%, 35).

Профиль указывает на то, что, помимо инфраструктуры, приоритеты распространяются на качество ухода и адекватное питание — компоненты, которые напрямую влияют на состояние здоровья и восстановление.

Аспекты **режима и связи** хорошо представлены более частым доступом к телефонным разговорам, интернету, свиданиям (15,0%, 30) и альтернативным мерам вместо лишения свободы, включая сокращение срока и изменения в законодательстве (15,0%, 30) — варианты, указывающие как на желание поддерживать социальные связи, так и на интерес к правовым решениям, позволяющим сократить продолжительность или интенсивность лишения свободы.

Изменения, касающиеся **внутренней безопасности и занятости**, упоминались в схожих пропорциях: управление агрессивным поведением, изоляция агрессивных заключенных-женщин, защита (12,5 %, 25) и предоставление рабочих мест и более высокой оплаты труда (12,5 %, 25), что свидетельствует о необходимости предсказуемого институционального климата и наличия соответствующих и справедливых возможностей для трудоустройства.

Рисунок 27. Воспринимаемые изменения для улучшения условий содержания женщин в местах лишения свободы

Компонент межличностно-институциональных отношений выражен явно: уважение, гуманное поведение и этичность со стороны персонала (10,0 %, 20). В плане личного развития участницы предлагают организовать курсы повышения квалификации и образовательные курсы, а также вовлечь их в полезные занятия (9,0 %, 18). Кроме того, в 7,5% (15) случаев они просят предоставить доступ к другим видам деятельности, таким как

улучшение библиотеки, увеличение количества прогулок и обеспечение безопасных помещений — меры, способные снизить уровень стресса и укрепить реинтеграцию.

ВОСПРИНИМАЕМЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПОДДЕРЖКЕ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Анализ ответов относительно областей, в которых участницы считают, что им понадобится поддержка после освобождения, вырисовывает четкий профиль ожидаемых трудностей при переходе к жизни в обществе (Рисунок 28).

Сохранение свободы и предотвращение рецидива – упомянуто подавляющим большинством (79,5%, 159) участниц, что подчеркивает интенсивность тревоги, связанной с возвращением в общество, и ощущение уязвимости в отсутствие адекватной поддержки. Далее следуют **поиск работы или стабильного источника дохода** (66,0%, 132) и **регулярный доступ к питанию** (60,5%; 121) — две области, имеющие основополагающее значение для социально-экономической стабильности сразу после освобождения.

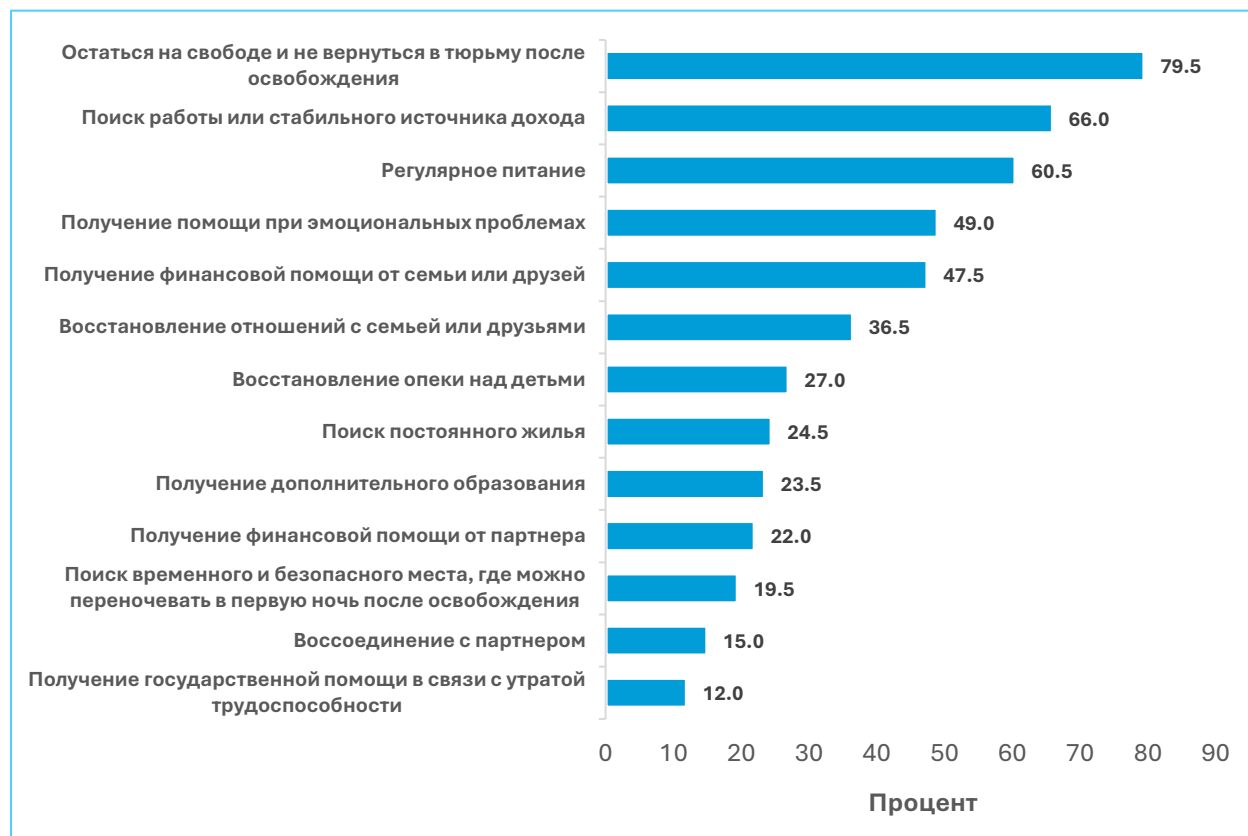
Важное место занимает **эмоциональный аспект**. Они указали, что им понадобится поддержка в решении эмоциональных проблем (49,0%, 98), финансовая поддержка со стороны семьи или друзей (47,5%, 95) и восстановление семейных и социальных отношений (36,5%, 73), что свидетельствует о том, что реинтеграция воспринимается не только как материальный вызов, но и как вызов в плане отношений, требующий эмоционального и социального восстановления.

Что касается **вопросов, связанных с родительскими обязанностями и жильем**, участницы ожидают трудностей с восстановлением опеки над детьми (27,0 %, 54), необходимость поиска постоянного жилья (24,5%, 49), считают необходимым найти временное и безопасное место для первой ночи после освобождения (19,5%, 39), подчеркивая нестабильность жилищных условий как фактор непосредственного риска.

В сфере **образования** 23,5% (47) женщин хотят получить доступ к дополнительному образованию, а 22,0% (44) указывают на необходимость финансовой поддержки со стороны партнера, что может отражать как прежнюю экономическую зависимость, так и отсутствие других источников поддержки.

Эмоциональные аспекты упоминались реже, но все же значимо: 15,0% (30) упомянули воссоединение с партнером, а 12,0% (24) ожидают необходимости государственной помощи в связи с утратой трудоспособности.

Рисунок 28. Области поддержки, обозначенные женщинами в заключении на период после освобождения

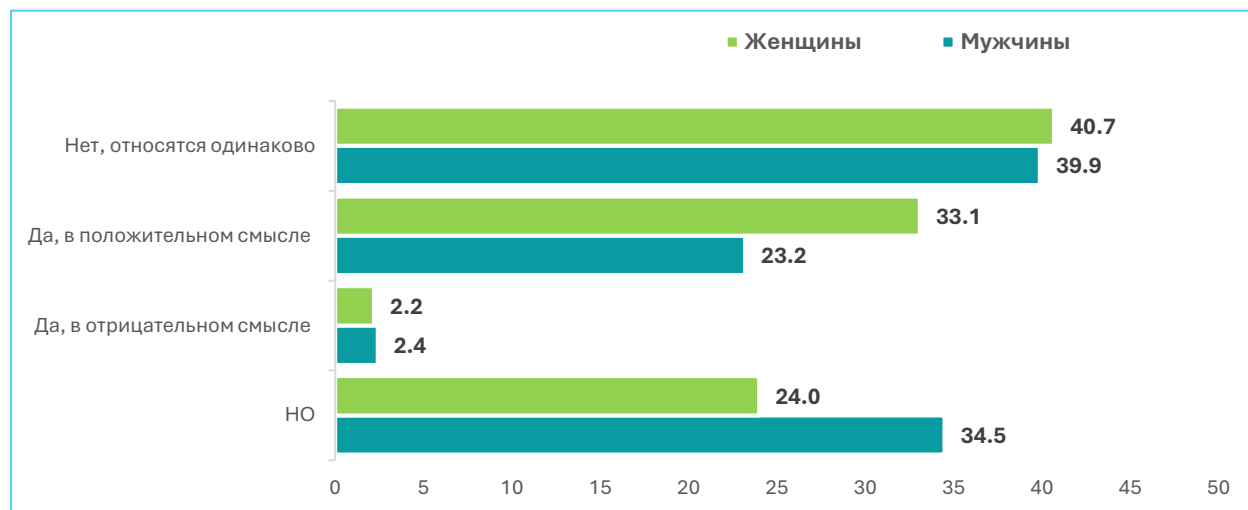

ОБРАЗ ЖЕНЩИН-ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Преобладающее мнение среди персонала пенитенциарных учреждений заключается в том, что к женщинам, находящимся в заключении, относятся так же, как и к мужчинам: примерно 40% сотрудников прямо заявляют о равном отношении (39,9% мужчин; 40,7% женщин). В то же время значительная доля указывает на «положительное» дифференцированное обращение с женщинами (23,2% мужчин; 33,1% женщин), в то время как восприятие «негативного» обращения остается маргинальным в обеих группах (2,4% мужчин; 2,2% женщин). Высокий уровень отсутствия ответов (34,5% мужчин; 24,0% женщин) свидетельствует об осторожности или неуверенности при выражении публичной позиции по чувствительной для учреждения теме или об отсутствии знаний для сравнения (Рисунок 29).

Статистические тесты указывают на значимую связь между полом сотрудников и типом ответа ($p=0,005$). Предполагается, что у сотрудниц вероятность восприятия дифференцированного положительного отношения к женщинам-заключенным на 64% выше, чем у мужчин, а у мужчин вероятность не ответить на этот вопрос на 10 процентных пунктов выше, что может отражать сдержанность в высказывании мнения среди мужского персонала.

Рисунок 29. Считаете ли вы, что к женщинам, находящимся в заключении, относятся иначе, чем к мужчинам-заключенным в пенитенциарной системе? (%)

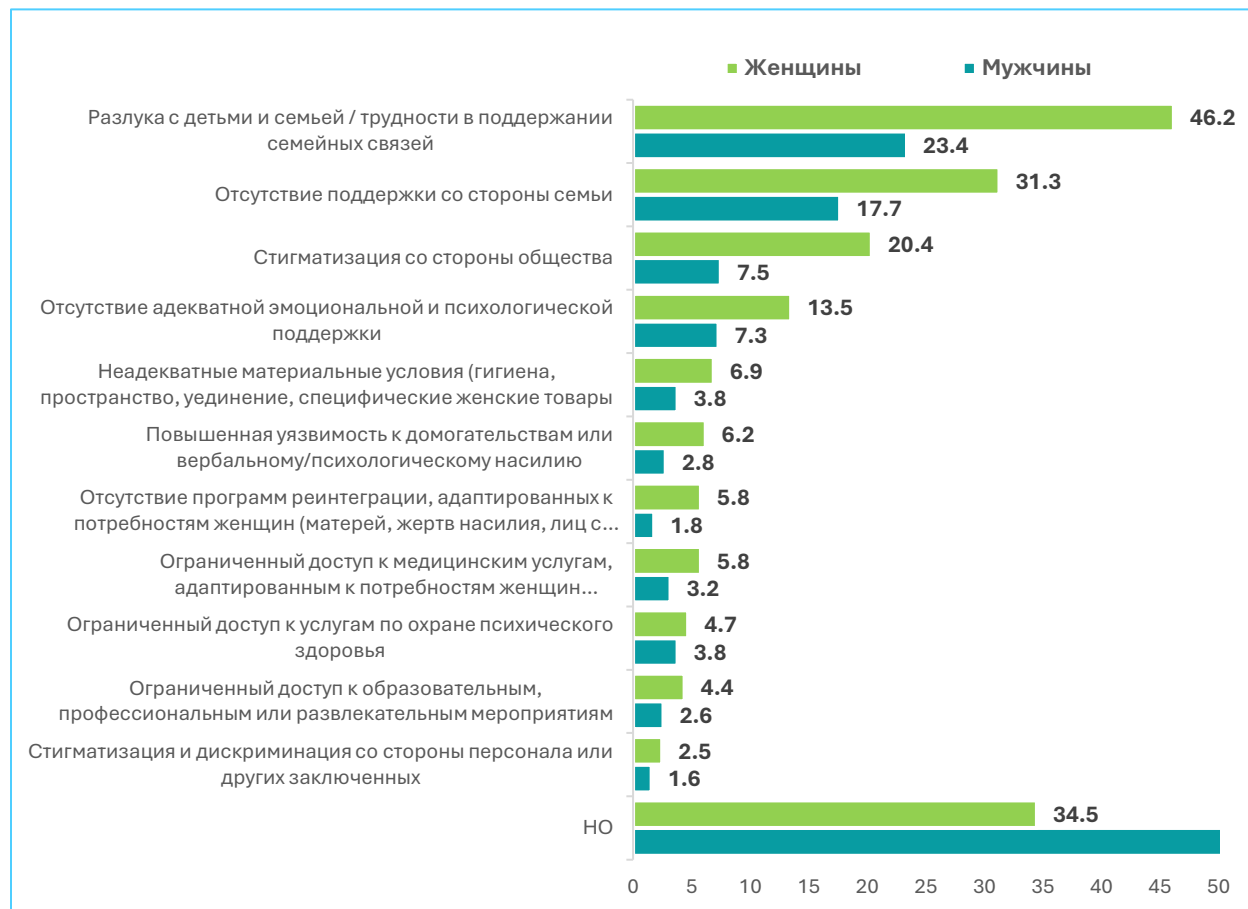
Сравнение с мнением женщин-заключенных. Восприятие персонала необходимо сравнить с тем, что заявляют женщины-заключенные. Подавляющее большинство женщин-заключенных описывают отношения с персоналом как «приемлемые, но дистанцированные» (60%) или «уважительные и корректные» (31%), а 69% не замечают различий в обращении в зависимости от пола персонала; в то же время 21,5% указывают на заметные различия, а 19,0% не уверены — признак того, что значительная часть испытывает или интуитивно ощущает различия в поведении в зависимости от пола.

По параметру «дифференцированное отношение со стороны персонала из-за того, что я женщина» распределение ответов неоднозначно: 61% ответили «нет», 20% — «да», а 19% «не уверены». Эта структура, далеко не указывающая на системную дискриминацию, свидетельствует о неоднородности практик и наличии «серой зоны» субъективной интерпретации. Кроме того, заключенные описывают, что сотрудницы проявляют больше эмпатии и поддержки, а сотрудники-мужчины — больше дистанции и авторитета — картина, согласующаяся с восприятием женского персонала относительно «позитивного отношения» (чувствительности к конкретным потребностям) и с осторожностью мужского персонала.

По мнению сотрудников, **основные трудности, с которыми сталкиваются заключенные женщины,** связаны с межличностными отношениями и выполнением родительских обязанностей: разлука с детьми и семьей, а также поддержание связей с близкими упоминаются в 46,2 % случаев женщинами-сотрудницами и в 23,4 % случаев мужчинами-сотрудниками, за чем следует отсутствие поддержки со стороны семьи (31,3% женщин против 17,7% мужчин) и стигматизация со стороны общества (20,4% против 7,5% соответственно). Во всех категориях женщины-сотрудницы отмечают более высокие показатели, чем мужчины, с ярко выраженными различиями в отношении адаптированных программ реинтеграции (5,8% против 1,8%), социальной стигматизации и уязвимости к вербальному или психологическому преследованию (6,2% против 2,8%). В психоэмоциональном плане отсутствие эмоциональной и психологической поддержки отмечается 13,5% женщин и 7,3% мужчин, а в материальном плане — неадекватные условия, гигиена и уединение — 6,9% против 3,8%. Высокий уровень

отсутствия ответов у мужчин (54,2% против 34,5% у женщин) свидетельствует об осторожности и возможной недооценке некоторых трудностей в мужской подгруппе персонала (Рисунок 30).

Рисунок 30. Трудности, с которыми сталкиваются женщины, находящиеся в заключении, по мнению сотрудников пенитенциарных учреждений (%)

Сравнение с мнениями заключенных женщин подтверждает эту иерархию: сами заключенные указывают на разлуку с семьей и ограничение связей как на основную проблему, наряду с условиями проживания, личной гигиеной и доступом к медицинским услугам; более того, восприятие (не)справедливости по сравнению с мужчинами ассоциируется с эмоциональной нагрузкой (депрессией, тревогой), что усиливает актуальность вмешательств, ориентированных на отношения и психосоциальную поддержку.

Что касается **восприятия поведения женщин, находящихся в заключении, с точки зрения персонала**, то восприятие сотрудников пенитенциарных учреждений определяется, в первую очередь, степенью контакта: 66,3% мужчин и 47,3% женщин заявили, что не взаимодействовали с женщинами-заключенными. В случае фактических контактов существует общая положительная основа: «в целом они готовы к сотрудничеству и проявляют уважение» — об этом упомянули 14,5% женщин и 12,9% мужчин (Рисунок 31). Следует отметить, что сотрудницы чаще отмечают следующие поведенческие особенности:

- склонность к сильным эмоциональным реакциям и уязвимость: «более эмоциональны и чувствительны, чем мужчины-заключенные» (22,5% женщин против 13,1% мужчин) и «более уязвимы психологически или эмоционально» (22,5% против 10,1%)
- управляемость и адаптация к правилам: «непредсказуемы и трудно управляемы» (20,7% против 7,1%), «трудно адаптируются к правилам учреждения» (12,7% против 5,8%)
- доминирующая направленность на семью: «встревожены поддержанием семейных отношений и контактов с детьми» (12,7% против 5,8%)
- открытость, обращение за помощью: «не склонны просить о поддержке или говорить о личных проблемах» (2,9% против 1,2%) (Рисунок 31).

Рисунок 31. Восприятие поведения женщин-заключённых с точки зрения персонала пенитенциариев, (%)

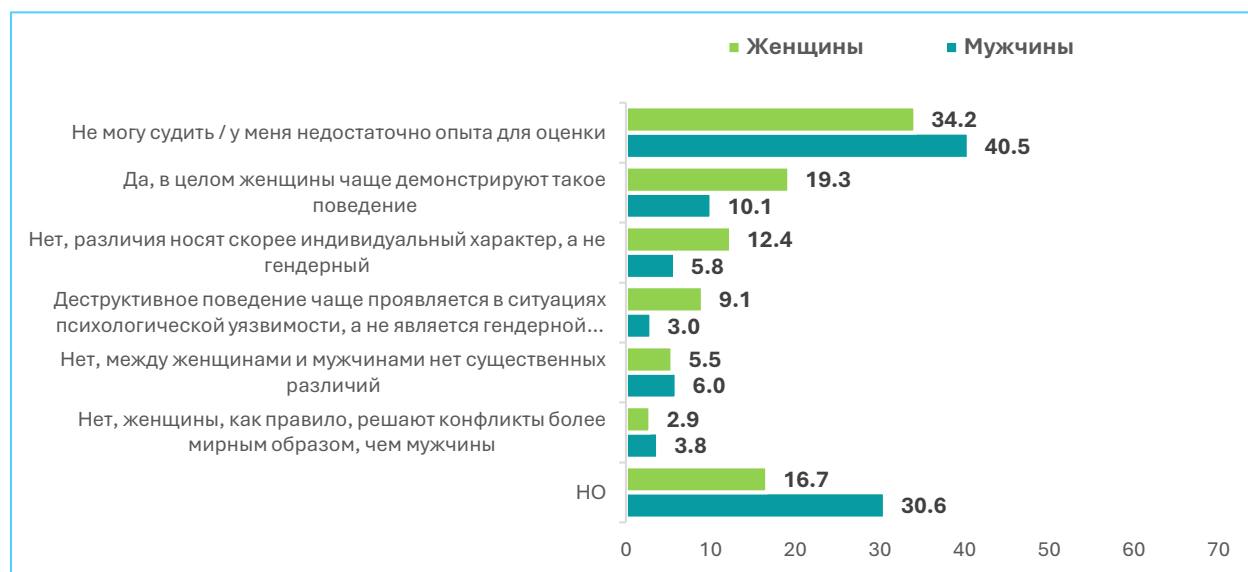
Сравнение с мнением женщин-заключенных. Высокая эмоциональная нагрузка — женщины-заключенные часто описывают стресс и высокую распространенность симптомов депрессии, тревоги, нарушений сна, а также переживаний, связанных с чувством вины и будущим; более половины заключенных пережили ситуации, имевшие значительное эмоциональное воздействие, в течение последних 12 месяцев — выводы, подтверждающие восприятие персонала относительно уязвимости и склонности к сильным эмоциональным реакциям, наблюдаемой во время взаимодействий.

Центральная семейная ось — заключенные женщины указывают на разлуку с семьей, детьми и трудности в поддержании связей как на основные проблемы, а структурные ограничения (расстояние, затраты, доступ к средствам связи) осложняют отношения, что напрямую соответствует наблюдениям персонала об обеспокоенности семейными отношениями.

Что касается мнения персонала пенитенциарных учреждений по поводу того, **более ли женщины, находящиеся в заключении, склонны к эмоциональной манипуляции или деструктивному поведению, чем мужчины-заключенные**, то сотрудницы были более

склонны считать, что женщины чаще проявляют такое поведение (19,3% женщин против 10,1% мужчин). В то же время сотрудницы чаще поддерживают объяснения, не связанные с полом, такие как: «различия скорее индивидуальны, а не гендерные» (12,4% женщин против 5,8% мужчин) и «деструктивное поведение возникает скорее из-за психологической уязвимости, а не как гендерная черта» (9,1% против 3,0%) (Рисунок 32).

Рисунок 32. Считаете ли вы, что женщины, находящиеся в заключении, более склонны к эмоциональной манипуляции или деструктивному поведению, чем мужчины-заключенные? (%)

Триангуляция с учетом мнений женщин, находящихся в заключении. Данные, непосредственно предоставленные женщинами-заключенными, свидетельствуют о высокой эмоциональной нагрузке (частый стресс, клинические уровни депрессии и тревоги, фрагментированный сон) наряду с постоянными семейными заботами; когда воспринимаемая справедливость (условия проживания и гигиены по сравнению с мужчинами) является шаткой или неопределенной, риск развития эмоциональной симптоматики возрастает. Кроме того, основным источником напряжения часто является поведение других заключенных, а также правила и институциональные практики, а не «гендерная особенность» как таковая — эта точка зрения подтверждает предпочтение персонала ситуационным объяснениям (уязвимость, индивидуальные различия).

Что касается мер, которые считаются необходимыми для улучшения условий содержания под стражей и соблюдения прав женщин-заключённых, то как мужчины, так и женщины, работающие в пенитенциарной системе, на первые места ставят меры, направленные на устранение факторов уязвимости, а также психоэмоциональную и материальную поддержку. Среди сотрудниц на первых местах находятся: специальные программы для уязвимых женщин (33,5%), программы психологической и эмоциональной поддержки (20,7%), обеспечение надлежащих материальных условий, таких как гигиена, интимность, специальные женские средства гигиены (20,7%), за которыми следуют обучение персонала гендерно-чувствительному подходу (18,9%) и адаптированные программы

реинтеграции (16,7%). Среди мужчин порядок по темам аналогичен, но с более низкими долями: программы для уязвимых женщин (17,5%), психологическая поддержка (14,9%), материальные условия (12,3%), обучение персонала гендерно-чувствительному подходу (9,7%), реинтеграция (9,1%) (Рисунок 33).

Рисунок 33. Какие меры вы считаете необходимыми для улучшения условий содержания под стражей и соблюдения прав женщин, находящихся в пенитенциарных учреждениях? (%)

Сравнение с мнением женщин, находящихся в заключении. Мнения персонала совпадают с заявлениями женщин: острые потребности в материальных условиях и гигиене, доступе к медицинским услугам (включая репродуктивное здоровье), эмоциональной поддержке и поддержании связей с семьей. Кроме того, когда воспринимаемая справедливость (по сравнению с мужчинами-заключенными) в отношении условий проживания и гигиены является неустойчивой, значительно усиливаются депрессивные и тревожные симптомы — аргумент в пользу видимых, последовательных мер, которые должны обозначаться как как справедливость, а не как «одолжение». Женщины также требуют конкретных изменений (питьевая вода, гигиена, медицинские услуги, коммуникация, посещения), а поддержка после освобождения (работа, реинтеграция, сохранение свободы) имеет центральное значение для прерывания циклов уязвимости.

МНЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ВОСПРИЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Социально-демографическая структура 771 сотрудника пенитенциарной системы (496 мужчин и 275 женщин) выявляет статистически значимые различия в возрастном распределении и уровне образования ($p=0,003$ и $p=0,001$ соответственно). Женский персонал в основном имеет высшее образование, в то время как мужской персонал преобладает в более молодых возрастных группах и в категориях со средним образованием (Таблица 23).

Самая многочисленная возрастная группа — 36–45 лет (43,7 %), где доля женщин достигает 49,5 %, превышая долю мужчин (40,5 %). Сегмент 18–25 лет меньше по размеру (13,4%) и в нем преобладают мужчины (16,3%), в то время как женщины составляют лишь 8,0%. В категории 46 лет и старше насчитывается 77 сотрудников (10,0%), с небольшим преобладанием женщин (11,6% против 9,1%) (Таблица 23).

Распределение уровня образования подчеркивает явные различия между полами: среди женского персонала отмечается высокая доля лиц с высшим образованием (60,4%) и обучением на уровне магистратуры и выше (13,1 %), в то время как специальное среднее образование характерно в основном для мужчин (30,8%), по сравнению с 10,9% среди женщин. Различия сохраняются и в случае общего среднего образования, где мужчины составляют 13,9%, по сравнению с 8,7% среди женщин (Таблица 23).

Таблица 23. Социально-демографический профиль персонала

Наименование	Всего, N (%)	Мужчины, N (%)	Женщины, N (%)	P-значение
	Всего 771	496	275	
Возрастная группа				0,003
18–25 лет	103 (13,4)	81 (16,3)	22 (8,0)	
26–35 лет	254 (32,9)	169 (34,1)	85 (30,9)	
36–45 лет	337 (43,7)	201 (40,5)	136 (49,5)	
≥ 46 лет	77 (10,0)	45 (9,1)	32 (11,6)	
Уровень образования				0,001
Среднее	93 (12,1)	69 (13,9)	24 (8,7)	
Специальные среднее	183 (23,7)	153 (30,8)	30 (10,9)	
Незаконченное высшее образование	62 (8,0)	43 (8,7)	19 (6,9)	
Полное высшее образование	365 (47,3)	199 (40,1)	166 (60,4)	

Наименование	Всего, N (%)	Мужчины, N (%)	Женщины, N (%)	P-значение
Последипломное	68 (8,8)	32 (6,5)	36 (13,1)	

Распределение, представленные в таблице (Таблица 24), свидетельствуют о том, что пенитенциарная система характеризуется сильной гендерной дифференциацией профессиональной структуры, что имеет прямые последствия для функционирования учреждений и справедливости в карьерном росте ($p=0,001$). В функциях непосредственного выполнения служебных обязанностей по-прежнему доминируют мужчины, которые составляют большинство на должностях надзирателей (28,0%) и на других должностях младшего офицерского состава (30,0%), в то время как женщины лучше представлены в специализированных ролях, занимая должности офицеров (43,3%) и руководящие позиции (17,1% против 14,1% у мужчин).

Стаж работы в пенитенциарной системе имеет относительно равномерное распределение, с сильным ядром опытных сотрудников: 31,5% имеют более 10 лет стажа, а 27,8% — от 5 до 10 лет. Тот факт, что различия между полами не являются статистически значимыми ($p=0,609$), указывает на схожую институциональную стабильность для обеих категорий (Таблица 24).

Распределение по учреждениям выявляет выраженную профессиональную сегрегацию: почти половина сотрудников работает в мужских тюрьмах (47,0%), где преобладает мужской персонал (50,2%), в то время как женщины сосредоточены в женской тюрьме (12,7%), в следственных изоляторах (41,4%) и, в значительной степени, в центральных и вспомогательных подразделениях НАП. Статистически значимые различия ($p=0,001$) подтверждают распределение по учреждениям, на которое сильно влияют структурные и культурные факторы (тип учреждения), а также отличный профессиональный профиль сотрудников (Таблица 24).

Таблица 24. Распределение сотрудников по занимаемой должности, месту и стажу работы в пенитенциарной системе

Наименование	Всего, N (%)	Мужчины, N (%)	Женщины, N (%)	P-значение
Всего	771	496	275	
Занимаемая должность				0,001
Надзиратель (агент пенитенциарных учреждений)	188 (24,4)	139 (28,0)	49 (17,8)	
Сотрудник в других должностях (агент пенитенциарных учреждений)	193 (25,0)	149 (30,0)	44 (16,0)	
Офицер (психолог, врач, педагог, социальный работник и т. д.)	246 (31,9)	127 (25,6)	119 (43,3)	
Контрактный персонал (психолог, врач, педагог, социальный работник, медицинский работник и т. д.)	27 (3,5)	11 (2,2)	16 (5,8)	

Наименование	Всего, N (%)	Мужчины, N (%)	Женщины, N (%)	P-значение
Руководящая должность (начальник отдела, заместитель директора, директор и т. д.)	117 (15,2)	70 (14,1)	47 (17,1)	
Стаж работы в пенитенциарной системе				0,609
< 1 год	67 (8,7)	47 (7,3)	20 (7,3)	
1–3 года	175 (22,7)	118 (23,8)	57 (20,7)	
4–5 лет	72 (9,3)	47 (9,5)	25 (9,1)	
5–10 лет	214 (27,8)	133 (26,8)	81 (29,5)	
> 10 лет	243 (31,5)	151 (30,4)	92 (33,5)	
Пенитенциарий работы в настоящее время				0,001
Тюрьма для мужчин, включая несовершеннолетних	362 (47,0)	249 (50,2)	113 (41,1)	
Тюрьма для женщин, включая несовершеннолетних	72 (9,3)	37 (7,5)	35 (12,7)	
Изолятор предварительного заключения	140 (18,2)	82 (16,5)	58 (21,1)	
Другие подразделения НАП (Учебный центр, центр материально-технического обеспечения и т. д.)	139 (18,0)	105 (21,2)	34 (12,4)	
Тюремная больница	24 (3,1)	9 (1,8)	15 (5,5)	
Центральный аппарат НАП	34 (4,4)	14 (2,8)	20 (7,3)	

УСЛОВИЯ ТРУДА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО

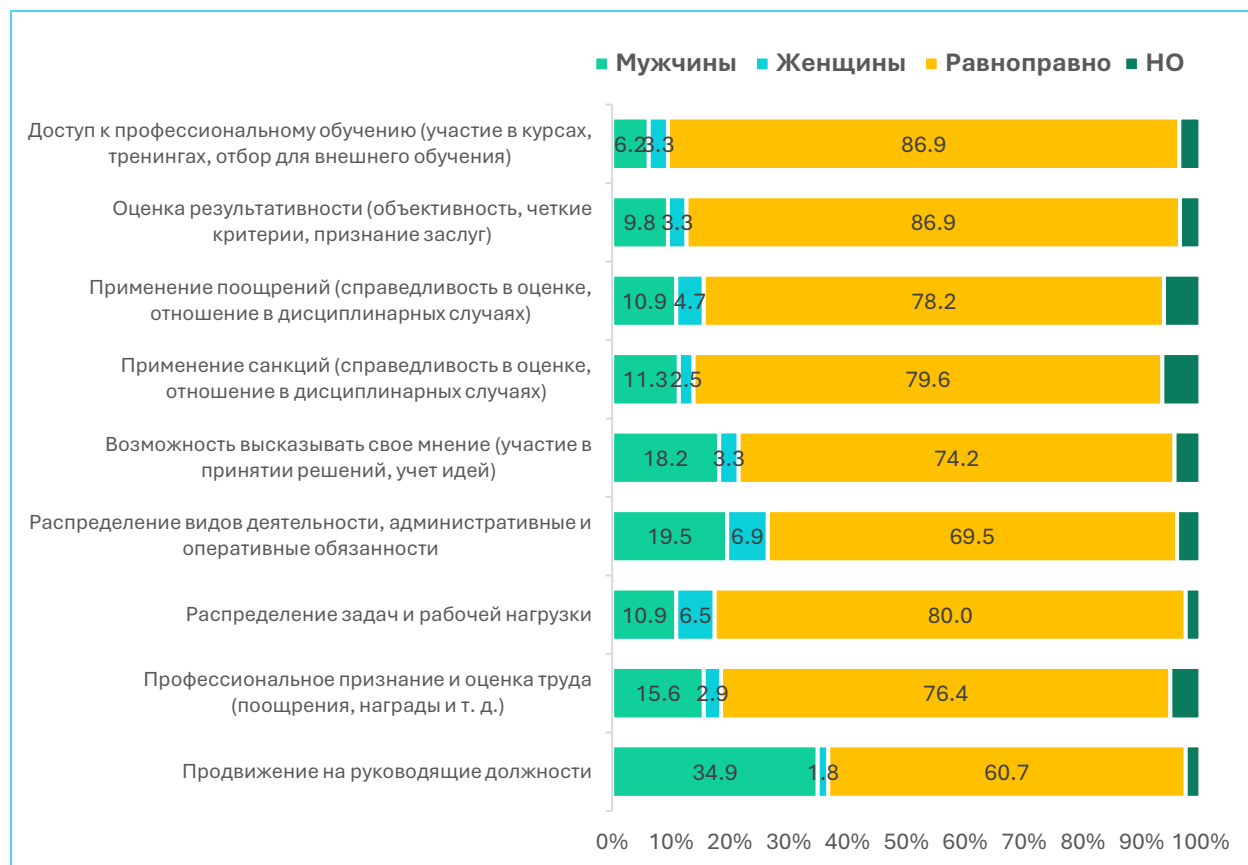
РАВЕНСТВО И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА

Мнения, высказанные работающими женщинами, формируют доминирующий профиль воспринимаемого равенства в учреждении, со средним показателем около $\approx 77\%$ ответов «справедливо» по всем проанализированным областям. Наиболее высокий уровень восприятия равенства наблюдается при оценке результативности и доступе к профессиональному обучению (по 86,9%) (Рисунок 34).

Помимо основного аспекта справедливости, выделяются четыре области уязвимости, в которых женщины ощущают значительное преимущество мужчин: продвижение на руководящие должности (34,9%), распределение видов деятельности — административная и оперативная (19,5%), возможность выразить свое мнение и участвовать в принятии решений (18,2%) и профессиональное признание (15,6%). По масштабу продвижение по службе является областью с наиболее сильным воспринимаемым дисбалансом (соотношение 19:1 в пользу мужчин), за которой следуют участие в принятии решений (5,5:1) и признание труда (5,4:1) (Рисунок 34).

В вопросах распределения обязанностей, объема работы и справедливости в применении наказаний и/или поощрений баланс в целом остается справедливым, однако по-прежнему наблюдаются признаки асимметрии в пользу мужчин, в то время как о преимуществах для женщин упоминается реже (Рисунок 34).

Рисунок 34. Мнение женщин: кто получает больше выгоды или находится в более выгодном положении в следующих аспектах деятельности в пенитенциарном учреждении?

Восприятие мужчин-сотрудников указывает на преобладание институциональной справедливости, но также и на две критические области, где прослеживаются устойчивые преимущества для мужчин. В целом от 48,0% до 71,0% мужчин считают эти практики справедливыми, причем наибольшие доли наблюдаются в отношении доступа к профессиональному обучению (71,0%), возможности высказывать свое мнение (70,2%) и оценки результативности (69,2%). Тем не менее, справедливость снижается ниже 55% в двух операционных областях: распределение задач и объема работы (50,4%) и распределение типов административных и оперативных видов деятельности (48,0%), где мужчины часто заявляют о преимуществе мужчин – 37,5% по объему работы и 39,3% по типу деятельности. Значительное преимущество мужчин отмечается также при продвижении на руководящие должности (27,2%), а также при применении наказаний (22,8%) (Рисунок 35).

Что касается ресурсов и оценки, картина более неоднозначна: сопоставимая доля респондентов указывает либо на равенство, либо на небольшое преимущество женщин. Так,

профессиональное признание (похвалы, награды) оценивается как справедливое 65,1%, при этом 14,9% видят преимущество у мужчин и 13,7% — у женщин; аналогичные тенденции наблюдаются при применении поощрений, оценке результативности и доступе к обучению. Участие в принятии решений 70,2% респондентов считают справедливым, 14,1% видят преимущество для мужчин, а 8,9% — для женщин (Рисунок 35).

Рисунок 35. Мнения мужчин: у кого больше преимуществ или находится в более выгодном положении в следующих сферах деятельности в пенитенциарии?

В сравнительном контексте мнения женщин и мужчин формируют **общее представление о справедливости в учреждении**, однако женщины указывают на более высокие показатели справедливого обращения ($\approx 77\%$ во всех областях, с пиковыми значениями 86,9% при оценке результативности и профессиональном обучении), в то время как мужчины сообщают о более изменчивых показателях справедливости (48–71%), особенно в операционных сферах. В то же время обе группы сходятся во мнении о наличии устойчивых преимуществ мужчин, наиболее ярко проявляющихся при продвижении по службе (женщины — 34,9%; мужчины 27,2%) и вовлеченности в непосредственное выполнение служебных обязанностей (оперативную деятельность) (женщины 19,5%; мужчины 39,3%), что подтверждает наличие общей зоны институциональной уязвимости (Рисунок 34, Рисунок 35).

Восприятие необходимости изменений, связанных с **гендерным равенством**, заметно различается у женщин и мужчин, что подчеркивает разные приоритеты и уровни удовлетворенности организацией. Женщины чаще указывают на необходимость структурных изменений для повышения гендерного равенства, выражая особую озабоченность созданием сбалансированной среды между профессиональной и личной жизнью (14,2% против 10,5% у мужчин), устранение гендерных стереотипов (10,2% против 7,5%) и улучшение

отношения со стороны коллег (11,3% против 8,9%). В свою очередь, мужчины заявляют о гораздо большей удовлетворенности текущей ситуацией, почти половина из них отмечает, что ничего бы не изменила (43,1% по сравнению с 26,5% женщин), что свидетельствует о более выраженном ощущении институционального комфорта среди мужчин и подтверждает наличие различий в восприятии потребностей в реформах и уровня справедливости, ощущаемого в рамках пенитенциарной системы (Рисунок 36).

Рисунок 36. Если бы вы могли изменить только один аспект, связанный с гендерной справедливостью в вашем учреждении, чтобы это было? (%)

Что касается мнений сотрудников об **организационной атмосфере**, данные исследования показывают явные различия между женщинами и мужчинами, свидетельствуя о разном восприятии рабочей обстановки. Мужчины в гораздо большей степени описывают положительную атмосферу, такую как сотрудничество, уважение, профессионализм (43,8%) или стабильность и командный дух (42,7%), по сравнению с женщинами (34,9% и 24,0% соответственно), в то время как женщины значительно чаще указывают на такие негативные восприятия, как напряженность, недоверие, отсутствие мотивации (15,6% против 6,0%) или стресс и перегруженность (28,4% и 19,2%). В то же время женщины гораздо чаще заявляют о трудностях в общении (41,8% против 15,7%) и случаях административной жесткости или страха ошибиться (по 13,1%, по сравнению с 7,9% и 8,3% у мужчин), что указывает на воспринимаемую более гнетущую и менее предсказуемую атмосферу (Рисунок 37).

В этом контексте мужчины склонны описывать среду как стабильную и ориентированную на сотрудничество, в то время как женщины более остро ощущают структурные проблемы, напряженность и барьеры в общении.

Рисунок 37. Если бы вам пришлось описать общую атмосферу в учреждении, в котором вы работаете, какие слова инстинктивно пришли бы вам на ум? (%)

В исследовании были проанализированы мнения о **ценностях, поощряемых на рабочем месте**. Так, для мужчин на первом месте стоит профессиональная эффективность (38,5%), за которой следуют соблюдение правил (31,3%), ответственность перед заключенными и коллегами (28,0%) и такие качества, как лояльность и конфиденциальность (16,1% и 15,5%); для женщин на первом месте находится ответственность (32,4%), честность и этика (29,5%) и соблюдение правил (30,5%), в то время как результативность упоминается реже (20,5%), так же как лояльность и конфиденциальность (по 11,3%) (Рисунок 38).

Рисунок 38. Если бы вам пришлось описать, что больше всего поощряется в учреждении, в котором вы работаете, что, по вашему мнению, действительно ценится? (%)

Сходство наблюдается в отношении инициативности и критического мышления (11,5% мужчин против 10,2% женщин), а так же соблюдения субординации и способности работать в условиях напряженности (18,3% против 21,1%), однако тот факт, что присутствие на рабочем месте, независимо от результативности, рассматривается как ценное значительной частью персонала (13,9% мужчин; 18,2% женщин), свидетельствует о риске формирования организационной культуры, в которой может поощряться конформизм и лояльность в ущерб реальным достижениям (Рисунок 38).

В целом, женщины описывают нормативно-процедурную модель (этика, правила, ответственность), а мужчины — модель, более ориентированную на эффективность и лояльность, с общим ядром, основанным на правилах и ответственности, но с существенными различиями в оценке результативности.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

Анализ мнений сотрудников о факторах, влияющих на продвижение по службе в пенитенциарной системе, выявляет заметные различия между женщинами и мужчинами, указывая на механизмы продвижения, воспринимаемые по-разному в зависимости от организационного опыта каждого (Рисунок 39).

Мужчины придают наибольшее значение профессиональной результативности (54,6%) и опыту или стажу работы в системе (35,7%), в то время как женщины, хотя и признают важность этих факторов, упоминают их в меньшей степени (40,7% и 37,8% соответственно), уделяя больше внимания личной мотивации (36,4% против 28,0%) и поддержке со стороны руководства (25,8% против 18,3%) (Рисунок 39).

Рисунок 39. Что, по вашему мнению, больше всего влияет на шансы на продвижение по службе в пенитенциарной системе? (%)

Исследование также показывает, что женщины более остро воспринимают влияние неформальных или структурных факторов, таких как личные отношения с начальством (19,6% против 13,9%) и принадлежность к определенному полу (9,1% против 3,6%), что указывает на их большую уязвимость в восприятии дискриминации или протекционизма. В свою очередь, мужчины придают большее значение институциональной лояльности (7,9% против 9,5% у женщин, обратная разница) и реже упоминают групповую динамику или принадлежность к тому или иному полу (4,2% и 3,6%). Таким образом, женщины, по-видимому, воспринимают контекст продвижения по службе как более зависимый от поддержки, связей и структурных факторов, в то время как мужчины остаются приверженными классической модели ориентированной на профессиональные качества, с акцентом на результативность и стаж работы в системе (Рисунок 39).

Понимание того, как сотрудники воспринимают **барьеры на пути к руководящим должностям**, дает наглядное представление о структурных и культурных противоречиях в учреждении, а сравнение мнений женщин и мужчин выявляет значительные различия в том, как эти барьеры воспринимаются (Рисунок 40).

Рисунок 40. В учреждении, в котором вы работаете, какие факторы, по вашему мнению, могут ограничивать доступ к руководящим должностям? (%)

Как женщины, так и мужчины считают недостаток опыта основным сдерживающим фактором, однако женщины упоминают его чаще (49,1% против 41,9%); аналогичная ситуация наблюдается в отношении недостаточного уровня образования или квалификации (38,5% против 39,3%). В то же время женщины более остро ощущают барьеры, связанные с непрозрачными процессами (14,9% против 11,3%) и личные предпочтения руководства (18,5% против 13,7%), а также влияние гендера/пола (14,5%, что более чем в три раза превышает показатель у мужчин – 4,0%), что свидетельствует о повышенной уязвимости в отношении восприятия дискриминации. Мужчины, однако, возлагают большую ответственность на индивидуальные факторы, такие как отсутствие инициативы или

готовности брать на себя дополнительные задачи (24,4% против 22,2%), а также на аспекты, связанные с видимостью профессиональных достижений (10,7% против 8,0%) (Рисунок 40).

В этом контексте женщины в большей степени указывают на структурные и культурные барьеры, в то время как мужчины приписывают ограничения факторам подготовки и готовности, что свидетельствует о разных представлениях о доступе к руководящим должностям и о реальной степени справедливости в процессе продвижения по службе.

Представления о **том, кого чаще всего продвигают** по службе в учреждении, выявляют две различные точки зрения, обусловленные разным опытом и позициями женщин и мужчин. В то время как мужчины связывают продвижение по службе в первую очередь с профессиональными достижениями (33,9 %) и многолетним стажем (20,4 %), то женщины упоминают эти критерии в меньшей степени (27,6% и 17,1% соответственно) и в значительно большей мере указывают на роль хороших отношений с руководством (20,4% против 13,5%) или отсутствие четких критериев (25,8% против 19,4%). Женщины, однако, более остро ощущают зависимость продвижения по службе от неформальных и субъективных механизмов, в то время как мужчины более склонны рассматривать продвижение как результат профессиональных заслуг, что указывает на наличие разрыва в восприятии между организационной культурой, которая вознаграждает за видимость и неформальные связи, и той, которая должна отдавать предпочтение результатам работы (Рисунок 41).

Рисунок 41. По вашему мнению, какие сотрудники чаще всего получают повышение в учреждении, в котором вы работаете? (%)

При интерпретации ответов, касающихся **профессионального продвижения за последние пять лет**, вырисовываются две разные точки зрения на то, как происходит продвижение в учреждении, раскрывая не только объективные закономерности, но и субъективные нюансы, связанные с воспринимаемыми возможностями. Мужчины в большей степени указывали на продвижение на более высокую должность (30,6%) по сравнению с женщинами (21,1%), что свидетельствует о более легком доступе к вертикальному продвижению в карьере в данной сфере. Женщины чаще заявляют, что не подавали заявку на повышение (33,8% против 30,2%)

или считают, что реальных возможностей для продвижения не существует (9,8% против 7,9%), что свидетельствует о более скептическом восприятии внутренней мобильности (Рисунок 42).

Различия наблюдаются и в сфере косвенного вознаграждения: о формальном признании без изменения должности сообщают в 12,4 % случаев женщины и в 11,5 % случаев мужчины, а о возложении дополнительных обязанностей без повышения по службе чуть чаще сообщают женщины (8,7 % против 7,7 %). В то же время женщины чаще отмечают ситуации, когда они подавали заявку, но не были повышены (6,5% против 5,0%), что свидетельствует о сохранении барьеров в реальном доступе к продвижению. Таким образом, мужчины описывают более предсказуемый и формально вознаграждаемый карьерный путь, в то время как женщины отмечают профессиональную среду, характеризующуюся упущенными возможностями, неполными повышениями и высокой готовностью работать сверхурочно без формального продвижения (Рисунок 42).

Рисунок 42. За последние 5 лет вы получили повышение по службе в пенитенциарном учреждении, в котором работаете? (%)

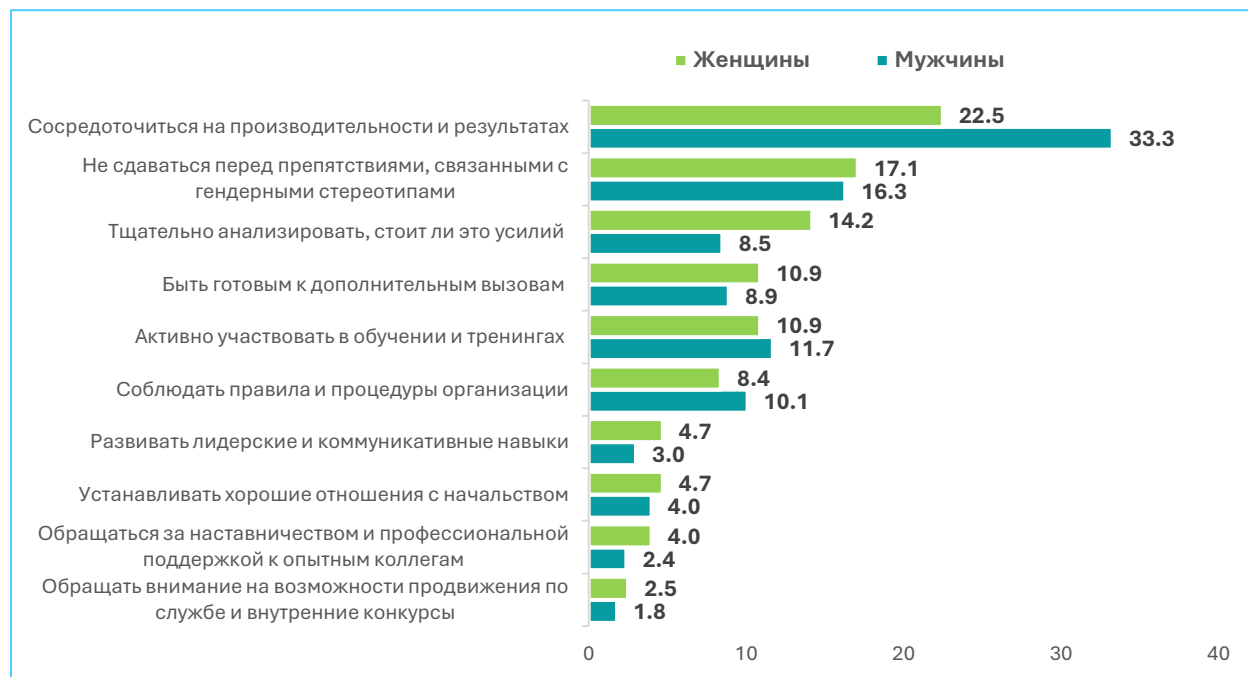

В том, как сотрудники описывают **идеальный совет для женщины, стремящейся к продвижению**, вырисовываются две взаимодополняющие, но не идентичные перспективы, отражающие как институциональные ожидания, так и реальность, по-разному воспринимаемую женщинами и мужчинами.

Для мужчин центральное послание ориентировано на заслуги и результативность: они в первую очередь подчеркивают необходимость сосредоточиться на серьезных профессиональных результатах (33,3%) и поддерживать высокий уровень мотивации и стойкости перед гендерными препятствиями (16,3%). В свою очередь, женщины делают акцент не только на результатах (22,5%), но и на реалистичной оценке личных затрат, связанных с продвижением по службе (14,2%), а также на поиске профессиональной поддержки и наставничества (4,0% против 2,4% у мужчин). Женщины чаще упоминают важность развития лидерских навыков (4,7% против 3,0%) и необходимость не поддаваться стереотипам (17,1%), что свидетельствует о более выраженном осознании структурных и культурных барьеров (Рисунок 43).

В этом контексте мужчины передают послание, сосредоточенное на результативности и стратегическом подчинении, в то время как женщины подчеркивают баланс между амбициями, адаптацией и управлением дополнительным давлением, которое может сопровождать профессиональный путь женщины в пенитенциарной системе.

Рисунок 43. Если бы вы могли дать совет женщине, желающей сделать карьеру в пенитенциарной системе, каким бы он был? (%)

В том, как мужчины описывают виды **поддержки, действительно полезные для того, чтобы женщина чувствовала себя более уверенно и эффективно в профессиональной деятельности**, вырисовывается сложная картина институциональной культуры и потребностей, воспринимаемых по-разному в зависимости от положения в системе. По их мнению, наиболее ценной поддержкой является эмоциональная и профессиональная поддержка со стороны коллег, упомянутая в 31,5%, за которой следует возможность свободно обсуждать с начальством трудности, не опасаясь последствий (28,4%), и участие в учебных мероприятиях (24,4%), что указывает на то, что, по их мнению, атмосфера психологической безопасности и доступ к непрерывному развитию имеют решающее значение для карьерного роста женщин (Рисунок 44).

Мужчины признают важность профессионального наставничества (20,8%) и доступа к психологической поддержке в контексте работы (14,5%), подчеркивая необходимость системы постоянной поддержки. Другие формы поддержки, такие как четкость в распределении обязанностей (10,7%) или баланс между профессиональной и личной жизнью (9,5%), упоминаются в умеренных долях, в то время как лишь 17,7% считают, что женщины не нуждаются в дополнительной поддержке (Рисунок 44).

Точка зрения мужчин указывает на то, что женщины получили бы наибольшую пользу от организационной среды, основанной на доверии, открытом диалоге, профессиональной

сплоченности и реальном доступе к обучению и наставничеству, что одновременно отражает неявное признание структурных и эмоциональных нагрузок, с которыми они сталкиваются в пенитенциарной системе.

Рисунок 44. Мнение мужчин: В профессиональной деятельности женщины в системе, какой тип поддержки, был бы наиболее полезен для того, чтобы она почувствовала себя более уверенно и эффективно на занимаемой ею должности? (%)

В отличие от ответов мужчин, которые делают акцент на сплоченности, наставничестве и открытом диалоге, женщины в значительно большей степени подчеркивают необходимость возможности свободно обсуждать вопросы с начальством, не опасаясь последствий (34,9%), а также эмоциональной и профессиональной поддержки со стороны коллег (33,8%), указывая на важность безопасной психологической среды и доверительных отношений внутри команд (Рисунок 45).

Женщины отмечают необходимость участия в тренингах (23,3%), ясности в обязанностях и процедурах (20,7%) и реальной поддержки в обеспечении баланса между профессиональной и личной жизнью (20,0%) — аспектов, имеющих ключевое значение для управления институциональным давлением. Формы поддержки, ориентированные на профессиональное развитие, такие как наставничество (19,3%) или развитие лидерских навыков (17,1%), также упоминаются, что отражает стремление женщин к карьерному росту, но и осознание препятствий, из-за которых прогресс не всегда бывает линейным или доступным (Рисунок 45).

В этом контексте женщины описывают профессиональную среду, в которой эмоциональная поддержка, институциональная ясность и доступ к развитию воспринимаются как фундаментальные условия для эффективности и безопасности, причем в гораздо большей степени, чем с точки зрения мужчин-сотрудников.

Рисунок 45. Мнение женщин: В профессиональной деятельности, какой тип поддержки был бы наиболее полезен для того, чтобы вы чувствовали себя более уверенно и эффективно на занимаемой должности? (%)

ДОМОГАТЕЛЬСТВА, НАСИЛИЕ И ДИСКРИМИНАЦИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Описание динамики профессиональных взаимодействий выявляет заметную разницу между тем, что, по утверждениям мужчин, происходит в учреждении, и тем, что, по заявлениям женщин, они фактически переживают; эта разница свидетельствует о тонких, но устойчивых напряжениях в отношении **справедливости и профессионального признания**.

По мнению мужчин, подавляющее большинство не замечает различий в том, как относятся к женщинам (73,8%), в то время как лишь 6,9% считают, что женщинам часто приходится прилагать дополнительные усилия, а 9,1% утверждают, что такие ситуации возникают изредка (Рисунок 46).

В отличие от этого, опыт женщин показывает гораздо более нюансированную реальность: 47,6% отмечают, что не сталкивались с подобными ситуациями, а доля тех, кому приходится прилагать дополнительные усилия часто (11,6%) или изредка (20,4%), значительно выше. Кроме того, еще 20,4% женщин указывают на такие ситуации «в определенных контекстах», что усиливает расхождение между восприятием и опытом (Рисунок 46).

Рисунок 46. Гендерные представления сотрудников пенитенциариев о необходимости дополнительных усилий в профессиональном взаимодействии

Мнения мужчин: Считаете ли вы, что в профессиональном взаимодействии женщины-сотрудницы должны прилагать больше усилий, чем мужчины, чтобы к ним относились с уважением или чтобы их идеи принимались во внимание? (%)

Мнения женщин: В профессиональном взаимодействии вам когда-нибудь приходилось чувствовать, что вам нужно доказывать себя больше, чем коллегам-мужчинам, чтобы к вам относились с уважением или чтобы ваши идеи принимались во внимание? (%)

При анализе различий между тем, что видно, и тем, что ощущается внутри организации, данные из Рисунок 47 показывают сильное несоответствие между восприятием мужчин и непосредственным опытом женщин, очерчивая две организационные реальности, которые сосуществуют, но не пересекаются.

С точки зрения мужчин, подавляющее большинство не замечает такого поведения (79,6%), и лишь небольшая доля признает, что сталкивается с ним изредка (10,7%) или часто (3,0%). Напротив, опыт женщин свидетельствует о гораздо более интенсивном воздействии: 48,0% утверждают, что не сталкивались с подобными ситуациями, в то время как 23,6% упоминают «единичные» инциденты, 17,8% отмечают их в отдельных случаях, а 10,5% сталкиваются с ними часто (Рисунок 47).

Для сравнения, женщины воспринимают почти в три раза больше **частых эпизодов принижения, игнорирования или неудобного положения**, чем признают мужчины (10,5% против 3,0%), а доля тех, кто наблюдает повторяющееся поведение, более чем вдвое выше (23,6% против 10,7%), разница, которая ясно подчеркивает не только недостаточную видимость таких ситуаций для мужчин, но и тот факт, что женщины работают в профессиональной среде, где скрытые микро агрессии присутствуют значительно чаще, даже если они редко формулируются явно (Рисунок 47).

В целом наблюдается разрыв в восприятии, заслуживающий внимания со стороны учреждений: мужчины склонны считать профессиональную атмосферу сбалансированной, в то время как женщины отмечают организационную культуру, в которой признание, внимание и уважение распределяются неравномерно, а влияние этих различий часто становится незаметным для тех, кто не сталкивается с ними напрямую.

Рисунок 47. Гендерные восприятия сотрудников пенитенциариев в отношении ситуаций унижения или игнорирования на рабочем месте

Мнения мужчин: Считаете ли вы, что работающие женщины сталкиваются с замечаниями, жестами или отношением со стороны коллег или начальства, которые могут заставить их чувствовать себя униженными, игнорируемыми или поставленными в неловкое положение, даже если такое поведение не выражается прямо? (%)

Мнения женщин: Было ли у вас когда-нибудь ощущение, что определенные повторяющиеся замечания, жесты или отношение со стороны коллег или начальства заставляли вас чувствовать себя униженной, игнорируемой или поставленной в неловкое положение, даже если это не выражалось прямо? (%)

В динамике профессиональных бесед часто можно разглядеть невидимые очертания организационной культуры, а Рисунок 48 тонко отражает то, как мужчины и женщины по-разному воспринимают вероятность **того, что некоторые комментарии могут стать неудобными или оскорбительными.**

В то время как 74,8% мужчин утверждают, что не сталкивались с подобными ситуациями, 48,0% женщин разделяют это мнение, что указывает на разницу почти в 27% в восприятии данного явления. Более того, доля мужчин, признающих наличие потенциально проблемных комментариев или шуток, значительно ниже: 14,7% отмечают, что «*слышали, но не считали их проблемными*», в то время как 10,4% женщин интерпретируют такие ситуации как единичные, а 24,7% сталкиваются с ними время от времени (Рисунок 48).

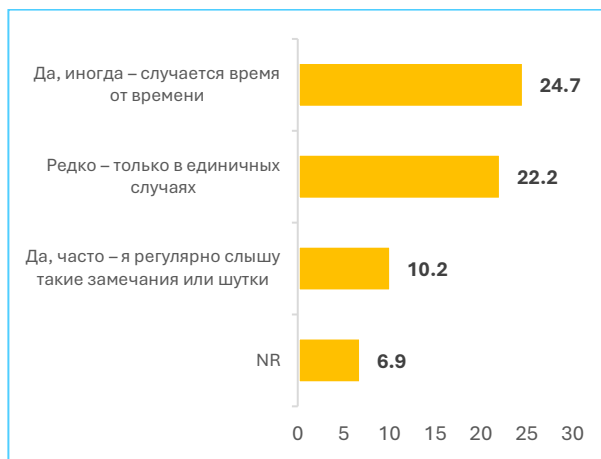
Разница становится более заметной в сфере частых переживаний: 5,8% мужчин считают, что такие комментарии являются частыми или их следует ограничить, в то время как 10,2% женщин утверждают, что регулярно сталкиваются с такими замечаниями. Таким образом, женщины сообщают почти в два раза чаще о повторяющихся случаях дискомфорта, чем признают мужчины, что указывает на структурное несоответствие между переживаемой и воспринимаемой реальностью, имеющее прямые последствия для психологической безопасности и качества взаимодействия на рабочем месте (Рисунок 48).

Рисунок 48. Гендерные восприятия сотрудников пенитенциариев в отношении неформальных комментариев, влияющих на психосоциальный комфорт

Мнения мужчин: Замечали ли вы когда-нибудь в разговорах на рабочем месте замечания, шутки или комментарии, которые, по вашему мнению, могли бы вызвать дискомфорт у ваших коллег-женщин, даже если они не были адресованы им напрямую? (%)

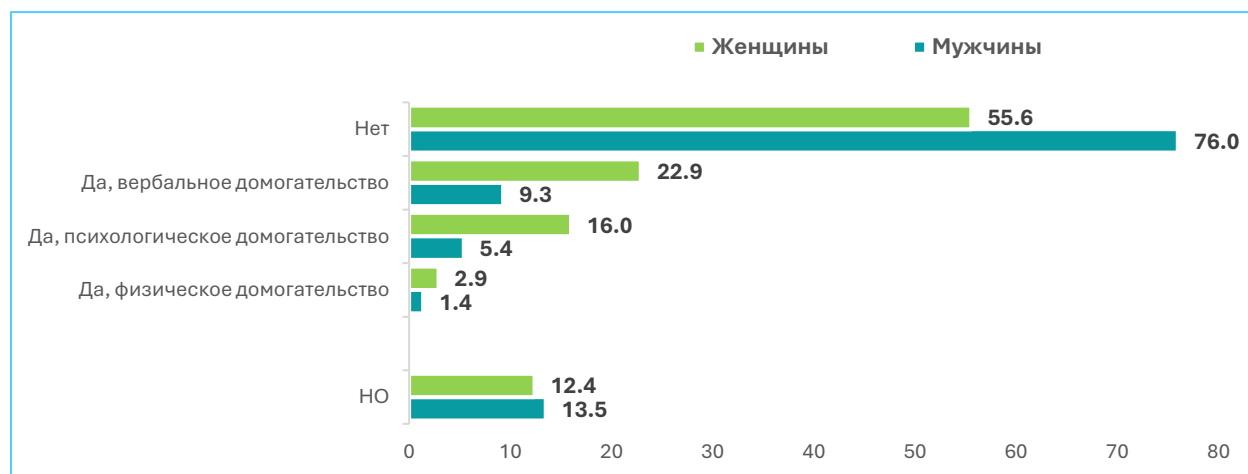

Мнения женщин: Случалось ли вам слышать в разговорах на рабочем месте замечания, шутки или комментарии, которые заставляли вас чувствовать себя некомфортно, даже если они не были адресованы непосредственно вам? (%)

По данным мужчин, большинство утверждает, что не было **свидетелями домогательств** (76,0%), в то время как соответствующая доля среди женщин значительно ниже (55,6%). Различия усугубляются при анализе видов домогательств: женщины почти в два раза чаще упоминают словесные домогательства (22,9% против 9,3%), в три раза чаще — психологические домогательства (16,0% против 5,4%) и более чем в два раза чаще — физические домогательства (2,9% против 1,4%). Доля отсутствия ответов схожа (около 13%), однако это указывает на возможное занижение ответов в обеих группах (Рисунок 49).

Рисунок 49. Доля персонала, в качестве свидетеля домогательств на рабочем месте, (%)

Для сравнения, прослеживаются не только различия в восприятии, но и явные различия в фактической подверженности: женщины значительно чаще подвергаются эпизодам домогательств и гораздо чаще их фиксируют, в то время как мужчины склонны считать, что такие ситуации редки или вообще отсутствуют (Рисунок 49)..

Проанализированные данные о ясности процедур **подачи жалоб в случае неприятных переживаний на рабочем месте** показывают значительную асимметрию в доступе к информации об институциональных процедурах: мужчины демонстрируют большее доверие к формальным механизмам, в то время как женщины описывают недостаточно известную и менее предсказуемую процедурную среду (Рисунок 50).

Мужчины демонстрируют значительно большую уверенность в наличии четких и доступных процедур: 40,7 % утверждают, что точно знают, как должна действовать их коллега в неприятных ситуациях, в то время как среди женщин таких только 25,8%. Женщины склоняются к неопределенному ответу — 48,7% утверждают, что *«вероятно, процедуры существуют, но не все сотрудники знают их полностью»*, по сравнению с 31,7% мужчин, что свидетельствует на низкую осведомленность или недостаточную информированность сотрудниц об этих инструментах (Рисунок 50).

Кроме того, женщины более чем в два раза чаще отмечают отсутствие четких процедур (11,1% против 5,8% у мужчин), в то время как у мужчин доля отсутствия ответа почти вдвое выше (16,5% по сравнению с 8,4%), что указывает на то, что некоторые предпочитают не высказываться по вопросу, воспринимаемому как деликатный (Рисунок 50).

Рисунок 50. Если бы ваша коллега столкнулась с неприятной ситуацией на рабочем месте, считаете ли вы, что она точно знала бы, к кому обратиться и как поступить? (%)

Анализ данных о **доверии сотрудников к способности учреждения реагировать правильно и справедливо в неудобных или оскорбительных ситуациях** выявляет два разных компонента одной и той же системы: один более оптимистичный, характерный для мужчин, и один более осторожный, отражающий позицию женщин (Рисунок 51).

Мужчины демонстрируют гораздо более высокий уровень доверия к реакции учреждения: 62,9% утверждают, что оно вмешается оперативно и справедливо, по сравнению с 44,4%

женщин. Женщины, напротив, чаще выражают оговорки. В 32,4% случаев они утверждают, что реакция зависит от того, «кто вовлечен», по сравнению с 13,1% мужчин, что составляет разницу почти в 20%. В то же время доля тех, кто считает, что учреждение не предпримет реальных мер, выше среди женщин (14,2%), чем среди мужчин (8,5%) (Рисунок 51).

Кроме того, у мужчин отмечается более высокий уровень отсутствия ответа (15,5% против 9,1%), что может свидетельствовать либо о дистанцировании от деликатной темы, либо о большей сложности в конкретной оценке того, как данная организация могла бы вмешаться (Рисунок 51).

Рисунок 51. Если бы вы стали свидетелем неудобной или оскорбительной ситуации на рабочем месте, насколько вы уверены, что учреждение отреагировало бы правильно и справедливо? (%)

Анализ данных выявляет существенные различия между женщинами и мужчинами в отношении **подверженности оскорбительному поведению на рабочем месте**.

Мужчины в гораздо большей степени заявляют, что никогда не были жертвами оскорбительного поведения (76,6%), в то время как это утверждение верно лишь для 59,6% женщин — разница почти в 17 процентных пунктов, что свидетельствует о гораздо более высокой подверженности женщин. Разница становится еще более заметной на уровне конкретных форм насилия: о словесных домогательствах упоминают 22,9% женщин по сравнению с 9,3% мужчин, а о психологических домогательствах значительно чаще сообщают женщины (16,0% против 5,4%). В тяжелых формах различия углубляются: о вербальном или физическом агрессивном поведении сообщают 10,5% женщин против 1,8% мужчин, а о намеренном исключении из деятельности или общения — 7,6% женщин против 2,0% мужчин. Даже сексуальные домогательства, о которых редко сообщают обе группы, встречаются более чем в восемь раз чаще среди женщин (3,3% против 0,4%) (Рисунок 52).

В этом контексте вырисовывается глубоко асимметричная профессиональная реальность: мужчины воспринимают среду как в основном свободную от злоупотреблений, в то время как женщины в два-восемь раз чаще сообщают о конкретных случаях насилия, исключения и домогательств.

Рисунок 52. Стали ли вы когда-нибудь жертвой оскорбительного или насильственного поведения на рабочем месте? (%)

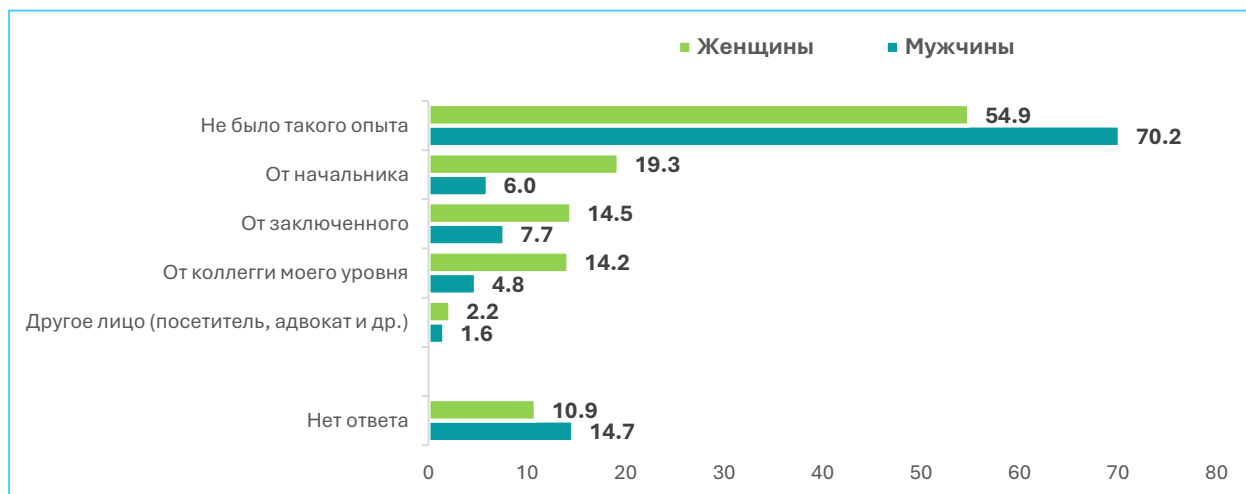

Анализ данных показывает явные различия между опытом, о котором сообщают женщины, и тем, о котором сообщают мужчины, в отношении **оскорбительного поведения на рабочем месте**.

Большинство мужчин указали, что у них не было такого опыта (70,2%), в то время как 54,9% женщин утверждают то же самое, что указывает на разницу почти в 15 процентных пунктов в подверженности оскорбительному поведению. Среди тех, кто сталкивался с подобным, женщины демонстрируют более высокие показатели по всем категориям: преднамеренное исключение (7,6% против 2,0%), злоупотребление властью со стороны начальства (6,9% против 1,4%), оскорбительные замечания или публичное унижение (13,8% против 4,8%) и моральное преследование (12,0% против 1,6%). Различия сохраняются и в сфере взаимодействия с лицами, лишенными свободы (14,5% женщин против 7,7% мужчин), а также в отношениях с коллегами того же уровня (14,2% против 4,8%) (Рисунок 53).

Данные рисуют последовательную картину: женщины описывают гораздо более широкий и разнообразный спектр агрессивных действий, исходящих как со стороны коллег, так и со стороны начальства или заключенных, в то время как мужчины воспринимают рабочую среду как в значительной степени свободную от злоупотреблений.

Рисунок 53. Если вы сталкивались с оскорбительным поведением, то со стороны кого оно исходило? (%)

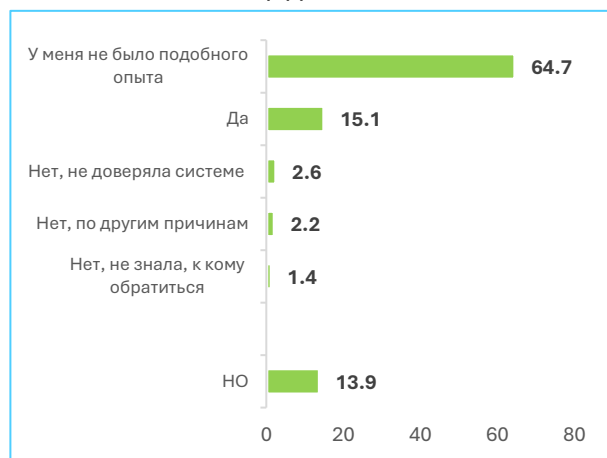

Данные показывают существенные различия в том, как мужчины и женщины воспринимают и реагируют на сообщения о случаях насилия на рабочем месте.

По данным мужчин, 64,7% утверждают, что не были свидетелями ситуаций, в которых женщина становилась жертвой оскорбительного поведения, а в тех случаях, когда такие эпизоды имели место, 15,1% считают, что об инциденте было сообщено. Что касается причин несообщения, то они указаны в небольших долях, таких как: отсутствие доверия к системе (2,6%), другие неуказанные причины (2,2%) или незнание процедур (1,4%) (Рисунок 54).

Рисунок 54. Расхождения между восприятием свидетелей и опытом жертв при сообщении о случаях насилия среди сотрудников

Мужчины: Если вы были свидетелем ситуации, в которой женщина-сотрудница стала жертвой оскорбительного или насильственного поведения на рабочем месте, считаете ли вы, что она сообщила бы об этом инциденте?

Женщины: Если вы были жертвой оскорбительного или насильственного поведения на рабочем месте, сообщили ли вы об этом инциденте?

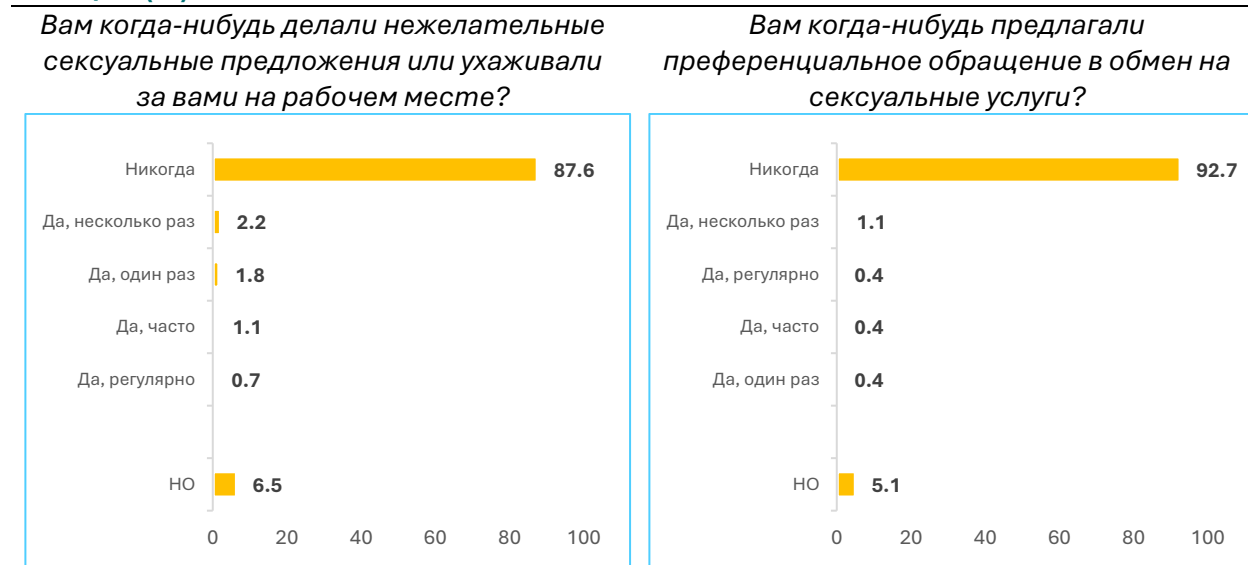
Напротив, опыт женщин рисует сложную картину, полную препятствий: хотя 23,6% утверждают, что сообщили об инцидентах, значительная доля указывает на прямые трудности в процессе подачи заявления: недоверие к системе (3,3%), убеждение, что заявление не будет воспринято всерьез (2,9%), страх последствий (1,8%) и незнание процедур (0,7%). Наиболее значимым аспектом является высокий процент (66,2%) отсутствия ответов, что может свидетельствовать о нежелании отвечать, деликатности темы и, возможно, сохраняющемся институциональном молчании в отношении ситуаций насилия (Рисунок 55).

Результаты анализа показывают, что **случаи нежелательных сексуальных домогательств и предложения выгод в обмен на сексуальные услуги**, хотя о них сообщило меньшинство работающих женщин, представляют собой актуальное и значимое явление.

Данные показывают, что примерно 12,0% женщин указали, что сталкивались с нежелательными сексуальными домогательствами на рабочем месте, будь то случайные (2,2%), единичные (1,8%) или повторяющиеся (1,1% — часто, 1,1% — регулярно), к которым добавляются 6,5% отсутствующих ответов, что указывает на возможный дополнительный уровень занижения данных (Рисунок 55).

Когда вопрос касается преференциального отношения в обмен на сексуальные услуги, 7,3% женщин указывают, что сталкивались с такими ситуациями, будь то единичными или повторяющимися — небольшая, но отнюдь не пренебрежимая доля в профессиональном контексте, характеризующемся четко определенными иерархическими и властными отношениями (Рисунок 55).

Рисунок 55. Распространенность случаев сексуальных домогательств и предложений, обусловленных сексуальными услугами, среди работающих женщин (%)

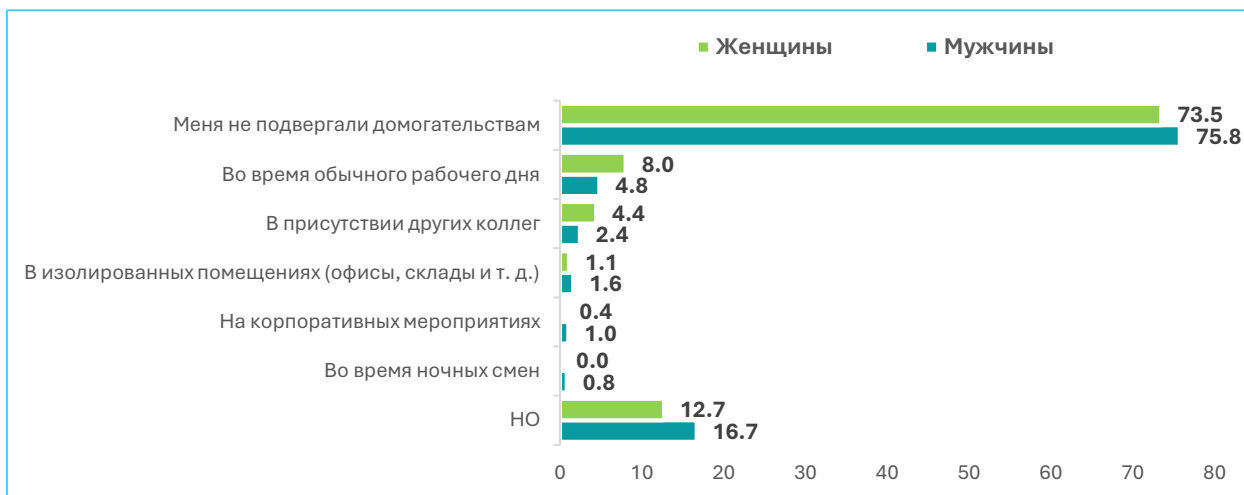

Что касается мужчин, то общая картина рабочей среды остается преимущественно без инцидентов: 75,8% утверждают, что не подвергались **домогательствам**, в то время как среди женщин этот показатель ниже (73,5%), что свидетельствует о чуть более частом подвергании домогательствам. Различия становятся более заметными при анализе контекстов: женщины

упоминают домогательства во время обычного рабочего дня почти в два раза чаще, чем мужчины (8,0% против 4,8%), а эпизоды, произошедшие в присутствии других коллег, встречаются почти в два раза чаще среди женщин (4,4% против 2,4%) (Рисунок 56).

Ситуации в изолированных помещениях упоминаются редко: женщины указывают на случаи в социальном контексте учреждения (0,4%) или в уязвимые моменты работы, такие как спонтанные взаимодействия, в то время как мужчины редко упоминают такие ситуации (1,0% на социальных мероприятиях и 0,8% во время ночных смен). Доля отсутствия ответов выше у мужчин (16,7% против 12,7%), что свидетельствует либо о нежелании обсуждать эту тему, либо о восприятии себя как находящихся в стороне от данного явления (Рисунок 56).

Рисунок 56. Ситуационный контекст эпизодов домогательств среди персонала, %

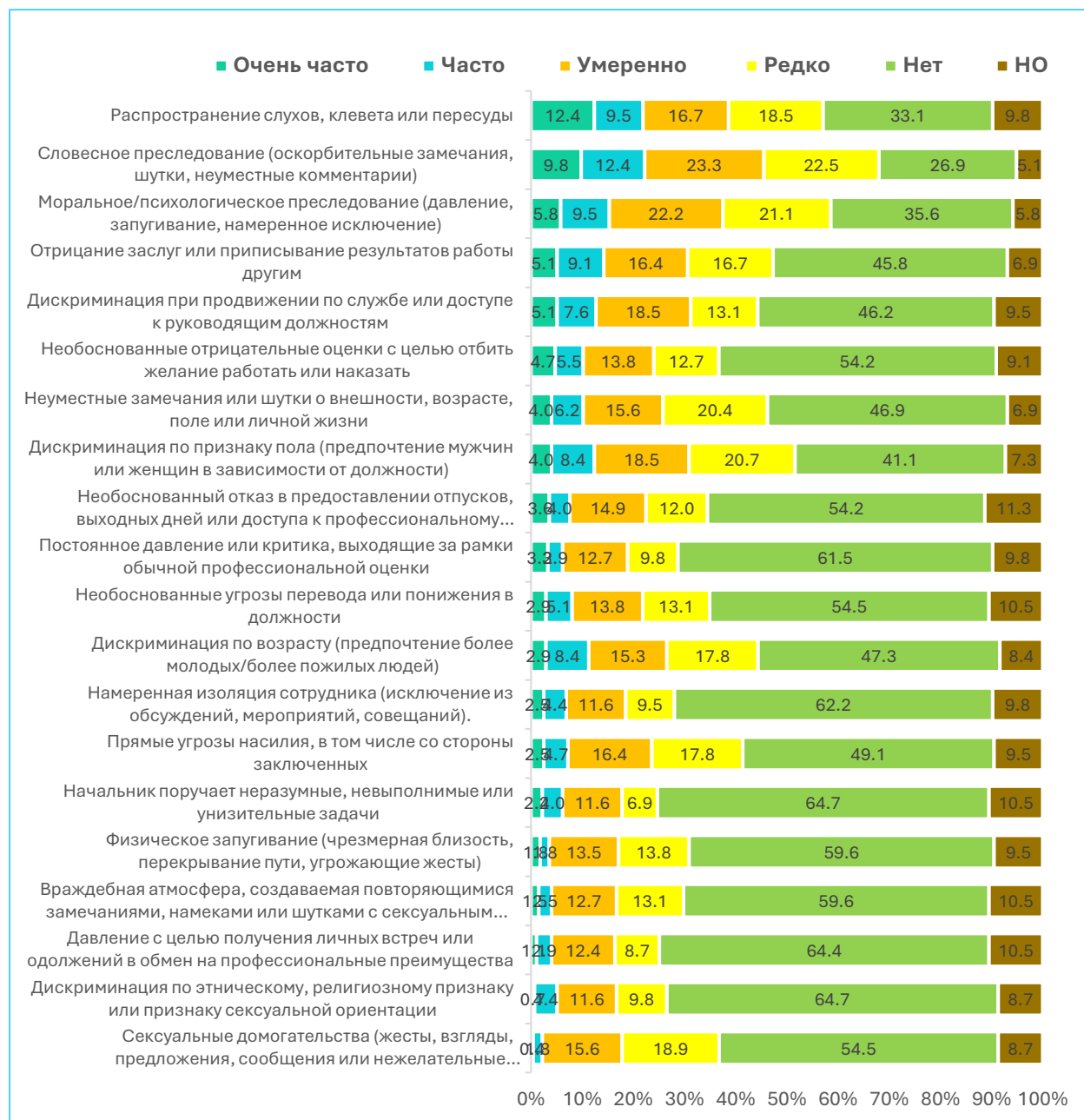
Данные о частоте проявлений домогательств и дискриминации в пенитенциарной среде показывают, что, несмотря на отсутствие серьезных форм для большинства женщин, сохраняется тревожный уровень подверженности враждебному, повторяющемуся и системному поведению. Частота форм домогательств и дискриминации, указанных работающими женщинами, показывает, что, хотя большинство из них не сталкивается с серьезными формами ежедневно, значительная часть отмечает умеренную и повторяющуюся подверженность вербальной, моральной или институциональной враждебности, а более трети респонденток указывают как минимум на одну умеренную форму дискриминации или запугивания (Рисунок 57).

Наиболее высокие уровни домогательств («часто» плюс «часто») были отмечены в отношении распространения слухов и клеветы (21,9%), словесных домогательств (22,2%) и моральных/психологических домогательств (15,3%). К этому добавляются формы дискриминации, влияющие на профессиональный рост, такие как дискриминация при продвижении по службе (12,7%) и дискриминация по признаку пола (12,4%). Поведение, потенциально способное привести к серьезным последствиям, включая прямые угрозы насилия (7,2%) и вербальную или физическую агрессию (3,3%), встречается в меньших, но все же значимых пропорциях для сферы с жесткой иерархической структурой и высокими требованиями к безопасности. Давление в виде неразумных требований (6,2%), чрезмерная критика (6,2%) и преднамеренное исключение (6,9%) указывают на наличие скрытых, но

стойких форм институционального злоупотребления. В отличие от этого, явное сексуальное домогательство, хотя и присутствует, остается на низком уровне (2,2%), значительно уступая психологическим и вербальным формам агрессии (Рисунок 57).

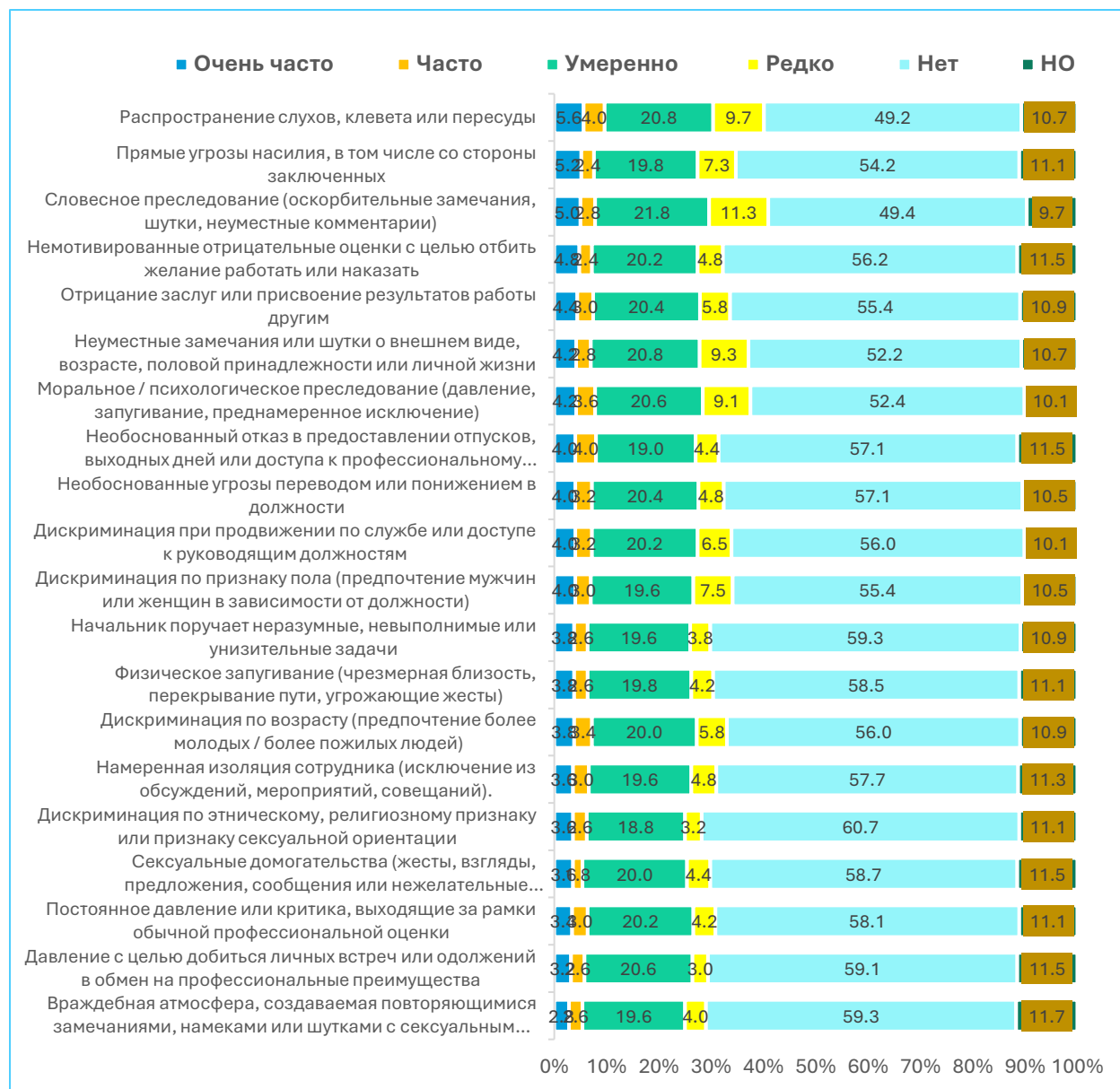
В этом контексте данные показывают, что, хотя тяжелые формы сексуальных домогательств встречаются реже, вербальные, психологические и дискриминационные проявления враждебности имеют значительную совокупную распространенность, колеблясь от 6% до 22% (Рисунок 57).

Рисунок 57. Восприятие женщин: насколько часто встречаются следующие виды домогательств или дискриминации в отношении женщин, работающих в пенитенциарной системе?

Если анализировать ответы мужчин с точки зрения тех, кто смотрит на систему «изнутри» текущих практик, они указывают на кажущуюся нормальность, но также и на наличие повторяющихся (хотя и не доминирующих) инцидентов, которые определяют организационный климат.

Рисунок 58. Восприятие мужчин: насколько часто встречаются следующие виды домогательств или дискриминации в отношении женщин, работающих в пенитенциарной системе?

Наиболее высокие уровни домогательств («часто» плюс «часто») наблюдаются в распространении слухов и клевете (9,6%), моральном/психологическом преследовании и словесных оскорблениях (по 7,8%), за которыми следуют прямые угрозы насилия (7,6%) и отрицание заслуг/присвоение чужих результатов (7,4%). «Институциональное ядро» давления

проявляется в виде необоснованных негативных оценках, угрозах переводом/понижением в должности, дискриминации при продвижении по службе и дискриминации по возрасту (по 7,2%), в то время как гендерная дискриминация и комментарии/шутки о внешности/возрасте/поле/личной жизни достигают 7,0%. Формы с явной сексуальной составляющей присутствуют, но занимают более низкие позиции в иерархии: давление с целью получения личных услуг (5,8%), сексуальные домогательства и враждебная атмосфера с сексуальным подтекстом (по 5,4%) (Рисунок 58).

Сравнительный анализ гендерных восприятий показывает, что у женщин отмечаются более высокие совокупные показатели («часто» плюс «часто») по вербальному домогательству (22,2% против 7,8% у мужчин), слухов/клеветы (21,9% против 9,6%), морального/психологического преследования (15,3% против 7,8%), дискриминации при продвижении по службе (12,7% против 7,2%) и дискриминации по гендерному признаку (12,4% против 7,0%). Единственным заметным исключением является сексуальное домогательство, где мужчины чаще оценивают это явление, чем сообщают о нем женщины (5,4% против 2,2%), а в случае угроз насилием показатели близки (7,6% мужчин против 7,2% женщин) (Рисунок 57, Рисунок 58).

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРСОНАЛА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

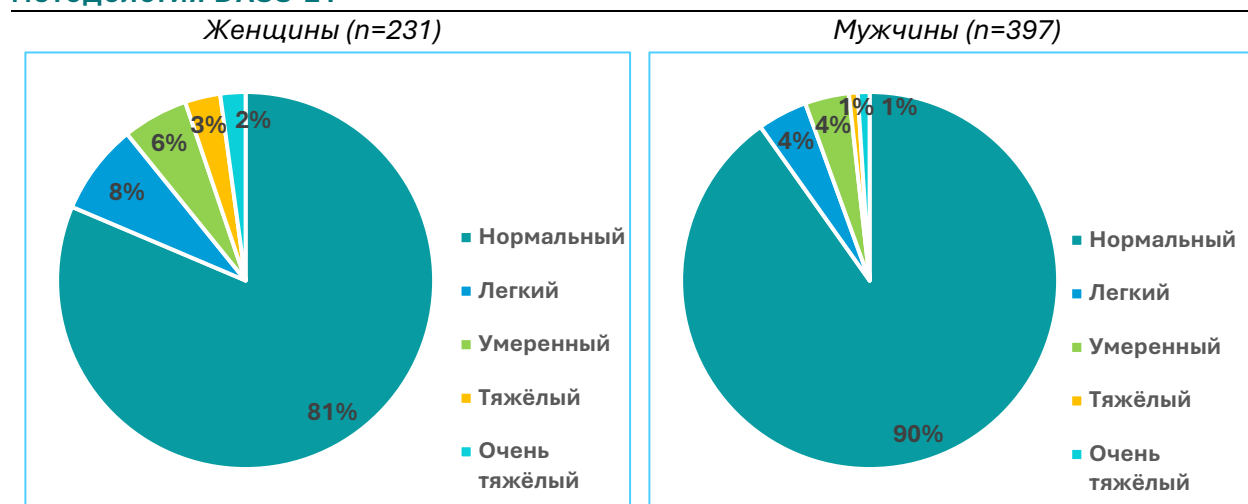
ДЕПРЕССИЯ В ПРОФИЛЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ ПЕРСОНАЛА

Различия между женщинами и мужчинами в отношении уровня депрессивных симптомов очерчивают две разные профессиональные реальности, в которых женщины, по-видимому, более интенсивно ощущают психологическое давление тюремной среды (Рисунок 59).

В то время как 81,4 % (188) женщин находятся в пределах нормы, по сравнению с 90,2 % (358) мужчин, распространенность клинических форм среди женщин почти вдвое выше: легкая депрессия встречается у 7,8% (против 4,3% у мужчин), умеренная — у 5,6% (против 3,8% у мужчин), а тяжелые и очень тяжелые формы в совокупности достигают 5,2% (против 1,8% у мужчин).

В совокупности категория «депрессия» составляет 18,6% (43) среди женщин по сравнению с 9,8% (39) среди мужчин, что указывает на почти двукратную распространенность депрессивных симптомов среди женского персонала. Статистические тесты подтверждают, что **у женщин вероятность проявления депрессии в два раза выше**, чем у мужчин (ОШ=2,10; 95% ДИ: 1,32–3,35, $p=0,002$) (Рисунок 59).

Рисунок 59. Уровень депрессии среди персонала пенитенциарных учреждений, методология DASS-21

Профиль уязвимости к депрессии среди персонала

Результаты исследования не выявили статистически значимой связи между возрастом и депрессией у женщин. В то же время внутреннее распределение показывает высокую долю случаев в группах 36–45 лет (44,2%) и 26–35 лет (30,2%), без существенных различий по сравнению с женщинами без депрессии. В свою очередь, у мужчин единственная статистически значимая связь ($p < 0,05$) наблюдается в группе 18–25 лет, где 30,8% страдают депрессией по сравнению с лишь 13,1% среди тех, кто не страдает депрессией, что указывает на явно более высокую уязвимость в сегменте молодых мужчин (Таблица 25).

Уровень образования, по-видимому, не оказывает значительного влияния на депрессию у мужчин, однако среди женщин наблюдается более высокая распространенность депрессии в группе с полным высшим образованием (65,1% среди тех, кто страдает депрессией), что свидетельствует о различиях в уязвимости в зависимости от возраста и образования (Таблица 25).

Таблица 25. Социально-демографические характеристики как факторы, определяющие депрессию среди персонала пенитенциарных учреждений

Наименование	Женщины, N (%)			Мужчины, N (%)		
	Депрессия Да	Депрессия Нет	Р-значение	Депрессия Да	Депрессия Нет	Р-значение
Итого	43	188		39	358	
Возрастная группа						
18–25 лет	5 (11,6)	15 (8,0)	> 0,05	12 (30,8)	47 (13,1)	< 0,05
26–35 лет	13 (30,2)	56 (29,8)	> 0,05	11 (28,2)	120 (33)	> 0,05
36–45 лет	19 (44,2)	95 (50,5)	> 0,05	14 (35,9)	157 (44)	> 0,05
≥ 46 лет	6 (14,0)	22 (11,7)	> 0,05	2 (5,1)	34 (9,5)	> 0,05
Уровень образования						

Наименование	Женщины, N (%)			Мужчины, N (%)		
	Депрессия		Р-значе ние	Депрессия		Р-значе ние
	Да	Нет		Да	Нет	
Среднее	2 (4,7)	18 (9,6)	> 0,05	6 (15,4)	49 (13,7)	> 0,05
Специальное среднее	2 (4,7)	23 (12,2)	> 0,05	8 (20,5)	111 (31)	> 0,05
Неполное высшее	5 (11,6)	11 (5,9)	> 0,05	5 (12,8)	31 (8,7)	> 0,05
Полное высшее образование	28 (65,1)	110 (58)	> 0,05	16 (41,0)	146 (41)	> 0,05
Последипломное	6 (14,0)	26 (13,8)	> 0,05	4 (10,3)	21 (5,9)	> 0,05

Среди женщин депрессия значимо связана с должностью надзирателя (агента) ($p < 0,01$), что позволяет предположить, что оперативные роли (непосредственного выполнения), подверженные прямому стрессу и интенсивному контакту с средой заключения, усиливают эмоциональный риск; в то же время у мужчин не наблюдается статистически значимой связи с занимаемой должностью ($p > 0,05$ во всех случаях), хотя распространенность выше среди тех, кто занимает специфические профессиональные должности (22,8%) (Таблица 26).

Что касается учреждения, в котором работает персонал, отмечается только один статистически значимый показатель: у мужчин, работающих в центральном аппарате НАП, наблюдается значительно более высокая распространенность депрессии (12,5%) по сравнению с теми, у кого депрессии нет (2,5%, $p < 0,01$). У женщин распределение депрессии не зависит от типа учреждения ($p > 0,05$), хотя более высокие показатели наблюдаются в тюрьмах для мужчин (34,9%) и в следственных изоляторах (30,2%) — средах, характеризующихся высокой интенсивностью работы (Таблица 26).

Распределение депрессии в зависимости от стажа работы в пенитенциарной системе показывает, что статистически значимых различий нет ни у женщин, ни у мужчин ($p > 0,05$ во всех категориях), однако анализ пропорций выявляет отчетливые тенденции. Так, среди женщин депрессия относительно широко распространена во всех группах по стажу работы, но самые высокие показатели отмечаются у тех, кто имеет 5–10 лет опыта (32,6%) и более 10 лет (34,9%), что свидетельствует о кумулятивном эффекте институционального стресса. У мужчин распределение более равномерное, с умеренной распространенностью в интервалах 1–3 года (25,6%), 5–10 лет (30,8%) и более 10 лет (28,2%), без колебаний, указывающих на дифференцированный риск (Таблица 26).

Таким образом, результаты показывают, что женщины более уязвимы на должностях по надзору, а мужчины — на должностях в центральном аппарате, что позволяет предположить, что характер задач (оперативные для женщин, административно-стратегические для мужчин) представляет собой дифференцирующий фактор, оказывающий значительное влияние на психическое здоровье. Стаж работы в пенитенциарной системе не является статистическим предиктором депрессии, но женщины, по-видимому, подвергаются более высокому эмоциональному риску с течением времени, в то время как у мужчин уровень депрессии остается относительно стабильным независимо от продолжительности работы в системе (Таблица 26).

Таблица 26. Депрессия в зависимости от занимаемой должности и институциональной среды среди персонала пенитенциарных учреждений

Наименование	Женщины, N (%)			Мужчины, N (%)		
	Депрессия Да	Депрессия Нет	P-значе ние	Депрессия Да	Депрессия Нет	P-значе ние
Итого	43	188		39	358	
Занимаемая должность						
Надзиратель (агент)	3 (7,0)	37 (19,7)	< 0,01	9 (23,1)	99 (27,7)	> 0,05
Сотрудник в других должностях (агент)	6 (14,0)	34 (18,1)	> 0,05	12 (30,8)	114 (32)	> 0,05
Офицер Специалист (психолог, врач, педагог, социальный работник)	20 (46,5)	76 (40,4)	> 0,05	11 (28,2)	85 (23,7)	> 0,05
Контрактный персонал (психолог, врач, педагог, социальный/медицинский работник)	4 (9,3)	9 (4,8)	> 0,05	2 (5,1)	6 (1,7)	> 0,05
Руководящая должность (начальник отдела, заместитель директора, директор и т. д.)	10 (23,3)	32 (17,0)	> 0,05	5 (12,8)	54 (15,1)	> 0,05
Количество лет работы в пенитенциарной системе						
< 1 год	4 (9,3)	12 (6,4)	> 0,05	2 (5,1)	32 (8,9)	> 0,05
1–3 года	7 (16,3)	40 (21,3)	> 0,05	10 (25,6)	82 (22,9)	> 0,05
4–5 лет	3 (7,0)	17 (9,0)	> 0,05	4 (10,3)	29 (8,1)	> 0,05
5–10 лет	14 (32,6)	55 (29,3)	> 0,05	12 (30,8)	97 (27,1)	> 0,05
> 10 лет	15 (34,9)	64 (34,0)	> 0,05	11 (28,2)	118 (33)	> 0,05
Пенитенциарий работы в настоящее время						
Тюрьма для мужчин, включая несовершеннолетних	15 (34,9)	79 (42,0)	> 0,05	16 (41,0)	175 (49)	> 0,05
Женская тюрьма, включая несовершеннолетних	4 (9,3)	29 (15,4)	> 0,05	9 (23,1)	26 (7,3)	< 0,05
Следственный изолятор	13 (30,2)	37 (19,7)	> 0,05	5 (12,8)	57 (15,9)	> 0,05
Подразделения НАП (учебный центр, центр материально-технического обеспечения и т. д.)	4 (9,3)	22 (11,7)	> 0,05	7 (17,9)	81 (22,6)	> 0,05
Тюремная больница	4 (9,3)	8 (4,3)	> 0,05	0 (0,0)	9 (2,5)	< 0,01
Центральный аппарат НАП	3 (7,0)	13 (6,9)	> 0,05	2 (5,1)	10 (2,8)	> 0,05

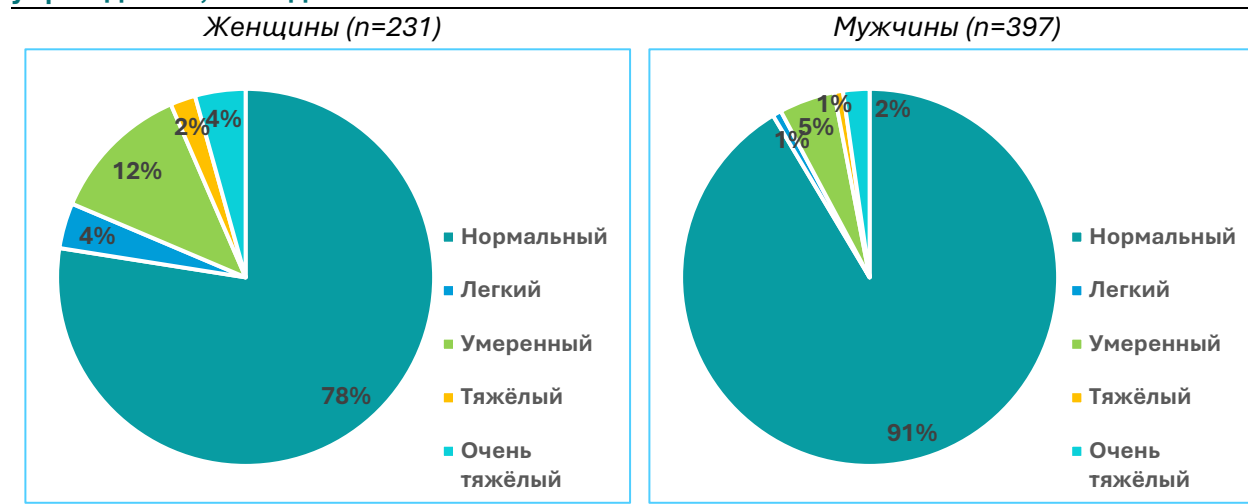
ТРЕВОЖНОСТЬ В ПРОФИЛЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ ПЕРСОНАЛА

Данные об уровне тревожности показывают, что большинство мужчин (91,4 %, 363) относятся к категории «нормальный уровень», в то время как доля женщин с нормальным уровнем значительно ниже (77,5 %, 179). В то же время тревожность чаще встречается среди женщин: 12,1% (28) с умеренной тревожностью по сравнению с 4,8% (19) у мужчин; 4,3% (10) с очень сильной тревожностью по сравнению с 2,3% (9) у мужчин. Тяжелая тревожность была выявлена у 2,2% (5) женщин и 0,8% (3) мужчин (Рисунок 60).

В совокупности категория «тревожность» составляет 22,5% (52) среди женщин по сравнению с 8,6% (34) среди мужчин, что указывает на более чем двукратную разницу в распространенности (Рисунок 60).

Двумерный анализ статистически подтверждает эту разницу и показывает, что у женщин **риск проявления тревожности примерно в три раза выше**, чем у мужчин (ОШ=3,10; 95% ДИ: 1,94–4,95, $p=0,001$).

Рисунок 60. Уровень тревожности среди сотрудников пенитенциарных учреждений, методология DASS-21

Профиль уязвимости к тревоге среди персонала

Распределение тревожности по возрастным группам не показывает статистически значимых различий ни среди женщин, ни среди мужчин ($p>0,05$ для всех групп). В то же время отмечаются более высокие описательные показатели в более молодых возрастных группах: у женщин тревожность присутствует в 32,7% случаев в возрастной группе 26–35 лет и в 44,2% — в возрастной группе 36–45 лет, тогда как у мужчин эти показатели остаются относительно постоянными, варьируя от 23,5% до 13,8% без значительных колебаний по возрастным группам (Таблица 27).

Что касается уровня образования, то у женщин статистически значимых различий не наблюдается ($p>0,05$), хотя процентные показатели указывают на рост уровня тревожности по мере повышения уровня образования: среднее общее образование (3,8%), незавершенное высшее образование (9,6%) и полное высшее образование (67,3%). Однако для мужчин

уровень образования приводит к статистически значимой разнице в сегменте «специальное среднее образование» ($p < 0,01$), где 11,8% испытывают тревогу по сравнению с 32,0% среди тех, кто не испытывает тревоги, что позволяет предположить, что мужчины с техническим профессиональным образованием составляют менее уязвимую категорию по сравнению с другими уровнями образования, возможно, благодаря более четко определенным оперативным ролям и меньшей подверженности к сложным задачам с административной или управленческой составляющей (Таблица 27).

Таблица 27. Социально-демографические характеристики как факторы, определяющие уровень тревожности среди персонала пенитенциариев

Наименование	Женщины, N (%)			Мужчины, N (%)		
	Тревожность Да	Тревожность Нет	P-значение	Тревожность Да	Тревожность Нет	P-значение
Итого	52	179		34	363	
Возрастная группа						
18–25 лет	5 (9,6)	15 (8,4)	> 0,05	8 (23,5)	51 (14,0)	> 0,05
26–35 лет	17 (32,7)	52 (29,1)	> 0,05	10 (29,4)	121 (33)	> 0,05
36–45 лет	23 (44,2)	91 (50,8)	> 0,05	13 (38,2)	158 (44)	> 0,05
≥ 46 лет	7 (13,5)	21 (11,7)	> 0,05	3 (8,8)	33 (9,1)	> 0,05
Уровень образования						
Среднее	2 (3,8)	18 (10,1)	> 0,05	6 (17,6)	49 (13,5)	> 0,05
Специальное среднее	3 (5,8)	22 (12,3)	> 0,05	4 (11,8)	115 (32)	< 0,01
Неполное высшее	5 (9,6)	11 (6,1)	> 0,05	6 (17,6)	30 (8,3)	> 0,05
Полное высшее	35 (67,3)	103 (57)	> 0,05	15 (44,1)	147 (41)	> 0,05
Последипломное	7 (13,5)	25 (14,0)	> 0,05	3 (8,8)	22 (6,1)	> 0,05

Исходя из анализа распределения тревожности в зависимости от занимаемой должности и институциональной среды, прослеживаются существенные различия между женщинами и мужчинами, отражающие различное влияние профессиональных обязанностей и организационного контекста на эмоциональное здоровье (Таблица 28).

Данные показывают, что уровень тревожности значимо связан с занимаемой должностью у женщин ($p < 0,05$), но не у мужчин. У женщин высокий уровень тревожности наблюдается среди офицеров специалистов (психологов, врачей, педагогов и социальных работников), где у 46,2% были отмечены признаки тревожности по сравнению с 40,2% без признаков тревожности. Напротив, у женщин, занимающих руководящие должности, отмечается гораздо более низкий уровень тревожности (9,6%), что сопоставимо с показателем у агентов на других должностях (11,5%) (Таблица 28).

Что касается мужчин, единственной профессиональной категорией, значимо связанной с тревожностью, является контрактный персонал, где 8,0% указали на признаки тревожности по сравнению с 8,2% без тревожности; эта разница, хотя и статистически значима ($p < 0,01$), остается незначительной в цифровом выражении и существенно не изменяет общую структуру рисков. В остальном оперативные роли, специализированные и руководящие

должности не демонстрируют значимых различий, что свидетельствует о относительно однородной эмоциональной стабильности мужского персонала (Таблица 28).

Что касается стажа работы, ни у женщин, ни у мужчин не наблюдается статистически значимых взаимосвязей, однако описательные распределения показывают интересные тенденции. У женщин уровень тревожности заметно возрастает после 10-летнего стажа работы: 38,5% работающих женщин отмечают признаки тревожности по сравнению с 33%, у которых тревожности нет. Эта картина указывает на возможный кумулятивный эффект длительного пребывания в стрессовой среде. У мужчин распределение остается постоянным, без значительного роста в зависимости от стажа работы в системе (Таблица 28).

Анализ по институциональной среде еще более четко подчеркивает гендерные различия. В мужских тюрьмах, которые представляют собой основную рабочую среду, 46,2% женщин испытывают тревогу по сравнению с 39,1% тех, кто не испытывает тревоги. В свою очередь, в женских пенитенциарных учреждениях эта доля значительно ниже (11,5%), и эта разница указывает на потенциальную психологическую перегрузку сотрудниц, работающих в пенитенциарных учреждениях для мужчин, где динамика поведения и институциональный климат могут характеризоваться повышенной напряженностью. У мужчин тревожность значимо связана с работой в женских пенитенциарных учреждениях ($p < 0,05$), где 26,5% демонстрируют симптомы тревожности по сравнению с 26,7% без тревожности, что может свидетельствовать о различной эмоциональной адаптации к работе в женской пенитенциарной среде (Таблица 28).

В центральном аппарате НАП тревожность наблюдается у 3,8% женщин и 1,2% мужчин, что не является статистически значимым, однако эта небольшая разница подтверждает тот факт, что среды, в меньшей степени подверженные прямому взаимодействию с заключенными, в целом представляют собой зоны с пониженным эмоциональным риском (Таблица 28).

Таблица 28. Уровень тревожности персонала в зависимости от занимаемой должности и институциональной среды

Наименование	Женщины, N (%)			Мужчины, N (%)		
	Тревожность Да	Нет	P-значение	Тревожность Да	Нет	P-значение
Итого	52	179		34	363	
Занимаемая должность						
Надзиратель (агент)	5 (9,6)	35 (19,6)	< 0,05	12 (35,4)	96 (26,4)	> 0,05
Сотрудник в других должностях (агент)	6 (11,5)	34 (19,0)	> 0,05	8 (23,5)	118 (33)	> 0,05
Офицер Специалист (психолог, врач, педагог, социальный работник)	24 (46,2)	72 (40,2)	> 0,05	9 (26,5)	87 (24,0)	> 0,05
Контрактный персонал (психолог, врач, педагог, социальный/медицинский работник)	6 (11,5)	7 (3,9)	> 0,05	0 (0,0)	8 (2,2)	< 0,01

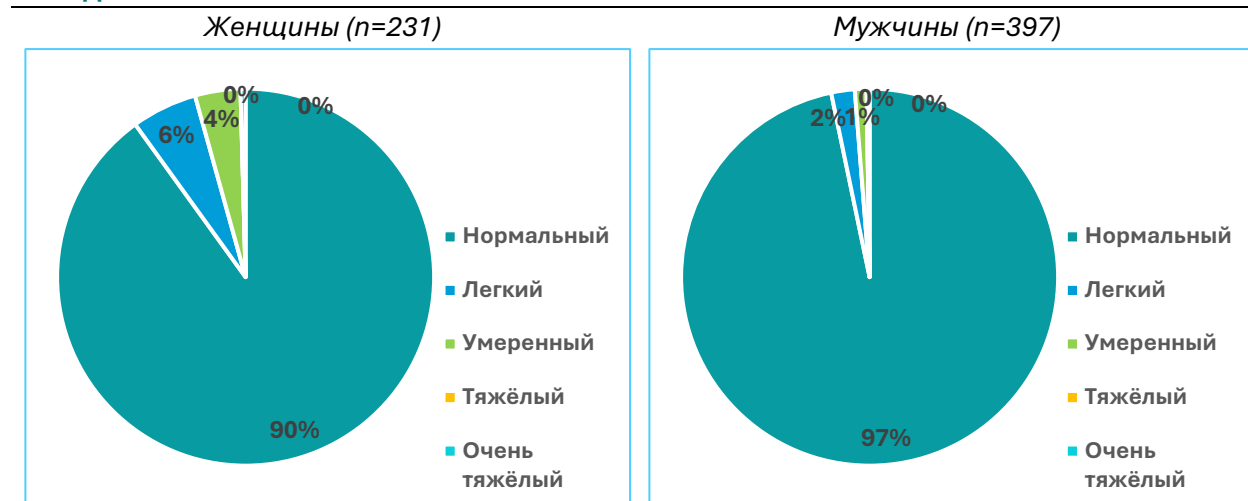
Наименование	Женщины, N (%)			Мужчины, N (%)		
	Тревожность Да	Тревожность Нет	P-значение	Тревожность Да	Тревожность Нет	P-значение
Руководящая должность (начальник отдела, заместитель директора, директор и т. д.)	11 (21,2)	31 (17,3)	> 0,05	5 (14,7)	54 (14,9)	> 0,05
Количество лет работы в пенитенциарной системе						
< 1 год	5 (9,6)	11 (6,1)	> 0,05	2 (5,9)	32 (8,8)	> 0,05
1–3 года	7 (13,5)	40 (22,3)	> 0,05	7 (20,6)	85 (23,4)	> 0,05
4–5 лет	4 (7,7)	16 (8,9)	> 0,05	5 (14,7)	28 (7,7)	> 0,05
5–10 лет	16 (30,8)	53 (29,6)	> 0,05	11 (32,4)	98 (27,0)	> 0,05
> 10 лет	20 (38,5)	59 (33,0)	> 0,05	9 (26,5)	120 (33)	> 0,05
Пенитенциарий работы в настоящее время						
Тюрьма для мужчин, включая несовершеннолетних	24 (46,2)	70 (39,1)	> 0,05	16 (47,1)	175 (48)	> 0,05
Женская тюрьма, включая несовершеннолетних	6 (11,5)	27 (15,1)	> 0,05	9 (26,5)	26 (7,2)	< 0,05
Следственный изолятор	11 (21,2)	39 (21,8)	> 0,05	5 (14,7)	57 (15,7)	> 0,05
Подразделения НАП (учебный центр, центр материально-технического обеспечения и т. д.)	4 (7,7)	22 (12,3)	> 0,05	3 (8,8)	85 (23,4)	> 0,05
Тюремная больница	4 (7,7)	8 (4,5)	> 0,05	0 (0,0)	9 (2,5)	< 0,01
Центральный аппарат НАП	3 (5,8)	13 (7,3)	> 0,05	1 (2,9)	11 (3,0)	> 0,05

СТРЕСС В ПРОФИЛЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ ПЕРСОНАЛА

Результаты исследования показывают, что стресс преобладает среди всего персонала (94,3%). У мужчин наблюдается значительно более высокая распространенность при нормальном уровне (96,7%, 384) по сравнению с женщинами (90,0%, 208). Формы стресса (легкая, умеренная, тяжелая) заметно чаще встречаются у женщин: 5,6% против 2,0% на легком уровне и 3,9% против 1,0% на умеренном уровне (Рисунок 61).

В совокупности категория «стресс» составляет 10,0% (23) среди женщин по сравнению с 3,3% (13) среди мужчин, что указывает на более чем двукратную разницу в распространенности. Двумерный анализ статистически подтверждает эту разницу и показывает, что у женщин **риск проявления стресса примерно в три раза выше**, чем у мужчин (ОШ = 3,26; 95% ДИ: 1,62–6,58, $p=0,001$) (Рисунок 61).

Рисунок 61. Уровень стресса среди сотрудников пенитенциарных учреждений, методология DASS-21

Профиль уязвимости к стрессу среди персонала

У женщин большинство случаев, стресс наблюдается **в возрастной группе** 36–45 лет, где зарегистрировано 12 случаев из общего числа (23), в то время как у мужчин в той же группе насчитывается лишь 5 случаев из общего числа (13). В то же время в возрастной группе 18–25 лет у женщин и мужчин наблюдаются схожие пропорции: 3 случая у женщин и 5 у мужчин, а в группе старше 46 лет у мужчин не зарегистрировано ни одного случая, в отличие от женщин, у которых отмечено 3 случая.

Различия становятся ещё более заметными в зависимости от **уровня образования**. Среди женщин 15 из 23 случаев стресса зарегистрированы среди лиц с полным высшим образованием, а 6 случаев — среди лиц с последипломным образованием. На противоположном полюсе, в категории с общим средним образованием не зафиксировано ни одного случая. Среди мужчин случаи распределены гораздо более разнообразно: 4 из 13 случаев приходятся на категорию лиц с общим средним образованием, 1 случай — на лиц со специальным средним образованием, 1 случай — на лиц с неполным высшим образованием, а 5 случаев — на лиц с полным высшим образованием.

В зависимости от **занимаемой должности** анализ выявляет четкие различия между женщинами и мужчинами. Среди женщин большинство случаев стресса приходится на категорию офицеров, где зарегистрировано 10 случаев из общего числа 23, за ними следуют руководящие должности с 5 случаями и контрактный персонал с 3 случаями. В оперативных категориях у женщин зарегистрировано 3 случая в категории агентов на других должностях и 2 случая в категории агентов по надзору.

У мужчин стресс встречается реже и различается по профессиональным категориям. В оперативных должностях зарегистрировано 6 случаев среди агентов в других должностях и 3 случая среди агентов по надзору. В категории офицеров зарегистрировано 4 случая, а среди контрактного персонала и руководящих должностей не зарегистрировано ни одного случая.

Анализ **стажа работы в системе** выявляет различия между женщинами и мужчинами, испытывающими стресс. Среди женщин случаи стресса распределены по всем категориям стажа: 2 случая отмечены у тех, кто имеет стаж менее одного года, 3 случая — у тех, кто имеет стаж 1–3 года, 1 случай — у тех, кто имеет стаж 4–5 лет, 9 случаев — у тех, кто имеет стаж 5–10 лет, и 8 случаев — у тех, кто имеет стаж более 10 лет. В данном контексте распределение показывает, что **количество случаев стресса у женщин увеличивается с увеличением стажа**, достигая максимальных значений в интервалах 5–10 лет и более 10 лет.

У мужчин общее количество случаев стресса меньше, а распределение отличается. В группе со стажем менее одного года зарегистрировано 2 случая, в группе со стажем 1–3 года — еще 3 случая, а в категории 4–5 лет случаев не наблюдается. В интервале 5–10 лет выявлено 3 случая, а среди тех, кто имеет стаж более 10 лет, — 5 случаев. В отличие от женщин, у мужчин стресс не проявляется постоянно во всех группах, полностью отсутствуя в сегменте 4–5 лет и имея меньшее накопление в категориях с более длительным стажем.

В зависимости от **учреждения, в котором работает персонал**, среди женщин наибольшее количество случаев стресса регистрируется в пенитенциарных учреждениях для мужчин, где выявлено 8 случаев из общего числа 23. Учреждения с женским профилем — 3 случая, следственные изоляторы — 5 случаев, а подразделения НАП — 1 случай. В пенитенциарной больнице и в центральном аппарате НАП зарегистрировано по 3 случая. Результаты показывают, что стресс у женщин присутствует во всех типах учреждений, с более значительным накоплением в учреждениях, предназначенных для мужчин, и в следственных изоляторах.

У мужчин 13 случаев стресса распределены иначе: в мужских пенитенциарных учреждениях — 7 случаев, в женских пенитенциарных учреждениях — 1 случай, в следственных изоляторах — 3 случая, а в подразделениях НАП — 2 случая. В тюремной больнице и в центральном аппарате НАП не зафиксировано ни одного случая стресса. В отличие от женщин, у мужчин не наблюдается случаев в центральном аппарате или в пенитенциарной больнице, а их число меньше среди всех учреждений.

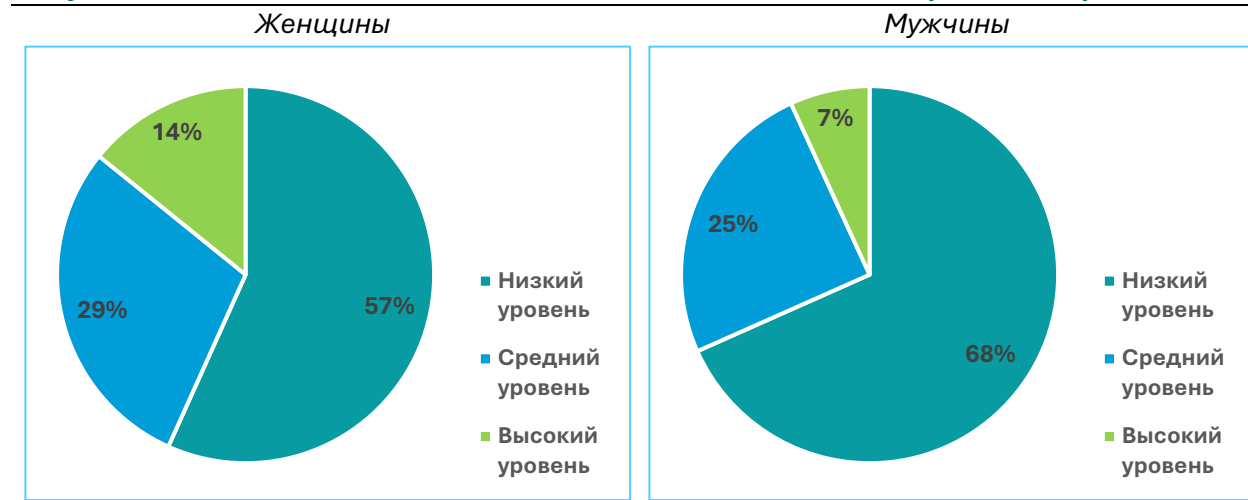
ПРОФИЛЬ СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ СРЕДИ ПЕРСОНАЛА

Эмоциональное истощение как составляющая синдрома выгорания

Анализ различий между женщинами и мужчинами в отношении уровня эмоционального выгорания показывает, что мужчины в основном находятся в зоне низкого уровня выгорания, в то время как женщины в большей степени представлены в группах со средним и высоким уровнями выгорания. Низкий уровень наблюдается у 68,3% (339) мужчин по сравнению с 56,7% (156) женщин, что подтверждает более благоприятный профиль для мужчин. В диапазоне среднего уровня женщины представлены в большей степени (29,1%, 80) по сравнению с 24,8% (123), а разница усиливается в диапазоне высокого уровня, где 14,2% (39) женщин сталкиваются с выраженным выгоранием, что почти вдвое больше, чем у мужчин (6,9%, 34) (Рисунок 62).

Совокупный анализ показывает, что 31,7% (157) мужчин и 43,3% женщин (119) находятся в диапазоне эмоционального истощения («средний уровень» плюс «высокий уровень»). Статистические тесты показывают, что женщины испытывают более высокую эмоциональную нагрузку и имеют в 1,6 раза большую вероятность оказаться в категории среднего или высокого уровня эмоционального истощения, чем мужчины (ОШ=1,65; 95% ДИ: 1,21–2,23, $p=0,001$).

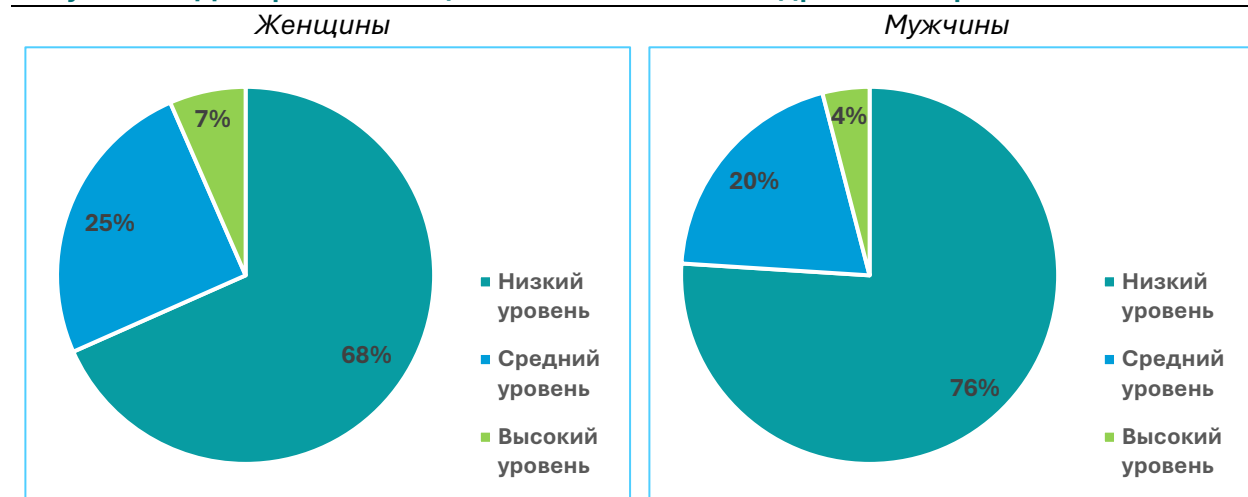
Рисунок 62. Эмоциональное истощение как компонент синдрома выгорания

Деперсонализация как компонент синдрома выгорания

Что касается уровня деперсонализации, анализ распределений показывает четкий профиль эмоциональной нагрузки среди персонала пенитенциарных учреждений. Мужчины чаще демонстрируют низкий уровень деперсонализации (76,0%; 377) по сравнению с женщинами (68,4%; 188), что свидетельствует о меньшей степени эмоциональной отстраненности от профессиональной деятельности. Уровень «умеренный» более выражен у женщин (25,1%; 69), чем у мужчин (20,0%; 99), и эта разница сохраняется и на уровне «высокий», где женщины достигают 6,5% (18) по сравнению с 4,0% (20) среди мужчин (Рисунок 63).

Рисунок 63. Деперсонализация как компонент синдрома выгорания

Совокупная оценка («умеренный уровень» плюс «высокий уровень») подтверждает эти тенденции: 31,6 % (87) женщин относятся к категории повышенной деперсонализации, по сравнению с 24,0 % (119) мужчин. Статистический анализ выявляет значимую разницу между полами ($p=0,022$), а отношение шансов показывает, что у женщин вероятность деперсонализации в 1,5 раза выше, чем у мужчин (ОШ=1,47; 95% ДИ: 1,05–2,03) (Рисунок 63).

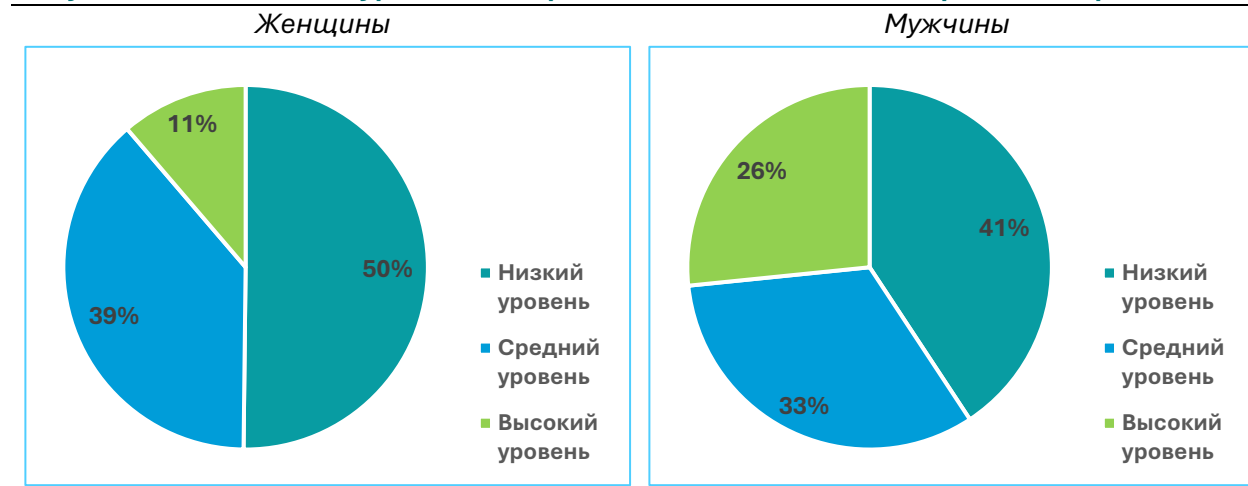
Снижение личной самореализации как компонент синдрома выгорания

Результаты исследования выявляют отчетливый профиль уязвимости среди персонала, с существенными различиями между полами в отношении снижения личной реализации как измерения синдрома выгорания ((Рисунок 64).

У женщин наблюдается более высокая распространенность снижения самореализации в диапазоне низкого уровня по сравнению с мужчинами: 50,2% (138) против 40,7% (202). Средний уровень также чаще встречается среди женщин — 38,5% (106), в отличие от 32,7% среди мужчин (162). Однако различия становятся особенно очевидными в категории высокого уровня, где доля женщин снижается до 11,3% (31), в то время как у мужчин она достигает 26,6% (132), что свидетельствует о том, что мужчины чаще демонстрируют высокий уровень снижения самореализации (Рисунок 64).

Кумулятивный анализ подтверждает эту интерпретацию: 49,8% (137) женщин находятся в категории снижения самореализации по сравнению с 59,3% (294) мужчин, что указывает на то, что мужчины с большей вероятностью находятся в зоне умеренной или высокой самореализации. Коэффициент шансов показывает, что у женщин шансы оказаться в категории снижения (неблагоприятной) примерно на 32% ниже, чем у мужчин (ОШ=0,682; 95% ДИ: 0,51–0,91, $p=0,011$). В этом контексте вырисовывается тот факт, что женщины демонстрируют более стабильное восприятие профессиональной реализации, в то время как мужчины испытывают более сильное чувство снижения уровня самореализации (Рисунок 64).

Рисунок 64. Снижение уровня самореализации - аспект синдрома выгорания

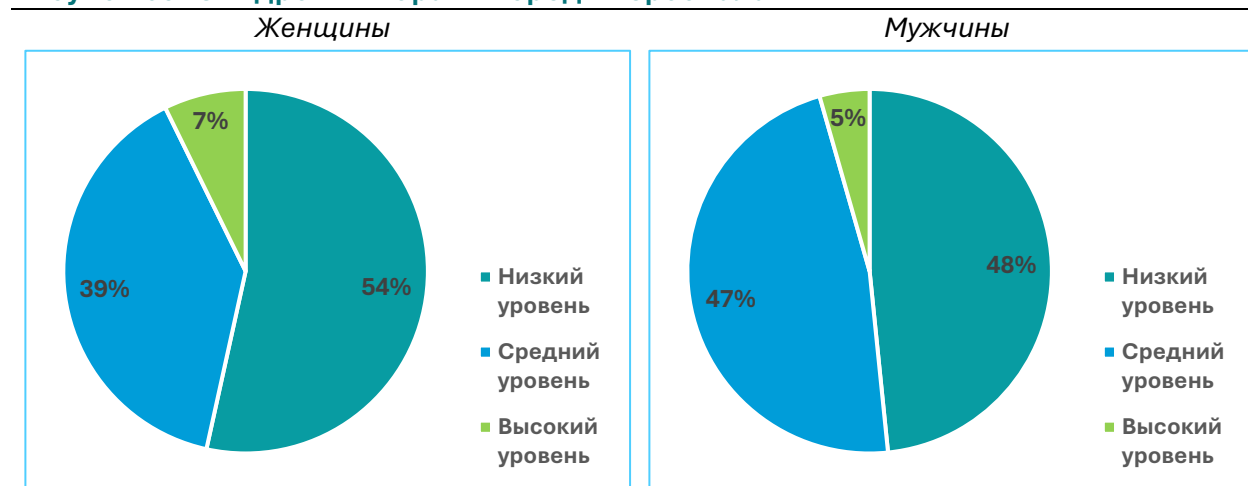

Синдром выгорания среди персонала

У женщин низкий уровень *выгорания* был отмечен в 53,5% случаев (147), по сравнению с 48,4% (240) среди мужчин. Зато средний уровень чаще встречается у мужчин, что составляет 234 случая (47,2%), по сравнению со 108 случаями среди женщин (39,3%). На высоком уровне — соответствующем тяжелой форме *выгорания* — женщины составляют относительно большую долю: 7,3% (20) по сравнению с 4,4% (22) среди мужчин (Рисунок 65).

Совокупная категория «Явный синдром выгорания» («средний уровень» плюс «высокий уровень») чуть чаще встречается у мужчин (51,6 %, 256) по сравнению с женщинами (46,5 %, 128), без статистически значимых различий ($p=0,178$). С точки зрения интерпретации, картина указывает на сопоставимую нагрузку между полами, с небольшим превышением случаев у мужчин, но с признаками относительно более выраженной тяжести у женщин (Рисунок 65).

Рисунок 65. Синдром выгорания среди персонала

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ МЕРЫ И ОЦЕНКА КУЛЬТУРЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

По мнению сотрудников, основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, работающие в пенитенциарной системе, в первую очередь включают **психологический стресс, эмоциональное давление и профессиональное выгорание** (120 упоминаний), что свидетельствует о профессиональной среде с высоким уровнем перегрузки (Рисунок 66).

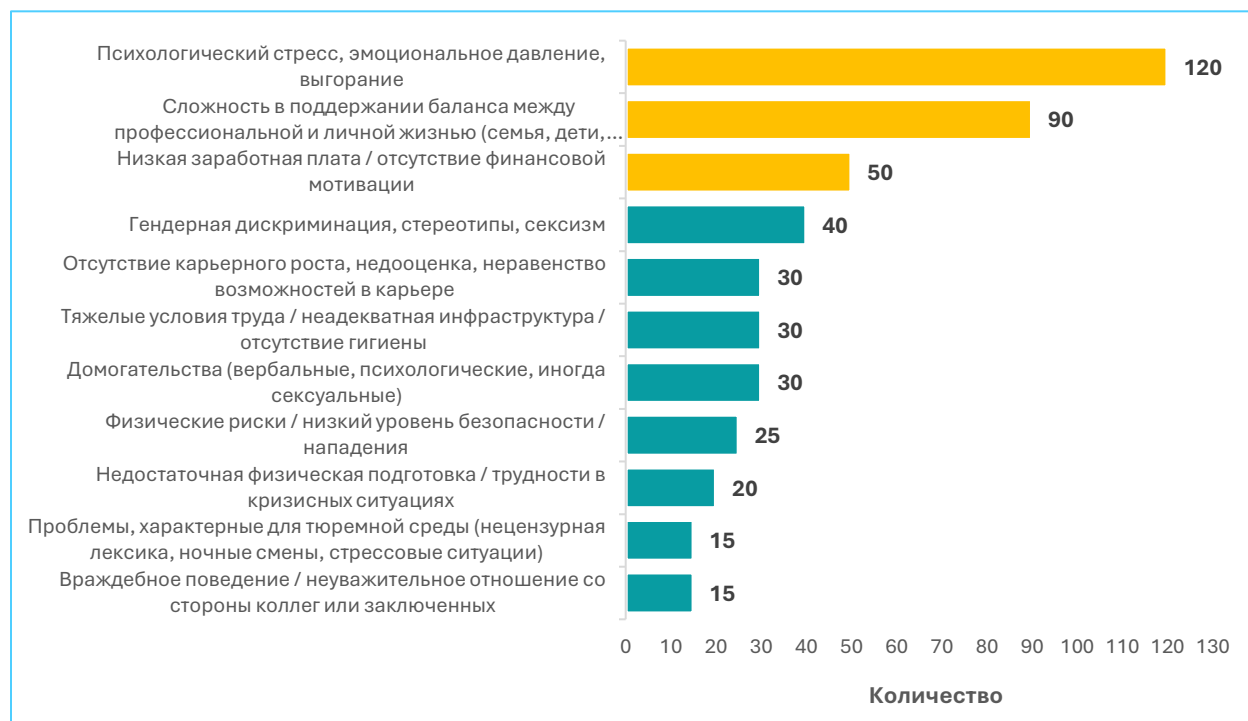
На втором месте находится **трудность в поддержании баланса между профессиональной и личной жизнью** (90 упоминаний), что указывает на постоянное давление на семейные и социальные роли, усугубляемое спецификой сменной работы и подверженностью критическим ситуациям (Рисунок 66).

Материальные и организационные проблемы, такие как низкая заработная плата (50 упоминаний), гендерная дискриминация (40 упоминаний) и неравенство возможностей при продвижении по службе (30 упоминаний), свидетельствуют о сохраняющихся структурных барьерах, которые негативно сказываются на мотивации, удержании персонала и профессиональном росте. В то же время такие аспекты, как ненадлежащие условия труда,

домогательства и физические риски (от 25 до 30 упоминаний), указывают на операционные уязвимости, которые усиливают стресс, влияя на безопасность и институциональный климат (Рисунок 66).

В целом результаты показывают, что в пенитенциарной системе психологическое давление, трудности с сохранением баланса между работой и личной жизнью, структурные недостатки и профессиональные риски накапливаются, оказывая значительное влияние на благополучие женщин-сотрудниц.

Рисунок 66. Каковы, по вашему мнению, три основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины, работающие в пенитенциарной системе?

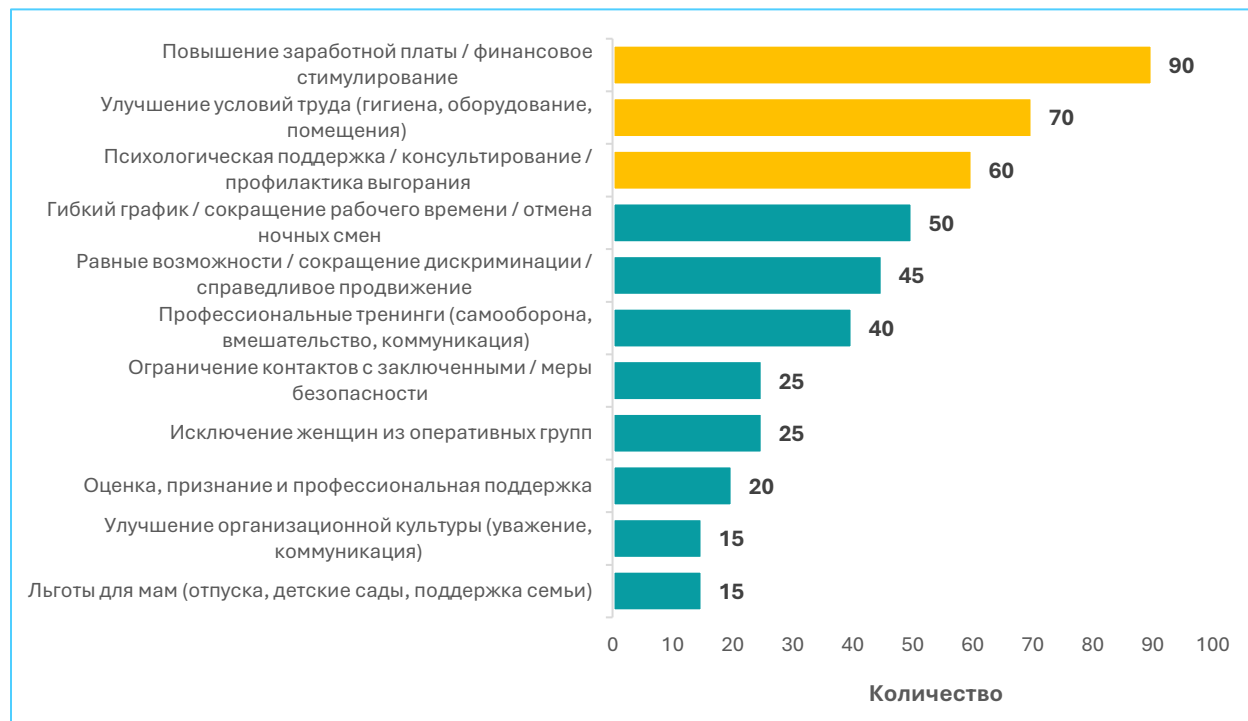

Персонал, работающий в пенитенциарной системе, выделяет три критических направления для улучшения своих условий труда: **финансовое стимулирование** (90 упоминаний), **улучшение материальных условий труда, включая гигиену, оборудование, помещения** (70 упоминаний) и **доступ к психологической поддержке и профилактике выгорания** (60 упоминаний) (Рисунок 67).

Сразу за ними следуют меры по организации труда, такие как гибкий график, сокращение рабочего времени и отмена ночных смен (50 упоминаний), а также равные возможности и справедливое продвижение по службе (45 упоминаний). Область профессионального развития (тренировки по самообороне, вмешательства, коммуникация) была подчеркнута (40 упоминаний), а оперативная безопасность (ограничение контактов с заключенными, меры безопасности) и архитектура ролей (исключение из оперативных групп) фигурируют как точечные корректировки (по 25 упоминаний). В конце списка находятся профессиональное признание (20 упоминаний) и меры по улучшению организационной культуры (уважение,

коммуникация) (15 упоминаний), а также льготы для матерей (выходные дни, детские сады, поддержка) (15 упоминаний) (Рисунок 67).

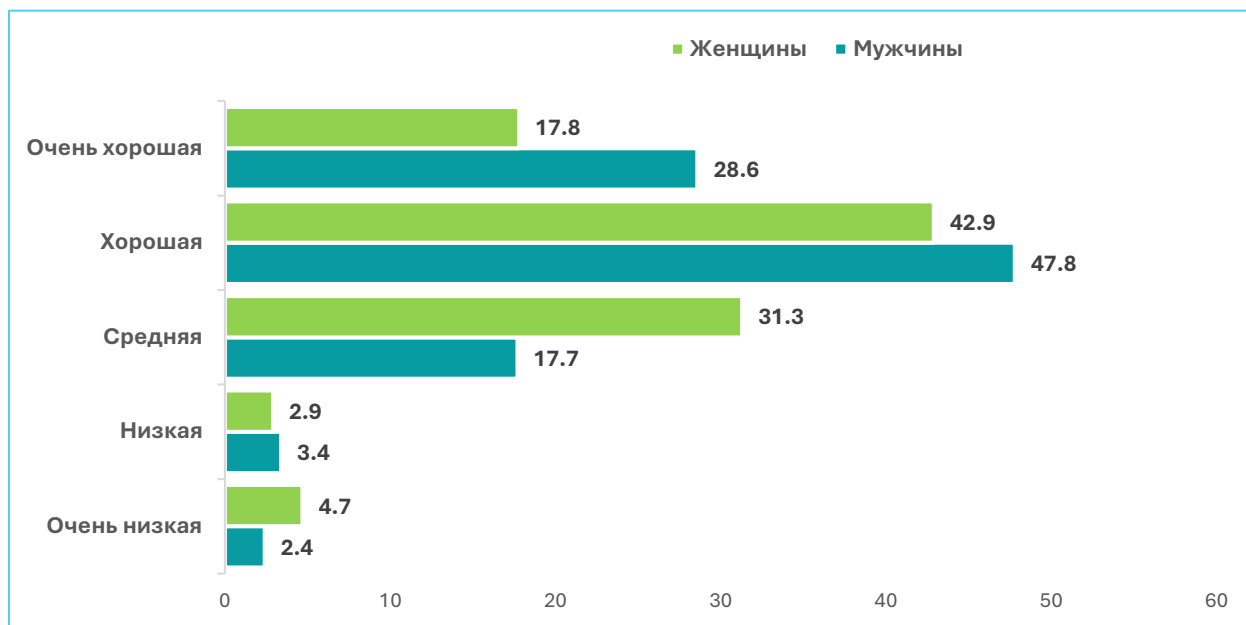
Рисунок 67. Какие конкретные меры вы бы предложили для улучшения положения женщин, работающих в пенитенциарной системе?

Восприятие организационной культуры в вопросах гендерного равенства более оптимистично среди мужчин, чем среди женщин. В 76% случаев (28,6% «очень хорошая» и 47,8% «хорошая») мужчины оценивают институциональную культуру как благоприятную для гендерного равенства, в то время как женщины разделяют эту оценку в 61% случаев (17,8% «очень хорошая» и 42,9% «хорошая»). Женщины чаще склонны оценивать организационную культуру как «среднюю» (31,3% против 17,7% среди мужчин) (Рисунок 68).

Расхождение во мнениях свидетельствует о наличии разрыва между официальной риторикой и повседневным опытом женщин в системе, где едва заметные барьеры, связанные с доступом к возможностям, профессиональной легитимностью или равным обращением, могут ощущаться особенно остро. В этом контексте вырисовывается организационная культура, воспринимаемая как «функциональная», но недостаточно упроченная, в которой мужчины видят больше прогресса, а женщины по-прежнему указывают на возможности для улучшения в плане реальной справедливости, согласованности практик и предсказуемости возможностей.

Рисунок 68. Как вы оцениваете текущую организационную культуру в вашем учреждении с точки зрения гендерного равенства? (%)

РЕАЛИИ НАХОЖДЕНИЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДЛЯ ЖЕНЩИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Качественное исследование было сосредоточено на трех фокус-группах: женщины-заклученные (15), персонал, работающий в системе пенитенциарного администрирования: женщины (12) и мужчины (15)

ИЗНУТРИ КАМЕР: ОПЫТ ЖЕНЩИН-ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Мнения и восприятие женщин-заклученных

Участницы фокус-группы описали повседневную жизнь в заключении как строгую, однообразную и лишённую разнообразия. Распорядок дня определяется очень ранним подъемом, обязательными переключками, приемами пищи и мероприятиями, проходящими в строгой последовательности. Многие женщины рассказывали, что дни «*бесконечно повторяются*» или «*сливаются друг с другом*», что усиливает ощущение застоя и снижает ощущение контроля над собственной жизнью. Монотонность в сочетании с отсутствием личного пространства способствует эмоциональному напряжению и может усугублять состояния тревоги или депрессии. В этом контексте мероприятия, нарушающие рутину, воспринимаются как очень ценные. Ежедневная работа (если она есть), участие в образовательных, развлекательных или творческих мастер-классах и короткие моменты индивидуального отдыха дают редкие возможности для автономии и уединения. Для многих женщин эти моменты являются единственными промежутками времени, когда они могут почувствовать хотя бы минимальный личный контроль.

Связь с семьей описывается как главный эмоциональный ресурс. Телефонные звонки, письма и посещения, даже если они редки, действуют как эмоциональные якоря, дающие надежду и смысл в период заключения. Для большинства участниц мысли о детях и близких становятся центральным механизмом психологической устойчивости и главным фактором, смягчающим воздействие изоляции. В то же время некоторые женщины подчеркнули важность взаимной поддержки между заключенными. Отношения солидарности, беседы и обмен опытом способствуют снижению психологического напряжения и уменьшают чувство одиночества, особенно в отсутствие постоянной поддержки извне.

Переход к жизни в заключении

Переход к тюремной среде был описан участницами как чрезвычайно сложный, особенно из-за потери свободы и разлуки с семьей. Среди первоначальных ощущений преобладают шок, страх и восприятие очень строгого режима. Некоторые из заключенных рассказали: *«Переход был очень трудным, казалось, что выдержать это невозможно»; «Все казалось ужасным: очень строгие правила, суровый режим, отсутствие свободы, а самое тяжелое — это разлука с семьей. Часто даже время не помогает справиться с жизнью в тюрьме».*

По прибытию многие женщины были удивлены жесткостью режима и высоким уровнем дисциплины, требуемым каждый день. Со временем становится ясно, что отношения с другими заключенными и с персоналом тюрьмы оказывают прямое влияние на эмоциональное состояние и на то, как им удается справляться с повседневными трудностями. Тоска по семье, отсутствие свободы, отсутствие интимности и строгая рутина воспринимаются как самые тяжелые аспекты жизни в заключении. Для матерей, находящихся в тюрьме вместе со своими детьми, одним из самых болезненных моментов является разлука с детьми, когда их переводят в другое место.

Доступ к медицинским услугам

Большинство женщин отметили, что нуждались в медицинских услугах в период содержания под стражей. Однако их опыт разнообразен: одни считают его относительно удовлетворительным, в то время как другие выразили недовольство их качеством и доступностью. Доступ к консультациям воспринимается как затруднительный из-за нехватки медицинского персонала и перегруженного графика, что приводит к длительному ожиданию и отсрочке оказания помощи.

Доступ к психологу в целом считается более легким, чем к психиатру. Тем не менее, участницы отметили, что их эмоциональные и психологические потребности не всегда полностью понимаются или удовлетворяются. Заключенные иногда ощущают отсутствие подхода, учитывающего перенесенную травму, хотя и отмечают желание специалистов помочь им.

Женщины подчеркнули, что хотели бы, чтобы медицинские и психиатрические услуги были более доступными и частыми, чтобы консультации проходили быстрее и были более предсказуемыми. Кроме того, они предложили обеспечить более постоянное присутствие медицинского персонала в блоках и более эмпатичный подход в кризисных ситуациях или при эмоциональном страдании.

Отношения с персоналом тюрьмы

Отношения с сотрудниками пенитенциарного учреждения воспринимаются по-разному: от отстраненных или холодных до корректных и сотруднических. Большинство женщин стараются поддерживать уважительные отношения, чтобы сделать жизнь в заключении более терпимой. Напряженность возникает, прежде всего, когда правила применяются очень строго или когда возникают недоразумения в общении. В целом участницы утверждают, что к ним относятся с уважением и достоинством, но бывают ситуации, когда они чувствуют, что к ним не прислушиваются, или считают, что к ним применяются необоснованные правила или наказания. Как отметила одна из участниц: *«В целом да, большинство сотрудников стараются относиться к нам с уважением и достоинством. Тем не менее, иногда возникают ситуации, когда мы чувствуем, что к нам прислушиваются недостаточно, или к нам применяются необоснованные правила/наказания, что может быть довольно неприятно. Важно соблюдать баланс между соблюдением правил и уважительным отношением к заключенным (за исключением агрессивных заключенных, которые намеренно создают хаос)».*

Участницы рассказали как о положительных опытах, когда персонал идет навстречу и оказывает поддержку, так и о негативных, которые порождают напряженность и конфликты. Как они подчеркнули: *«У нас были как положительные, так и отрицательные переживания: когда персонал отзывчив и оказывает поддержку, это делает нашу жизнь более сносной, а отрицательные переживания приводят к напряженным моментам, недоразумениям, конфликтам (затрудняют жизнь в тюрьме). Негативные моменты можно разрешить с помощью общения, открытого отношения и взаимного уважения (это во многом зависит и от них самих, а не только от персонала)».*

Восприятие обращения и справедливости

Что касается обращения с женщинами в пенитенциарной системе, участницы считают, что, хотя многие правила формально одинаковы для всех заключённых, на практике режим для женщин иногда воспринимается как более ограничивающий. Надзор кажется более строгим, свобода передвижения — более ограниченной, а возможности трудоустройства — более скудными и низкооплачиваемыми. Как заявили некоторые из участниц: *«Да, в некоторых аспектах разница ощущается: правила и надзор кажутся более строгими, свобода более ограниченной, предложений о работе меньше, а оплата ниже».*

Некоторые из женщин также рассказали о случаях дискриминации, например, в отношении доступа к работе, оплаты труда или того, что их мнения и просьбы принимаются во внимание в меньшей степени. Кроме того, они упомянули ситуации, в которых определенные комментарии персонала или особое отношение к другим заключенным воспринимались как несправедливые: *«Иногда я чувствовала дискриминацию, например, в отсутствии предложений о работе, оплате оказываемых услуг, меньшем учете мнений/просьб как заключенной; иногда комментарии сотрудников или то, как о них говорят, а также их преференциальное и незаслуженное отношение».*

Неудовлетворенные потребности и предложения по улучшению

Чтобы чувствовать себя в большей безопасности, участницы считают необходимым более частое присутствие персонала в определенных зонах и более внимательный мониторинг в моменты напряженности между заключенными. В частности, в ситуациях, когда присутствуют агрессивные лица, нехватка персонала и запоздалые вмешательства могут привести к эскалации конфликтов. Как объяснили участницы: *«Я считаю, что для того, чтобы я чувствовала себя в большей безопасности, необходимо более частое присутствие персонала в определенных зонах и более внимательное наблюдение, особенно в моменты напряженности между заключенными (имеются в виду агрессивные заключенные, которые провоцируют конфликты, хаос, драки); нехватка персонала или задержки в вмешательстве приводят к тому, что конфликтные ситуации выходят из-под контроля, и иногда наказанию подвергаются невинные люди. Мы неоднократно просили изолировать агрессивных заключенных, которые не соблюдают правила и режим».*

Женщины также подчеркнули необходимость расширения программ реабилитации, консультирования и эмоциональной поддержки, а также образовательных и развлекательных мероприятий, способствующих адаптации к условиям заключения и управлению стрессом. *«Было бы полезно иметь больше программ реабилитации, консультирования, эмоциональной поддержки, а также образовательных или развлекательных мероприятий, которые помогали бы легче адаптироваться, выдерживать условия в закрытой или полужакрытой среде, а также справляться со стрессом».*

Кроме того, участницы хотели бы, чтобы сотрудники пенитенциарного учреждения были более открытыми к общению, более эмпатичными и последовательными в применении правил. Они считают, что атмосфера, основанная на уважении, диалоге и признании достоинства каждого человека, способствовала бы созданию более безопасной среды и положительно повлияла бы на процесс реабилитации и социальной реинтеграции. Как они заявили: *«Было бы важно, чтобы сотрудники были более открытыми к общению и относились ко всем заключенным с уважением и достоинством, создавая более безопасную и сбалансированную среду».*

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ: ОПЫТ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Мнения и восприятие женщин-сотрудниц

Профессиональный опыт сотрудников пенитенциарной системы

Участницы описали рабочий день как интенсивный, динамичный и зачастую непредсказуемый, в котором административные задачи сочетаются с многочисленными прямыми взаимодействиями с лицами, лишенными свободы. Рабочий день, как правило, начинается со смены и проверки оперативной обстановки, после чего следует постоянное нахождение в отсеках или общих помещениях учреждения. В течение дня часто возникают непредвиденные ситуации, требующие быстрой реакции, самоконтроля и твердых решений, что делает рабочую среду сложной как физически, так и эмоционально. Как отметила одна из участниц: *«Обычный день — это очень насыщенный и непредсказуемый день, часто*

возникают чрезвычайные ситуации, требующие внимания, хладнокровия и быстрых решений».

Несмотря на эти вызовы, женщины-сотрудницы утверждают, что их работа оказывает реальное влияние на поддержание порядка и безопасности в пенитенциарном учреждении. Возможность предотвращать конфликты, снижать напряженность и оказывать поддержку в адаптации лиц, лишенных свободы, дает сильное чувство профессиональной значимости. *«Мы чувствуем, что наша роль имеет значение и что мы можем влиять на атмосферу в учреждении».* Одним из постоянно отмечаемых элементов является солидарность между коллегами, взаимная поддержка и сотрудничество в сложных ситуациях, которые имеют решающее значение для управления повседневным стрессом. Многие участницы рассказали о ситуациях, в которых им удалось урегулировать конфликты без применения принудительных мер, опираясь на коммуникацию и активное слушание. Кроме того, они упомянули моменты, когда они оказывали поддержку лицам, только что поступившим в место лишения свободы, особенно новоприбывшим матерям, помогая им адаптироваться к условиям учреждения.

Профессиональный путь и вызовы

Участницы описывают свой профессиональный путь как постепенный, основанный на опыте и адаптации к специфике тюремной среды. Вначале многие из них чувствовали необходимость доказать, что способны справиться с профессиональными требованиями в сфере, которая воспринимается как преимущественно мужская. Со временем, благодаря активному участию и обучению, они обрели уверенность в своих силах и завоевали уважение коллег. Среди мотивов выбора этой карьеры — стабильность работы, профессиональные льготы и возможность досрочного выхода на пенсию, а также желание способствовать поддержанию порядка и иногда процессу социальной реинтеграции заключенных. Участницы отмечают значительные трудности, такие как психологическое давление, большой объем работы и необходимость часто справляться с напряженными ситуациями.

Возможности развития и продвижения

Участницы считают, что на формальном уровне существуют программы профессионального обучения и четкие пути карьерного роста. Однако на практике доступ к обучению часто ограничен из-за плотного графика и нехватки персонала для покрытия смен. Как они отметили: *«Возможности для обучения и продвижения по службе существуют и, как правило, хорошо структурированы на бумаге, но реальность суровее... доступ к определенным курсам может быть ограничен из-за плотного графика или нехватки персонала».*

Хотя критерии продвижения по службе теоретически одинаковы для женщин и мужчин, участницы отмечают, что сохраняются некоторые гендерные стереотипы и трудности, связанные с балансом между профессиональными и семейными обязанностями. *«Да, мы сталкивались с некоторыми препятствиями, но они не связаны с недостатком компетенции... иногда они связаны со стереотипами или семейными обязанностями».* В то же время участницы с гордостью отмечают, что число женщин на руководящих должностях растет: *«Теоретически критерии одинаковы для всех... и все больше женщин занимают руководящие должности».*

Условия труда и баланс между работой и личной жизнью

Участницы считают, что рабочие помещения в целом функциональны, однако нехватка персонала и напряженный график повышают уровень стресса. *«Условия труда в целом приемлемы... но нехватка персонала и напряженный график затрудняют работу».*

Сохранение баланса между работой и личной жизнью — одна из самых сложных задач. Длительный рабочий день и непредвиденные ситуации сказываются на времени, которое можно провести с семьёй, особенно с детьми. *«Длительный рабочий день и непредвиденные ситуации в тюрьме могут повлиять на время, проводимое с семьей... однако благодаря хорошей организации и поддержке коллег нам удается частично справляться с обязанностями».* Участницы считают необходимыми программы психологической поддержки, профилактику профессионального выгорания и тренинги по управлению стрессовыми ситуациями. *«Было бы полезно иметь постоянную психологическую поддержку, программы по предотвращению стресса и тренинги по управлению напряженными ситуациями».*

Профессиональные отношения и психическое здоровье

Отношения с коллегами описываются в основном как коллегиальные и основанные на взаимной поддержке, особенно в сложных ситуациях. В отношениях с руководством в целом наблюдается профессиональное уважение, однако некоторые участницы отметили отсутствие эмпатии по отношению к профессиональному выгоранию. Многие женщины упомянули о психологическом воздействии работы в пенитенциарной системе. Постоянный стресс, многочисленные обязанности и постоянный контакт с напряженными ситуациями могут привести к тревоге и эмоциональному истощению. *«Да, были моменты, когда стресс и ежедневная нагрузка сказывались на психическом состоянии».* Для них профессиональное выгорание означает потерю энергии и мотивации, особенно в периоды нехватки персонала: *«Я переживала такие моменты, особенно в периоды нехватки персонала».*

Восприятие гендерного равенства

Участницы считают, что на формальном уровне система обеспечивает равные возможности, однако на практике сохраняются гендерные стереотипы. Иногда женщинам поручают задачи, считающиеся «более легкими», под предлогом защиты. *«Я была свидетелем ситуаций, когда к женщинам относились по-разному или на них возлагали более легкие обязанности «для защиты».* Сотрудницы считают необходимым укрепление политики равных возможностей, прозрачных механизмов оценки и продвижения по службе, а также более четкую поддержку женщин, занимающих руководящие должности.

Мнения и восприятие мужчин-сотрудников

Мужчины-сотрудники описывают рабочий день как структурированный, но интенсивный и непредсказуемый, сочетающий в себе надзор за заключенными, проверки и оперативные вмешательства. Профессиональное удовлетворение приносит поддержание порядка и эффективное управление критическими ситуациями без применения насилия. Нехватка

персонала воспринимается как одна из главных проблем, поскольку она усиливает перегрузку и профессиональное давление.

Что касается сотрудничества с женщинами, участники утверждают, что оно основано на уважении и профессионализме: *«В тюрьме важны компетентность, дисциплина и то, как ты выполняешь свою работу, а не то, мужчина ты или женщина»*. Мужчины отмечают различия в стиле, а не в компетентности: *«Женщины более внимательны к деталям, более эмпатичны и легче предотвращают конфликты, а мы более прямы в своих действиях»*.

Мужчины считают, что присутствие женщин в командах способствует более сбалансированной атмосфере и более эффективной коммуникации, в том числе с заключенными: *«Подавляющее большинство считает, что присутствие женщин в команде положительно влияет на рабочую атмосферу»*.

Хотя законодательство предоставляет одинаковые возможности для продвижения по службе обоим полам, участники признают, что сохраняются некоторые стереотипы, такие как представление о том, что женщины менее подходят для определенных оперативных действий. Тем не менее, их опыт показывает, что многие коллеги успешно справляются с профессиональными требованиями: *«Еще существуют некоторые стереотипы... но многие коллеги доказали, что могут очень хорошо справляться с трудными ситуациями»*.

В этом контексте участники считают, что смешанные команды способствуют более эффективному управлению пенитенциарной деятельностью и формированию более профессиональной организационной атмосферы. Для улучшения рабочей среды они рекомендуют увеличить численность персонала, проводить тренинги по коммуникации и управлению конфликтами, а также внедрить четкую политику по предотвращению дискриминации и поощрению взаимного уважения в рамках учреждения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой первое всеобъемлющее исследование, проведенное в Республике Молдова, в котором одновременно анализируются опыт женщин, находящихся в заключении, и женщин, работающих в пенитенциарной системе, с учетом как гендерных, так и психосоциальных и институциональных аспектов. В условиях недостатка официальных данных, низкой видимости проблем, характерных для женщин, и сохраняющегося структурного неравенства, отмеченного в том числе в национальных программных документах, данное исследование предлагает важную эмпирическую перспективу в отношении уязвимостей, ресурсов и реальных потребностей в пенитенциарной среде.

Результаты, представленные в главах отчета, показывают, что восприятие справедливости, доступ к услугам, безопасность, уважение и межличностные отношения оказывают значительное влияние на благополучие и психическое здоровье, превосходя по важности строго материальный уровень физических условий содержания под стражей или труда. В этом контексте комплексный анализ данных подчеркивает не только сложность переживаний женщин, но и необходимость институциональных преобразований, которые приведут практику, ресурсы и механизмы защиты в соответствие с международными стандартами в области прав человека и гендерного равенства.

Женщины, находящиеся в заключении

Профиль женщин-заключенных (молодые взрослые с средним уровнем образования, почти половина из которых являются матерями несовершеннолетних детей) свидетельствует о том, что лишение свободы наступает в разгар их продуктивной и родительской жизни, усугубляя эмоциональные и социальные издержки разлуки и прерывания выполнения семейных и профессиональных ролей; этот факт освещается в профильной литературе, которая подчеркивает высокую долю психических расстройств в пенитенциарных учреждениях и специфические уязвимости женщин, часто «незаметные» в политике здравоохранения, с негативными последствиями для благополучия и реинтеграции после освобождения [12].

Кроме того, тот факт, что значительная часть участниц являются матерями, а их дети в основном остаются на попечении семьи или в приемных семьях, подтверждает гипотезу о том, что **материнская идентичность и связь между матерью и ребенком испытывают серьезное напряжение** из-за расстояния и условий ухода, что в литературе описывается как основные источники стресса, чувства вины и повышенного риска депрессивно-тревожной симптоматики у матерей, наряду с рисками для эмоционального и школьного развития детей, особенно когда воздействие заключения родителя происходит в раннем возрасте [13].

Тот факт, что заключенные женщины **сосредоточены в основном в одном учреждении, предназначенном для женщин**, в сочетании с различной продолжительностью заключения (более 5 лет для одной пятой) и значительной нехваткой посещений, объясняет, почему поддержание семейных связей остается неустойчивым: почти 4 из 10 женщин не получают посещений, а наблюдаемые барьеры (расстояние, затраты и ограниченный доступ к средствам связи) усугубляют социальную изоляцию. Стандарты ООН предусматривают

размещение «как можно ближе к месту жительства», признание обязанностей по уходу и содействие контактам (телефон, посещения, переписка) в качестве гендерно-чувствительных мер; непоследовательное применение этих принципов, особенно в системах с небольшим количеством отделений для женщин, приводит к повышенным эмоциональным затратам и трудностям с реинтеграцией после освобождения [14].

Что касается **условий содержания**, результаты исследования показывают в целом благоприятную картину жилых помещений (84 % «приемлемые–очень хорошие»), однако есть уязвимая группа (16 %), которая проживает в условиях, оцениваемых как несоответствующие; проблемы с **личной гигиеной** возникают чаще (каждая четвертая женщина дала отрицательную оценку) и требуют целенаправленных мер (доступ к душу, средствам гигиены, уборке); такая поляризация подтверждается также независимыми оценками и мониторингом ЕКПП/СпПТ, которые выявляют как сохраняющиеся недостатки и различия между учреждениями, так и отдельные улучшения [15–17].

Разногласия в **оценках сопоставимости с мужчинами** (условия проживания, гигиена, питание) свидетельствуют о том, что гендерное равенство не ощущается одинаково на уровне текущей практики, что отражено, в том числе, в документах Совета Европы о гендерном равенстве в пенитенциарной системе и указывает на то, что женщины-заключенные имеют специфические потребности в области здоровья и гигиены [18].

Тот факт, что питание в основном оценивается как удовлетворительное, согласуется с недавним заключением ЕКПП об улучшении **качества питания в пенитенциарных учреждениях**, однако разброс оценок и доля (17 %), оценивающая его как «плохое или очень плохое», указывают на внутрисистемные различия, требующие корректировки посредством стандартизации и мониторинга [16,17].

Воспринимаемая полезность **образовательных и рекреационных мероприятий** высока, однако значительная часть женщин, лишенных свободы, считает возможности трудоустройства несправедливыми по сравнению с мужчинами, что соответствует выводам международных исследований, которые подчеркивают зачастую произвольный и дискриминационный характер распределения труда [19], а также асимметрию доступа, противоречащую стандартам ООН в отношении программ и труда, адаптированных к потребностям женщин, и требующую корректировки предложений о трудоустройстве и критериев распределения труда [16].

На национальном уровне в документах НАП отмечаются **инвестиции и реформы в сфере инфраструктуры и услуг** (в том числе модернизация пенитенциарного учреждения №7 «Руска» и текущие работы в других учреждениях), но независимые отчеты (ЕКПП, СпПТ) показывают, что влияние этих мер пока не является равномерным в плане материальных условий и повседневной безопасности, что указывает на критический аспект для качества жизни, уважения достоинства и снижения психосоциального риска. Следовательно, комплексная интерпретация результатов исследования поддерживает четыре конкретных направления для приведения в соответствие со стандартами и снижения ощущаемого неравенства: (1) гендерно-ориентированная гигиена (средства гигиены, интимная сфера, горячая вода и предсказуемое расписание душевых), в соответствии с Бангкокскими

правилами; (2) стандартизация и аудит качества в сфере размещения, гигиены и питания с использованием показателей, разбитых по полу и учреждениям; (3) расширение профессиональных мероприятий и прозрачные критерии доступа к работе для обеспечения равных возможностей; (4) внешний мониторинг и институциональная обратная связь (ЕКПП/СпПТ) для ускорения устранения «разрывов» между нормативными актами и практикой [14,17,20,21].

Постоянное подвергание унижению и неуважительному обращению, включая восприятие дискриминации по гендерному признаку, не является единичным явлением, а носит повторяющийся характер для значительной части заключенных, что свидетельствует о том, что **институциональная среда по-прежнему допускает унижительные взаимодействия и дифференцированное обращение**, что противоречит обязательствам по соблюдению достоинства в местах лишения свободы и стандартам ООН в отношении обращения с лицами, лишенными свободы [12,14], а также структурным недостаткам и неформальным практикам, которые могут способствовать запугиванию, неформальным иерархиям среди заключенных и «нестабильной» среде с точки зрения психосоциальной безопасности [16,17,22].

Чувство (не)безопасности, выявленное в исследовании, с ядром женщин, которые часто испытывают страх, плюс восприятие протекционизма, является прямым детерминантом риска стресса, тревоги и депрессии. Следовательно, снижение подверженности к насилию и унижению — это не только вопрос прав, но и клинической профилактики. Международная литература, посвящённая матерям, находящимся в заключении, документирует кумулятивное воздействие стигмы, разлуки и условий содержания на материнскую идентичность и психическое здоровье, что может усиливать реактивность на унижительные взаимодействия и эмоциональную уязвимость [23,24].

Структура источников риска, описанная женщинами-заключенными в отношении **поведения других лиц, находящихся в заключении**, как фактора опасности, и оскорбительных высказываний как доминирующей формы насилия, указывает на проблему управления безопасностью (классификация, изоляция, наблюдение, оперативное реагирование), в соответствии с рекомендациями ЕКПП/СпПТ относительно контроля неформальных иерархий и эффективных механизмов подачи жалоб; в их отсутствие количество несообщенных случаев увеличивается, а защита становится нестабильной [17].

Высокая распространенность **случаев насилия** (физического и сексуального) до заключения свидетельствует о том, что многие женщины попадают в систему с уже имеющимися травмами, а последующее подвергание унижениям и насилию в местах лишения свободы оказывает повторно травмирующее воздействие; этот факт согласуется с международными обзорами, которые выявляют истории насилия и кумулятивное неравенство среди женщин-заключенных и требуют вмешательств, основанных на понимании травмы, на уровне политики и практики [21,22,25,26].

Результаты исследования показывают **хрупкий баланс между приемлемыми и напряженными отношениями между женщинами и сотрудниками пенитенциарных учреждений**: хотя большинство описывают взаимодействия как «приемлемые, но дистанцированные», почти 4 из 10 не могут исключить наличие дифференцированного

обращения по гендерному признаку, а более 8 из 10 сталкивались, по крайней мере, эпизодически, с взаимодействиями, воспринимаемыми как неуважительные — профиль, указывающий на непоследовательность поведения и низкую предсказуемость в повседневном контакте с персоналом. Данная модель объясняет и умеренный, но колеблющийся уровень доверия к персоналу (особенно «иногда да, иногда нет»), что в контексте гигиены труда имеет важное значение: психическое здоровье является наиболее важной потребностью в области здравоохранения, а качество взаимодействий и ощущение безопасности являются определяющими факторами риска сильного стресса и суицида – таким образом непоследовательные взаимоотношения усиливают психосоциальные риски [23,24].

В соответствии с международными стандартами, правила ООН в отношении женщин-заключенных требуют от государств обеспечения гендерно-чувствительного подхода в обучении персонала, уважительного общения, конфиденциальных механизмов подачи жалоб и защиты от репрессий, именно для предотвращения унижительного обращения и поддержания доверия к учреждению [12].

В контексте Республики Молдова ЕКПП в своих недавних отчетах отметил, что неформальные иерархии среди заключенных и недостатки в управлении безопасностью (распределение, нехватка персонала, неэффективные механизмы подачи жалоб) подрывают институциональный климат и повышают уязвимость женщин перед запугиванием и насилием — что требует активного присутствия персонала, предсказуемые процедуры реагирования и управленческий контроль рисков [17]. Параллельно с этим НАП отмечает инвестиции и реформы в инфраструктуре и услугах, но эффект на уровне повседневных взаимодействий и доверия достигается только в том случае, если структурные изменения сопровождаются культурными изменениями (эмоциональные навыки, навыки деэскалации и профессиональной коммуникации) [20].

Что касается **медицинских услуг**, предоставляемых в пенитенциарных учреждениях, результаты показывают наличие воспринимаемого, но неравномерного доступа к медицинской помощи: значительная часть женщин отмечает постоянную доступность консультаций, в то время как немалая часть сообщает об использовании только эпизодическом или редком, включая неудовлетворенные медицинские потребности [27].

Выявленные **структурные барьеры** (нехватка лекарств/оборудования, дефицит персонала, время ожидания) указывают на ограничения возможностей, которые влияют на качество и предсказуемость доступа [16].

Конфиденциальность консультаций остается критическим моментом для доверия и доступа, а международные стандарты прямо требуют наличия помещений и процедур, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, а также четкого информирования заключенных об их правах и доступных медицинских услугах [28].

В сфере **репродуктивного здоровья** доступ к гинекологическим консультациям варьирует, с зонами «доступа только в экстренных случаях» и «очень затрудненного доступа», а недостаточная информированность об услугах, правах и нестабильная доступность продуктов (хотя в большинстве случаев сообщается, что они предоставляются) создают картину

неравномерного охвата — аспекты, в отношении которых Бангкокские правила требуют бесплатного и достаточного снабжения средствами гигиены во время менструации, обеспечения уединения и направления к специалистам [12]. Доступ к средствам **контрацепции** остается минимальным — эта тенденция соответствует европейским отчетам о пробелах в профилактическом пакете услуг в пенитенциарных учреждениях и призывам ВОЗ к гармонизации профилактических услуг (в том числе через доступ к репродуктивному консультированию и методам контрацепции после оценки потребностей) [27].

Эмоциональный профиль женщин, находящихся в заключении, свидетельствует о тяжелом психологическом бремени, характеризующемся одновременно высоким уровнем депрессивных, тревожных и стрессовых симптомов. В эмоциональном плане интенсивная самокритика, чувство вины, переживание и мысли о бесполезности, наряду с нарушениями сна (повторные пробуждения, кошмары), указывают на совокупный риск развития депрессии, тревоги и дневной дисфункции — механизм, постоянно выявляемый в международной литературе по психическому здоровью в условиях лишения свободы [9,29].

Применение шкалы DASS-21 подтверждает эту картину: **тяжелая и очень тяжелая депрессия встречается часто, а тревожность и стресс характеризуются высокими показателями.** Общим элементом для всех трех измерений является не личностный профиль: такие переменные, как возраст, уровень образования, семейное положение, наличие детей, история судимостей или продолжительность наказания, не объясняют вариации симптомов, а ситуационные детерминанты — тюремная среда (непредсказуемый распорядок дня, межличностные напряжения, перенаселенность и ограниченный доступ к ресурсам), которая играет важную роль в формировании эмоциональной нагрузки [30].

Еще одним сходным механизмом является **восприятие несправедливости.** Женщины, считающие, что их условия проживания, гигиена или возможности трудоустройства хуже, чем у мужчин, демонстрируют более высокие уровни депрессии, тревоги и стресса, что указывает на то, что воспринимаемая институциональная справедливость выступает в качестве центрального психологического детерминанта [31]. Роль этого восприятия очевидна и при оценке мероприятий: когда образовательные программы воспринимаются как «мало или совсем не полезные», вероятность стресса существенно возрастает.

Во всех трех измерениях DASS-21 **частое подверженное негативным эмоциональным ситуациям** (за последние 12 месяцев) является самым сильным фактором с явной зависимостью «доза–реакция»: чем выше частота негативных переживаний, тем выше вероятность клинических результатов; эта связь подчеркивает важность институционального климата, такого как: субъективное чувство безопасности, уважительные взаимодействия, предотвращение запугивания и эффективные механизмы подачи жалоб в качестве важнейшего клинического рычага для снижения эмоциональной нагрузки [30].

Некоторые результаты требуют контекстуальной интерпретации. Прием посетителей, хотя и поддерживает эмоциональные связи, ассоциируется с повышенной тревожностью, что клинически правдоподобно: посещения реактивируют боль разлуки, заботу о детях и неуверенность в реинтеграции, особенно среди матерей [32]. Отдельно **материнство выступает в качестве чувствительного эмоционального детерминанта:** матери, чьи дети

находятся на прямом/семейном попечении, подвержены более высокому риску депрессии, что предполагает механизм «усиленной заботы», подпитываемый чувством вины, размышлениями и постоянной озабоченностью благополучием ребенка — результат, согласующийся с обзорами по материнству в условиях лишения свободы [23].

Констатация более низкого риска депрессии и тревожности среди женщин, осужденных за преступления, связанные с наркотиками (ОШ<1), должна рассматриваться с осторожностью, поскольку она может объясняться различиями в психосоциальных профилях, разным доступом к вмешательствам, лечению зависимости или специфическим механизмам адаптации — явлением, о котором сообщается и в международных исследованиях [33].

Не в последнюю очередь, **связь между физическим насилием в тюрьмах и стрессом**, пусть даже незначительная, подтверждает важность психологической безопасности. Отчеты ЕКПП и СпПТ описывают сохраняющиеся неформальные иерархии, запугивание и нехватку персонала, что поддерживает атмосферу тревоги и требует принятия решительных мер по классификации, активному надзору и предсказуемому реагированию на жалобы [16,17].

Исследование дает **целостную картину трудностей**, с которыми сталкиваются женщины в заключении, находясь на пересечении структурных недостатков, институциональных противоречий и эмоциональной уязвимости [34]. Наиболее часто упоминаемые проблемы касаются базовых материальных условий, таких как: качество воды, недостаточная гигиена, переполненность помещений, холод и ограниченный доступ к туалету — проблемы, которые отражают сохраняющиеся системные ограничения и напрямую влияют на здоровье и повседневный комфорт.

Восприятие персонала в отношении женщин-заключенных показывает неоднозначную картину, в которой **формальное обращение считается преимущественно равным**, однако повседневные практики и отношения находятся под влиянием **скрытых гендерных и ролевых различий** [35]. Хотя почти половина сотрудников заявляет о равном обращении, значительная часть, особенно среди сотрудниц, воспринимает дифференцированное «позитивное» обращение, интерпретируемое как повышенная чувствительность к уязвимостям женщин. Триангуляция с мнениями женщин-заключенных подтверждает эту амбивалентность: большинство описывают отношения с персоналом как приемлемые или корректные, без прямой дискриминации, но отмечают различия в отношении и некоторую эмоциональную дистанцию, особенно со стороны мужского персонала. Тот факт, что часть заключенных воспринимает повышенную эмпатию со стороны сотрудниц и большую авторитетность со стороны мужчин, указывает на различия в профессиональном стиле, а не обязательно в формальном обращении.

При оценке трудностей женщин, находящихся в заключении, персонал особо подчеркивает **межличностные и родительские аспекты** (разлука с семьей, отсутствие поддержки и уязвимость перед стигматизацией) — аспекты, которые сами женщины относят к числу центральных проблем [32]. Замечания сотрудниц относительно эмоциональной уязвимости, повышенной реактивности и постоянной заботы о детях напрямую соответствуют сообщениям женщин, находящихся в заключении, которые описывают высокий уровень стресса, депрессии и тревоги, усугубляемый семейными заботами.

В то же время персонал выделяет **проблемы, связанные с безопасностью и поведением**, такие как непредсказуемость, трудности с адаптацией и нежелание просить о помощи — проявления, которые, если рассматривать их в контексте данных, предоставленных заключенными, представляются как проявления эмоциональной нагрузки, а не как гендерные черты [29].

Как женский, так и мужской персонал пенитенциарных учреждений сходятся во мнении, что улучшение положения женщин в местах лишения свободы требует **комплексных мер**: программ для уязвимых лиц, психологической поддержки, надлежащих материальных условий, обучения гендерно-чувствительным подходам и адаптированных программ реинтеграции. Рекомендации пересекаются с приоритетами, определенными женщинами-заключенными, такими как: улучшение условий жизни, доступ к медицинским услугам, эмоциональная поддержка и связь с семьей, и отражают институциональный консенсус относительно необходимых направлений реформы [36].

Восприятие персонала не противоречит, а дополняет и объясняет опыт женщин, находящихся в заключении: персонал демонстрирует сочетание формального уважения, переменной практической чуткости и осознания специфических уязвимостей женщин в системе, где эмоциональные, семейные и связанные с безопасностью потребности остаются недостаточно удовлетворенными.

В этом контексте опыт содержания под стражей для женщин по-прежнему сильно отмечен эмоциональной, социальной и институциональной уязвимостью, что подчеркивает необходимость последовательных и гендерно-чувствительных мер, направленных на снижение рисков, укрепление безопасности и эффективную защиту их достоинства, здоровья и реинтеграции.

Персонал пенитенциарной системы

Данные о восприятии сотрудников указывают на наличие институционального ядра, в котором справедливость в целом признается, особенно в таких формальных сферах, как оценка эффективности и доступ к профессиональному обучению, где как женщины, так и мужчины отмечают высокий уровень справедливости. В отличие от формальной структуры, анализ выявляет **сохраняющиеся области гендерной асимметрии**, которые более четко воспринимаются женщинами: продвижение на руководящие должности, доступ к оперативной деятельности, участие в принятии решений и профессиональное признание [35].

Различия в восприятии являются значительными: женщины в два раза чаще, чем мужчины, отмечают преимущества мужчин в ключевых областях карьерного роста и влияния на принятие решений, в то время как мужчины склонны воспринимать систему как более справедливую и выражают меньшую потребность в реформе. Это несоответствие указывает на наличие разрыва между повседневным опытом женщин и восприятием мужчин, который, возможно, усугубляется профессиональной сегрегацией (женщины в специализированных ролях, мужчины в оперативных должностях) и разным доступом к ресурсам и признанию.

Восприятие **организационной атмосферы** усугубляет эту разницу: мужчины в основном описывают сотрудничающую и стабильную среду, в то время как женщины чаще отмечают

напряженность, стресс, перегрузку и трудности в общении, указывая на менее предсказуемый и более напряженный для них профессиональный климат. Кроме того, различаются воспринимаемые институциональные ценности: женщины делают акцент на этике, ответственности и соблюдении правил, в то время как мужчины отдают предпочтение результативности, лояльности и эффективности, что может влиять на то, как формируются и вознаграждаются карьерные траектории [37].

Анализ представлений о **профессиональном продвижении** рисует институциональную картину, в которой формальные критерии продвижения сосуществуют с неформальными факторами, по-разному воспринимаемыми женщинами и мужчинами. В то время как мужчины описывают преимущественно модель продвижения по заслугам, ориентированную на результаты и стаж, женщины чаще подчеркивают зависимость продвижения от связей, поддержки со стороны руководства и структурных факторов — что свидетельствует о профессиональном опыте, отмеченном воспринимаемыми барьерами и неравной видимостью. Международные исследования подтверждают, что, хотя во многих организациях существуют формальные процессы, воспринимаемые как справедливые, продвижение по службе и доступ к руководящим должностям остаются сферами с гендерными различиями [38,39].

Различия становятся еще более очевидными в **восприятии ограничений доступа к руководящим должностям**: женщины более чем в три раза чаще упоминают влияние гендерного фактора, непрозрачные процессы и личные предпочтения руководства, в то время как мужчины объясняют трудности в основном индивидуальными факторами, такими как инициативность или готовность брать на себя ответственность. В данном контексте это расхождение указывает на разрыв между реальным опытом профессионального роста женщин и преимущественно структурным восприятием мужчинами механизмов продвижения по службе [40].

Анализ фактического продвижения по службе за последние годы подтверждает этот контраст: мужчины чаще заявляют, что получили повышение, в то время как женщины чаще сообщают, что не подавали заявки, что реальных возможностей не было или что они подавали заявки безрезультатно, что указывает на сочетание самоограничения, подпитываемого атмосферой, а также на неравный доступ к неформальным сетям.

Рекомендации относительно «идеального совета» для женщины, стремящейся к продвижению, показывают ту же разницу в акцентах: мужчины продвигают идею, ориентированную на результативность и стойкость, в то время как женщины настаивают на управлении эмоциональными затратами, профессиональной поддержке, наставничестве и развитии лидерских навыков, что указывает на осознание дополнительного давления, которое влечет за собой профессиональный рост в пенитенциарной среде.

Что касается вида поддержки, необходимой для продвижения по службе, женщины отдают приоритет психологической безопасности, открытому диалогу с начальством, поддержке со стороны коллег и ясности процедур, в то время как мужчины делают акцент на наставничестве, сплоченности и обучении. Схожесть этих двух точек зрения подтверждает тот факт, что реальный профессиональный рост требует как формального доступа к

возможностям развития, так и безопасной, предсказуемой и недвусмысленной организационной среды.

Исследование выявляет значительное несоответствие между восприятием мужчин и опытом женщин, что свидетельствует о профессиональной среде, в которой **явления домогательств, микроагрессий и дискриминации** гораздо более заметны для женщин, чем для мужчин. В то время как мужчины описывают рабочую среду в основном как сбалансированную и свободную от злоупотреблений, женщины в два-восемь раз чаще указывают на случаи вербального и психологического домогательства, изоляции, злоупотребления властью и враждебного поведения. В международной литературе приводятся исследования, посвященные микроагрессиям в профессиональной среде, которые показывают, что женщины постоянно сталкиваются с гендерными микроагрессиями, которые оказывают негативное влияние на их эмоциональное состояние, работоспособность и профессиональную удовлетворенность [41,42].

В сфере **институциональных процедур** данные показывают значительный разрыв в уровне осведомленности и доверия: мужчины чаще считают, что существуют четкие механизмы подачи жалоб, в то время как женщины описывают процедурную среду как «неясную», недостаточно освещенную или воспринимаемую как применяемую по-разному. Доверие к реакции учреждений также сильно разделилось — мужчины в два раза более оптимистичны, в то время как женщины указывают на зависимость мер от того, «кто вовлечен», сигнализируя о риске формирования избирательной организационной культуры.

Прямое столкновение с насилием подтверждает эти расходящиеся восприятия: женщины чаще сообщают обо всех формах насильственного поведения, от словесных и психологических домогательств до изоляции, злоупотребления властью или унижительных замечаний. Кроме того, женщины в большей степени подвержены агрессии со стороны коллег, начальства и заключенных, что указывает на систему множественных рисков, в которой их уязвимость усугубляется их профессиональным положением и существующими культурными нормами.

Случаи **сексуальных домогательств и вымогательства сексуальных услуг** относительно редки, но значимы с точки зрения институционального воздействия, поскольку происходят в строго иерархическом контексте, где соотношение сил явно выражено. Высокий уровень отсутствия ответов среди женщин указывает и в данном случае на возможность занижения данных из-за страха, недоверия или внутреннего давления.

Эмоциональная нагрузка (депрессия–тревога–стресс) отражает профиль риска, различающийся в зависимости от пола, который является результатом сложного взаимодействия между профессиональными ролями, типом пенитенциарного учреждения и продолжительностью пребывания в нем [43]. Несмотря на то, что большинство сотрудников работают в неклинической сфере, у женщин постоянно наблюдаются более высокие уровни эмоциональной нагрузки, со значительно более высокой распространенностью и вдвое или даже втрое более высоким риском развития **депрессии** (18,6% против 9,8%; ОШ=2,10), **тревожности** (22,5% против 8,6%; ОШ=3,10) или **стресса** (10% против 3,3%, ОШ=3,26). Эта асимметрия указывает на более высокую чувствительность к давлению тюремной среды,

особенно там, где преобладают операционная нагрузка и эмоционально насыщенные обязанности.

В то время как у мужчин эмоциональные риски возникают преимущественно в определенных сегментах, например в начале карьеры, среди молодых людей в возрасте 18–25 лет, у женщин уязвимость носит более рассеянный характер и сохраняется во всех возрастных группах. Распределение по стажу работы показывает выраженный кумулятивный эффект среди женщин: депрессия усиливается после 5 лет, тревожность — после 10 лет, а стресс постепенно усиливается после 5–10 лет работы — такая динамика может свидетельствовать о постепенном истощении эмоциональных ресурсов, в то время как у мужчин показатели остаются относительно стабильными, без тенденции к росту со временем.

Сравнение типов профессиональных ролей дает структурное объяснение этим различиям. Женщины в большей степени работают в специализированных должностях с высокой эмоциональной нагрузкой (психологи, социальные работники, педагоги, медицинский персонал), где преобладают прямое взаимодействие, управление кризисными ситуациями и многоплановые обязанности.

Оперативные функции, связанные с работой в условиях места лишения свободы, в частности работа надзирателя, повышают риск развития депрессии, тревоги и стресса у женщин в гораздо большей степени, чем у мужчин. В мужских тюрьмах и следственных изоляторах уровни тревоги и стресса достигают максимальных значений, что указывает на то, что специфическая оперативная динамика мужской среды заключения оказывает значительно большее психологическое давление на сотрудниц. У мужчин различия в зависимости от занимаемой должности менее выражены, за исключением сотрудников центрального аппарата НАП, где наблюдается точечная уязвимость, связанная со стратегическими обязанностями.

Если сравнивать, то **депрессия**, по-видимому, отражает прежде всего трудности адаптации и влияние накопления профессионального давления, **тревожность** зависит от характера и интенсивности взаимодействия с заключенными, а **стресс** отражает давление сложных и требовательных ролей. Среди женщин эти три измерения пересекаются и усиливают друг друга, формируя гораздо более уязвимый эмоциональный профиль в учреждениях с высоким операционным риском. Среди мужчин они присутствуют преимущественно изолированно, без явных синергий и усугубления со временем.

Профессиональное выгорание (Burnout) в пенитенциарной системе выявляет явные гендерные различия, которые указывают на разные механизмы эмоциональной уязвимости у женщин и мужчин[44].

Эмоциональное истощение, наиболее дестабилизирующий аспект *синдрома выгорания*, значительно выше среди женщин: они почти в два раза чаще находятся на среднем и высоком уровнях истощения, а вероятность оказаться в зоне риска у них на 65% выше, чем у мужчин.

В плане **деперсонализации** различия сохраняются: женщины чаще демонстрируют умеренные и высокие уровни, что отражает форму эмоционального дистанцирования, возникающего как защитный механизм в среде с высокими требованиями. В свою очередь,

мужчины в основном находятся в зоне низкой деперсонализации, что свидетельствует о том, что они в меньшей степени ощущают давление межличностных отношений в повседневных взаимодействиях.

Однако измерение **снижения личной реализации** обращает эту тенденцию: мужчины чаще сообщают об умеренных или высоких уровнях снижения профессиональной удовлетворенности, что указывает на более частое восприятие снижения эффективности и собственной ценности в роли. Женщины, хотя и испытывают эмоциональные переживания в других измерениях, чаще сохраняют чувство личной реализации, что может отражать более сильную внутреннюю мотивацию или иную оценку профессионального вклада.

В целом, уровень **выраженности синдрома выгорания** («средний» и «высокий») у мужчин и женщин относительно схож, однако у женщин чаще встречаются более тяжелые формы, а у мужчин — более высокая доля случаев в умеренной категории. Данная структура предполагает, что в то время, как у мужчин признаки профессионального выгорания накапливаются постепенно, у женщин более выраженные формы синдрома развиваются быстрее на фоне сочетания интенсивной эмоциональной вовлеченности, сложных обязанностей и постоянного организационного давления.

Конвергентный анализ **восприятия персоналом** структурных, эмоциональных и профессиональных **проблем**, с которыми сталкиваются женщины в пенитенциарной системе, обрисовывает сложную институциональную картину, в которой индивидуальная уязвимость и организационный дефицит взаимно усиливают друг друга. Наиболее часто упоминаемые трудности, такие как психологический стресс, эмоциональное давление и проявления синдрома выгорания, указывают на то, что профессиональная среда остается высокоэмоциональной и подверженной постоянным нагрузкам, особенно для женщин, чья подверженность задачам с высокой эмоциональной нагрузкой и напряженным взаимодействиям структурно более выражена. В то же время **трудность поддержания баланса между профессиональной и личной жизнью** отражает глубоко интрузивный характер сменной работы и оперативных обязанностей, усиливая постоянное давление на семейные и социальные роли.

На структурном уровне недовольство **зарботной платой, условиями труда, неравенством возможностей при продвижении по службе и сохраняющейся гендерной дискриминацией** свидетельствует о наличии институциональных барьеров, которые ограничивают профессиональную мобильность и напрямую влияют на мотивацию и удержание женского персонала. Операционные факторы уязвимости (домогательства, физические риски, нехватка оборудования и подходящих помещений) добавляют дополнительный уровень неуверенности и усиливают ощущение непредсказуемости и недостаточной защищенности рабочей среды.

Рекомендации, сформулированные персоналом, свидетельствуют о стремлении к комплексным решениям, сочетающим материальный аспект (финансовые стимулы, улучшение инфраструктуры), психологический аспект (доступ к специализированной психологической поддержке, профилактика синдрома выгорания), организационный аспект (гибкий график, сокращение ночных смен, прозрачность в продвижении по службе) и

профессиональный аспект (специализированное обучение, самозащита, коммуникация, вмешательство). Сочетание мер свидетельствует о зрелом понимании того, что проблемы нельзя решать изолированно, а требуются системные меры, направленные на снижение эмоционального давления, устранение структурных дисбалансов и восстановление доверия к институциональным механизмам.

Однако оценка **культуры гендерного равенства** показывает разрыв между оптимистичным восприятием мужчин и более сдержанными оценками женщин. В то время как большинство мужчин считают, что система функционирует хорошо в плане справедливости, женщины указывают на наличие стойких препятствий: отсутствие предсказуемости в возможностях, тонкие различия в обращении, трудности с профессиональным признанием. Это расхождение свидетельствует о том, что, несмотря на официальные заявления, гендерное равенство воспринимается по-разному в зависимости от профессионального положения и пережитого опыта, что указывает на необходимость мер, направленных на укрепление не только политики, но и повседневной практики.

Выводы подчеркивают необходимость укрепления действительно справедливой организационной культуры, в которой опыт женщин будет точно отражен в институциональной политике и практике, а формальные и неформальные механизмы будут функционировать согласованно и предсказуемо для всех сотрудников.

ВЫВОДЫ

ЖЕНЩИНЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Многомерная уязвимость

Женщины, находящиеся в местах лишения свободы, демонстрируют сложный профиль уязвимости, обусловленный наслоением предыдущих травм, семейных обязанностей и нестабильного социально-экономического контекста. Почти половина из них подвергалась физическому или сексуальному насилию до заключения, а 48% являются матерями несовершеннолетних детей — что усиливает эмоциональный стресс и последствия разлуки. Очень высокие уровни депрессии, тревоги и стресса отражают накопление этих факторов уязвимости и трудности адаптации к тюремной среде.

Структурные барьеры в поддержании семейных связей и осуществлении основных прав

Поддержание семейных связей серьезно затруднено: 39% женщин не получают посещения, в основном из-за расстояния и затрат (вследствие централизации в пенитенциарном учреждении № 7 — Руска), удаленном от мест их проживания. Доступ к средствам связи не компенсирует эту проблему в достаточной мере: хотя телефон является наиболее используемым каналом связи, 32,5% заключенных сообщают об ограниченном доступе (инфраструктура и график), что затрудняет поддержание регулярного диалога с семьей, особенно для матерей, которые составляют почти половину женского населения заключенных. В совокупности эти ограничения ослабляют сеть поддержки, увеличивают эмоциональную нагрузку и снижают реальные шансы на реинтеграцию после освобождения.

Неравенство в условиях заключения и доступе к основным услугам, которое непропорционально сказывается на женщинах

Условия содержания под стражей для женщин по-прежнему характеризуются значительными неравенствами, особенно в отношении личной гигиены, доступа к медицинским услугам, а также возможностей трудоустройства и обучения. Хотя часть заключенных считает условия приемлемыми, значительная часть живет в ненадлежащих условиях, что отражается в негативных оценках гигиены и условий проживания. Ограничения на посещение душа, отсутствие средств гигиены и недостаточное пространство для ухода непосредственно влияют на физическое и репродуктивное здоровье.

Доступ к медицинским услугам остается нестабильным, что характеризуется нехваткой лекарств, дефицитом персонала и длительным временем ожидания. Частичное покрытие услуг в области репродуктивного здоровья и отсутствие конфиденциальности усугубляют нежелание женщин обращаться за помощью.

Очевидные различия наблюдаются и в сфере труда и профессионального обучения, где возможности ограничены и зачастую носят традиционный характер, с ограниченными преимуществами для последующей реинтеграции.

Нарушения достоинства и недостаточная институциональная защита

Женщины, находящиеся в местах лишения свободы, часто сталкиваются с ситуациями, которые ущемляют их достоинство и чувство безопасности. Большинство инцидентов связано с конфликтами между заключенными, однако фиксируются и единичные случаи физического насилия со стороны персонала, что свидетельствует о пробелах в надзоре и институциональном контроле. Число сообщений об этих ситуациях невелико из-за страха репрессий и отсутствия доверия, а во многих случаях за жалобами не следуют никакие меры, что усиливает ощущение безнаказанности и структурной уязвимости.

Физическое и репродуктивное здоровье с оговорками и непропорциональным воздействием на женщин

Доступ женщин, находящихся в местах лишения свободы, к медицинским услугам по-прежнему остается неравномерным, в том числе в сфере сексуального и репродуктивного здоровья: нехватка лекарств и персонала, а также длительное время ожидания негативно сказываются на непрерывности оказания медицинской помощи. Хотя женщины отмечают, что могут обращаться за консультациями, часть из них сталкивается с практическими препятствиями, в том числе с отсутствием конфиденциальности, что снижает приемлемость этих деликатных услуг. Гинекологические услуги частично покрываются, а конкретные потребности не всегда удовлетворяются, что создает дополнительную уязвимость для группы, и без того подверженной физическим и сексуальным травмам до заключения.

Тяжелая эмоциональная нагрузка и высокая распространенность проблем с психическим здоровьем

Женщины, находящиеся в заключении, испытывают чрезвычайно высокую эмоциональную нагрузку с тревожными показателями депрессии, тревоги и стресса. Согласно оценке по шкале DASS-21, 71% заключенных женщин страдают от умеренной до очень тяжелой депрессии, 68% — от умеренной до очень тяжелой тревоги, а 62 % испытывают значительный стресс. Эти результаты значительно превышают показатели распространенности среди общего населения и подтверждают совокупное воздействие травм, изоляции, разлуки с семьей и условий содержания в учреждении.

Хотя часть женщин получает психологическую поддержку, доступ к ней нерегулярный и недостаточный, а эмоциональные потребности значительно превышают нынешние возможности реагирования.

Психическое здоровье женщин, находящихся в местах лишения свободы, представляет собой серьезную проблему общественного здравоохранения, требующую специализированных, непрерывных и ориентированных на травму мер.

Нестабильные отношения с тюремным персоналом и неодинаковое восприятие справедливости и уважения

Отношения женщин-заключенных с персоналом пенитенциарных учреждений в целом функциональны, но характеризуются постоянной дистанцией и неравномерным восприятием справедливости. Взаимодействия оцениваются как «приемлемые», а различия в стиле работы сотрудников (одни более эмпатичны, другие более авторитарны) создают нестабильную атмосферу. В отсутствие единообразного применения правил и предсказуемой

коммуникации доверие заключенных к персоналу остается хрупким, а восприятие справедливости не всегда обеспечено.

Ограниченные возможности для личного и профессионального развития, влияющие на реинтеграцию

Возможности для обучения и работы, доступные для женщин-заключенных, ограничены и недостаточно адаптированы к реальным потребностям. Хотя большинство считает образовательные мероприятия полезными, их предложение ограничено, носит эпизодический характер и не охватывает все категории заключенных. В профессиональном плане женщины сталкиваются с ограниченными и низкооплачиваемыми вариантами, преимущественно в традиционных сферах, что снижает переносимость навыков и шансы на интеграцию на рынке труда после освобождения.

Сложные потребности в социальной реинтеграции и высокий риск рецидива в отсутствие структурированной поддержки

Женщины-заключенные ожидают значительных трудностей после освобождения, что отражает сочетание экономической, социальной и эмоциональной уязвимости. Наиболее часто упоминаемые потребности касаются предотвращения рецидива, поиска стабильной работы и доступа к базовым ресурсам, таким как питание и жилье, что указывает на повышенный риск нестабильности сразу после освобождения.

Воссоединение с семьей также представляет собой серьезную проблему; многим женщинам требуется поддержка для восстановления отношений с семьей или получения опеки над детьми, что является ключевым фактором для устойчивой реинтеграции.

ПЕРСОНАЛ, РАБОТАЮЩИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Расхождения в восприятии справедливости и организационного климата среди женщин и мужчин

Результаты показывают наличие систематического и постоянного разрыва между тем, как женщины и мужчины, работающие в пенитенциарной системе, воспринимают профессиональную среду, возможности, уважение и отношение на рабочем месте. Женщины чаще отмечают несправедливость, трудности, связанные с признанием заслуг, продвижением по службе, распределением задач, а также более высокую подверженность враждебному поведению или ситуациям, принижающим профессиональные заслуги. Значительная часть мужчин, напротив, указывает, что не замечает этих различий, что свидетельствует об отсутствии видимости явлений дискриминации и гендерных барьеров с их точки зрения. Это несоответствие свидетельствует о наличии неоднородной организационной культуры, в которой реальный опыт женщин не находит отражения в общем восприятии коллег-мужчин, что сказывается как на возможности распознавания проблем, так и на усилиях по институциональному вмешательству.

Депрессия, тревога и психологический стресс, непропорционально влияющие на женщин

Данные свидетельствуют о наличии депрессии, тревоги и психологического стресса среди персонала пенитенциарной системы, что непропорционально сказывается на женщинах. По

оценкам, показатели депрессии, тревоги и стресса у женщин в 2–3 раза выше, чем у мужчин; эти различия свидетельствуют о том, что женщины подвержены дополнительному давлению, включая более сложные эмоциональные нагрузки, комплексные обязанности и институциональную среду, воспринимаемую как недостаточно защищающую.

Профессиональное выгорание и широкое влияние синдрома выгорания на персонал

Синдром *выгорания* наблюдается почти у половины сотрудников, что свидетельствует о постоянной эмоциональной и рабочей нагрузке, характерной для пенитенциарной среды. Высокий уровень эмоционального истощения, деперсонализации и низкое чувство профессиональной реализации влияют как на качество работы, так и на общее благополучие.

Повышенная подверженность ненадлежащему поведению и недостаточные механизмы подачи жалоб

Данные указывают на то, что некоторые формы вербального и психологического преследования или ненадлежащего поведения по-прежнему присутствуют в рабочей среде пенитенциарных учреждений, затрагивая в особенности женщин. Значительные различия между опытом, о котором сообщают женщины, и тем, что наблюдают мужчины, позволяют предположить, что определенные формы поведения остаются незамеченными или интерпретируются по-разному.

Структурные барьеры в доступе к продвижению по службе и профессиональному развитию

Считается, что на доступ к продвижению по службе влияют не только результативность и стаж работы, но и такие субъективные факторы, как отношения с начальством, профессиональная заметность и прозрачность институциональных процессов. Женщины чаще упоминают о трудностях в продвижении по службе и указывают на пол как на возможное препятствие, в то время как мужчины склонны воспринимать среду продвижения по службе как справедливую. Разница в восприятии указывает на наличие системных препятствий, которые затрагивают в первую очередь сотрудниц, и подчеркивает необходимость повышения ясности процедур, критериев отбора и реальных возможностей профессионального развития.

Недостаточно укрепленный организационный климат и институциональная культура

Результаты показывают, что, хотя сотрудники воспринимают рабочую атмосферу как стабильную и основанную на сотрудничестве, существуют заметные различия между опытом женщин и мужчин в отношении коммуникации, уважения и коллегиальной поддержки. Женщины чаще отмечают трудности, связанные с напряженностью, перегрузкой, нехваткой персонала и проблемами с поддержанием баланса между профессиональной и личной жизнью.

Недостаточные механизмы профессиональной и эмоциональной поддержки сотрудников

Результаты показывают, что сотрудники, особенно женщины, ощущают потребность в более структурированной поддержке для выполнения своей работы в условиях безопасности, предсказуемости и психологического равновесия. Женщины указывают на необходимость более четких инструментов для преодоления профессиональных трудностей, доступа к консультированию, обновленным руководствам и процедурам, а также расширенных

возможностей для обучения и развития компетенций. Расхождения между тем, что требуют женщины, и тем, что мужчины считают необходимым, свидетельствуют о разном уровне понимания реальных потребностей. В совокупности эти аспекты подчеркивают важность укрепления программ наставничества, обучения, психологической поддержки и институционального диалога для обеспечения более согласованной рабочей среды, ориентированной на благополучие организационного климата.

РЕКОМЕНДАЦИИ

ЖЕНЩИНЫ, ЛИШЕННЫЕ СВОБОДЫ

Внедрение комплексной системы поддержки для женщин, находящихся в местах лишения свободы, включающей:

- a. комплексную оценку при поступлении в течение первых 72 часов (скрининг психического здоровья, травм, родительского статуса, медицинских и физиологических потребностей, суицидального риска, зависимостей и т. д.);
- b. индивидуальные планы вмешательства, основанные на профиле уязвимости;
- c. институциональный подход, основанный на учете травматического опыта, путем обучения всего персонала методам предотвращения повторной травматизации;
- d. комплексные услуги «one-stop-shop» с доступом к психологической, юридической и социальной поддержке;
- e. приоритетная программа для матерей с несовершеннолетними детьми, включая родительское консультирование и поддержку лиц, осуществляющих уход за детьми.

Улучшение и диверсификация контактов с семьей и сообществом посредством:

- a. содействия посещениям (субсидирование транспорта для семей с низким доходом, снижение сборов и обустройство удобных помещений, в том числе для детей);
- b. расширения дистанционной связи (больше телефонов, дополнительное время для разговоров, введение бесплатных ежемесячных видеозвонков и т. д.);
- c. психологическую подготовку к посещениям (консультирование до и после посещения, группы поддержки среди равных);
- d. альтернативы для женщин, не получающих посещений (общественное волонтерство, партнерство с НПО и религиозными организациями, восстановление семейных связей, группы поддержки);
- e. поддержание связи с сообществом посредством доступа к информации и мероприятий с участием внешних гостей, а также содействие участию, в том числе виртуальному, в важных семейных событиях.

Укрепление системы психического здоровья в пенитенциарной системе посредством:

- a. увеличения кадровых ресурсов (дополнительные психологи, психиатр, посещающий учреждение еженедельно, консультанты равный-равному, подготовленные из числа заключенных-женщин);
- b. всеобщего и периодического скрининга психического здоровья (при поступлении, периодически — ежеквартально, перед освобождением и после травмирующих событий);
- c. развитие профилактических мер посредством психо-образовательных программ, еженедельных тематических групп, групповой терапии, релаксационных мероприятий и ежедневных программ физической активности;
- d. обеспечение адекватного лечения в тяжелых случаях с быстрым доступом к психиатру, фармакотерапии, интенсивной индивидуальной терапии, кризисному центру и строгому протоколу суицидной профилактики;

- e. обеспечение непрерывности ухода после освобождения путем подключения к общинным службам, предоставления медикаментов на срок не менее одного месяца, телефонного мониторинга и быстрого доступа к консультированию в кризисных ситуациях.

Сокращение случаев жестокого обращения в местах лишения свободы посредством:

- a. политики нулевой терпимости к насилию, применяемой последовательно и сопровождаемой строгими наказаниями;
- b. безопасную и конфиденциальную систему подачи жалоб с защитой личности, немедленное отделение жертвы от агрессора и расследование в четкие сроки;
- c. оперативное реагирование после инцидента, включая медицинскую оценку, психологическую поддержку и доступ к юридической помощи;
- d. программы по предотвращению конфликтов (ненасильственное общение, раннее посредничество, коллективная ответственность, поощрение подразделений, в которых не происходило инцидентов);
- e. выявление и защита уязвимых лиц посредством скрининга при поступлении, обеспечения безопасного проживания и усиленного мониторинга;
- f. повышение ответственности персонала посредством обязательного обучения, санкций за бездействие и независимых механизмов расследования серьезных случаев.

Укрепление механизмов защиты и отчетности посредством:

- a. укрепление независимости систем подачи жалоб с привлечением омбудсмена, гражданского общества и доступа к бесплатной и независимой юридической помощи;
- b. стандартизированные процедур посредством четкого руководства с указанием сроков, этапов и прав, доступного для всех женщин-заключенных;
- c. обеспечение эффективной защиты от репрессий посредством строгой конфиденциальности, отделения жертвы от агрессора, последующего мониторинга и наказания за любые проявления запугивания;
- d. повышение доверия к системе посредством регулярного информирования, сообщения о результатах расследований, постоянного диалога между администрацией и заключенными и наглядного внедрения изменений, вызванных обратной связью.

Сокращение гендерного неравенства посредством:

- a. проведения всестороннего гендерного аудита с выявлением неравенств и публикацией результатов;
- b. интеграции гендерной перспективы во все политики и мониторинга с помощью специальных показателей;
- c. диверсификации возможностей трудоустройства и профессионального обучения, устранения профессиональной сегрегации и обеспечения равной оплаты за равный труд;
- d. равный доступ к ресурсам и привилегиям на основе прозрачных и конкурентных критериев;
- e. обязательное обучение персонала по вопросам гендерной чувствительности и понимания специфических потребностей женщин;
- f. увеличение доли женщин среди персонала посредством активного набора, установления минимальных целевых показателей представительства и реализации программ наставничества для продвижения женщин на руководящие должности.

Укрепление услуг в области сексуального и репродуктивного здоровья посредством:

- a. регулярного доступа к специализированному медицинскому персоналу, включая гинеколога, с периодическими визитами и возможностью телемедицины;
- b. предоставление полного спектра гинекологических услуг, таких как ежегодный скрининг шейки матки, лечение инфекций, различные методы контрацепции, скрининг молочной железы и консультирование по вопросам менопаузы;
- c. бесплатного и достаточного обеспечения средствами женской гигиены, адаптированными к индивидуальным потребностям;
- d. программы просвещения в области репродуктивного здоровья посредством семинаров, доступных материалов, консультирования и инициатив по оказанию поддержки на равных;
- e. специальный протокол по беременности и материнству, включающий акушерскую оценку, дородовое наблюдение, адекватное питание, освобождение от тяжелого труда, роды в гражданском роддоме и послеродовую поддержку;
- f. соблюдение конфиденциальности и комфорта посредством предоставления частных помещений, возможности консультироваться с медицинским персоналом женского пола и четкой защиты медицинских данных.

Укрепление позитивного отношения и обращения со стороны персонала пенитенциариев посредством:

- a. предоставления четкой информации при поступлении с помощью доступного руководства по правам и услугам;
- b. проведения ориентационных сессий в течение первых 48 часов, дополняемых ежемесячными тематическими встречами;
- c. внедрение визуальной системы информирования в общественных местах и цифровые возможности там, где это возможно;
- d. внедрение программ обучения на равных и наставничества, включая консультативную группу для диалога с администрацией;
- e. расширенный доступ к внешней информации (обновляемая библиотека, контролируемый доступ в Интернет, регулярные юридические консультации);
- f. регулярные механизмы обратной связи, такие как анонимные опросы, фокус-группы, ящики для предложений и прозрачная отчетность о принятых мерах.

Укрепление переходного периода после освобождения и снижение риска рецидива посредством:

- a. программы реинтеграции, начинающейся с первого дня заключения, ориентированной на полезные навыки после освобождения и поддержание связей с сообществом;
- b. индивидуальный план освобождения, разработанный за 6 месяцев до освобождения из заключения, охватывающий вопросы жилья, доходов, продолжения лечения, семейных отношений и структурирующих мероприятий;
- c. переходные центры для временного проживания и комплексных услуг, включая дома; менеджеров по вопросам жизни после освобождения, поддерживающих регулярный контакт;

- d. наставничество и поддержка на равных, а также партнерство с работодателями и программы по восстановлению опеки над детьми;
- e. меры по снижению стигматизации посредством сертификатов реабилитации, восстановления прав и общественных информационных кампаний.

Повышение качества и актуальности услуг посредством:

- a. надежная система мониторинга и оценки с четкими показателями объема работ, результатов и воздействия, а также ежеквартальными публичными отчетами;
- b. оценка с участием заинтересованных сторон посредством опросов, фокус-групп и совместного проектирования с участием женщин-заключенных;
- c. непрерывный цикл обратной связи, пилотное тестирование мер и масштабирование эффективных программ;
- d. повышение качества психологических услуг посредством клинического наблюдения, непрерывного обучения и измерения результатов до и после;
- e. продвижение прикладных исследований посредством партнерств, продольных исследований по реинтеграции и публикации результатов для приведения в соответствие с международными стандартами.

Укрепление системы психологической поддержки посредством:

- a. всеобщего и периодического скрининга психического здоровья, начиная с момента поступления, для раннего выявления депрессии, тревоги и стресса;
- b. профилактических и проактивных программ, доступных для всех женщин, включая психообразование, группы поддержки и адаптационные мероприятия;
- c. расширения доступа к психологической поддержке для тяжелых случаев путем увеличения ресурсов и числа специализированного персонала;
- d. индивидуальные планы вмешательства и мониторинга с регулярным наблюдением для предотвращения обострения симптомов;
- e. обучение персонала раннему распознаванию признаков стресса и профилактическим вмешательствам, с тем чтобы система работала преимущественно проактивно, а не только реактивно.

Снижение уровня насилия среди заключенных посредством:

- a. четких политик и процедур по предотвращению, с нулевой терпимостью к физическому и вербальному насилию и последовательно применяемыми санкциями;
- b. надежной системы мониторинга и отчетности об инцидентах, с конфиденциальными каналами связи и оперативным вмешательством для защиты жертв;
- c. обучения персонала и заключенных навыкам управления конфликтами, ненасильственной коммуникации и раннего посредничества;
- d. создание безопасных пространств и организованных мероприятий, включая программы «равный равному» для поддержки уязвимых лиц и предотвращения домогательств;
- e. периодические оценки рисков и восприятия безопасности для постоянной корректировки мер защиты и улучшения общего климата безопасности.

Укрепление отношений между матерью и ребенком и снижение связанного с этим стресса посредством:

- a. программ, направленных на поддержание связи с детьми, включая адаптированные посещения, дружественные пространства и поддержку для родителей и опекунов;
- b. родительского консультирования и подготовки к воссоединению посредством терапии «мать–ребенок», семейной медиации и вмешательств до и после освобождения;
- c. материальную и логистическую поддержку для восстановления опеки и реинтеграции в семью, включая доступ к жилью и детскому инвентарю;
- d. включение этих мер в индивидуальные планы действий, чтобы превратить семейные обязанности в положительную мотивацию для перемен и социальной реинтеграции.

Содействие законодательной реформе с целью сокращения необоснованного содержания под стражей и защиты женщин, находящихся в заключении, посредством:

- a. пересмотра приговоров и расширения альтернатив заключению, с использованием последнего только в качестве крайней меры, особенно в отношении матерей с маленькими детьми;
- b. содействия помилованию и сокращению срока наказания для женщин с хорошим поведением, участвующих в программах и имеющих неотложные семейные обязанности, включая специальные меры для матерей с детьми в возрасте до 3 лет;
- c. инвестиции в альтернативы содержанию под стражей на уровне сообщества, такие как программы лечения, центры поддержки и приюты, оцениваемые с точки зрения затрат и результатов по сравнению с содержанием под стражей;
- d. полное приведение в соответствие с международными стандартами путем внедрения Бангкокских правил, рекомендаций ЕКПП и обязательств в отношении защиты и реинтеграции женщин-заключенных.

Устойчивое укрепление финансирования и ресурсов посредством:

- a. увеличения бюджета пенитенциарной системы с приоритетом безопасности, прав человека и прозрачности в использовании средств;
- b. выделение средств, предназначенных для женщин, посредством отдельных бюджетных статей на конкретные услуги (гинекология, гигиена, материнство), пропорциональных числу и потребностям заключенных и защищенных от перераспределения;
- c. государственно-частные партнерства с ОГО и частным сектором, обеспеченные контрактами и показателями эффективности;
- d. привлечение международного финансирования (ЕС, ПРООН, другие организации) для пилотных проектов, которые можно масштабировать на национальном уровне;
- e. анализ эффективности затрат для сравнения содержания под стражей с альтернативными мерами и перераспределения ресурсов в пользу профилактических программ и программ реинтеграции.

ПЕРСОНАЛ, В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Срочные меры (0–6 месяцев)

1. Создание или совершенствование системы подачи жалоб и защиты от домогательств с четкими, конфиденциальными и доступными для всех процедурами;

2. Обеспечение доступа к услугам конфиденциального психологического консультирования и поддержки для предотвращения синдрома выгорания, в том числе путем передачи этих услуг внешним поставщикам;
3. Введение обязательных тренингов на всех уровнях по вопросам гендерного равенства, предотвращения домогательств и уважительного общения;
4. Пересмотр процессов продвижения по службе и оценки для обеспечения прозрачности, справедливости и соответствия принципам гендерного равенства.

Меры среднесрочной перспективы (6–18 месяцев)

1. Внедрение программы наставничества и развития карьеры для женщин, которая обеспечит руководство, профессиональную видимость и доступ к реальным возможностям продвижения;
2. Конкретные меры по улучшению баланса между профессиональной и личной жизнью, включая гибкий график работы, снижение нагрузки, связанной с рабочими сменами, и поддержку сотрудников, имеющих семейные обязанности;
3. Улучшение материальных условий труда путем модернизации инфраструктуры, помещений и оборудования, необходимых для обеспечения безопасной и функциональной среды;
4. Пересмотр и корректировка схем вознаграждения и стимулирования с целью повышения привлекательности должностей, профессиональной мотивации и удержания персонала.

Меры долгосрочной перспективы (19–36 месяцев)

1. Принятие комплексной институциональной политики в области гендерного равенства, интегрированной во все управленческие и операционные процессы;
2. Преобразование организационной культуры путем поощрения уважения, прозрачности, ответственности и здоровой коммуникации на всех уровнях;
3. Развитие институционального потенциала для гендерно-чувствительного подхода посредством непрерывного обучения, адаптированных процедур и интеграции принципов равенства во все решения;
4. Создание и расширение специализированных программ для женщин-заключенных, отражающих точку зрения персонала и снижающих операционную нагрузку на сотрудников;
5. Внедрение системы постоянного мониторинга с показателями эффективности, посвященными гендерному равенству, периодическими отчетами и четкими механизмами подотчетности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. DeShay RA. Образовательные и профессиональные программы в женских тюрьмах: история, гендерные различия и многообещающий прогресс. В: Женщины и тюрьмы. Springer International Publishing; 2020. с. 131–53.
2. Schmitz CL, Gabel SG. Женщины, права человека и гендерное равенство. J Hum Rights Soc Work [Интернет]. 1 декабря 2023 г. [цитировано 5 августа 2025 г.]; 8(4):359–60. Доступно по адресу: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41134-023-00288-7>
3. Поттер Дж. Должны ли женщины-охранники работать в тюрьмах для мужчин? Correct Mag [Интернет]. 1980;6(5). Доступно по адресу: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/should-women-guards-work-prisons-men>
4. Постановление Правительства 152/2023 [Интернет]. Доступно по адресу: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136728&lang=ro
5. ANP. Статистические отчеты — Статистические данные | ANP — Национальная администрация пенитенциарных учреждений [Интернет]. Доступно по адресу: <https://anp.gov.md/index.php/raport-statistic-date-statistic>
6. Национальная администрация пенитенциарных учреждений [Интернет]. Доступно по адресу: <https://www.anp.gov.md/raport-statistic>
7. Совет по вопросам равенства. РЕШЕНИЕ от 31 октября 2023 г. по делу № 55/23. 2021;32(3):167–86.
8. ANP. НАЦИОНАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ТЮРЕМ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА. 2026;
9. Брайт А.М., Хиггинс А., Грилиш А. Опыт женщин в области психиатрической помощи в тюрьмах: систематический обзор качественной литературы. Int J Prison Health [Интернет]. 10 мая 2022 г. [цит. 24 февраля 2026 г.];19(2):181. Доступно по адресу: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10427976/>
10. Lovibond, S. H., & Lovibond PF. Руководство по шкалам депрессии, тревоги и стресса. Сидней: Психологический фонд Австралии; 1995 ISBN 7334–1423-0; 1995. Доступно по адресу: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=1262988>
11. Маслах, К., Джексон, С. Э., и Лейтер М. П. (1996). Руководство по шкале выгорания Маслах (3-е изд.). Маунтин-Вью, Калифорния: CPP, Inc. - Ссылки - Scientific Research Publishing [Интернет]. Доступно по адресу: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1850026>
12. Клейнинг Дж. Правила Организации Объединенных Наций об обращении с заключенными-женщинами и мерах, не связанных с лишением свободы, в отношении женщин-правонарушителей (Бангкокские правила). В: Prisoners' Rights [Интернет]. 2018 [цит. 7 марта 2026]. с. 435–57. Доступно по адресу: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-rules-treatment-women-prisoners-and-non-custodial>
13. Фридман Ш., Кемпф А., Кауфман С. Реалии беременности и материнства в условиях лишения свободы. J Am Acad Psychiatry Law [Интернет]. 1 сентября 2020 г. [цит. 7 марта 2026 г.]; 48(3):365–75. Доступно по адресу: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32404363/>
14. ООН. Бангкокские правила ООН — Penal Reform International [Интернет]. 2010. Доступно по адресу: <https://www.penalreform.org/issues/women/bangkok-rules/>
15. Совет Европы. Комитет Совета Европы против пыток публикует отчет о своем визите в Соединенное Королевство в 2021 году — СРТ [Интернет]. 2021 [цитировано 7 марта 2026 г.]. Доступно по адресу: <https://www.coe.int/en/web/cpt/-/council-of-europe-anti-torture-committee-cpt-publishes-report-on-its-2022-ad-hoc-visit-to-moldova>
16. Совет Европы. Тюрьмы в Республике Молдова: Комитет против пыток отмечает прогресс, но требует принятия решительных мер по борьбе с неформальной иерархией среди заключенных — Представительство Совета Европы в Кишиневе [Интернет]. [цитируется 7 марта 2026 г.]. Доступно по адресу: <https://www.coe.int/ro/web/chisinau/-/prisons-in-the-republic-of-moldova-anti-torture-committee-finds-progress-but-calls-for-resolute-action-to-tackle-informal-prisoner-hierarchies>
17. Совет Европы. Отчет СРТ // Заключенные в пенитенциарных учреждениях распределены в соответствии с неформальной иерархией. У одних «роскошные» условия, другие размещены в переполненных камерах [Интернет]. [цитировано 7 марта 2026 г.]. Доступно по адресу: <https://anticoruptie.md/ro/stiri/conditii-de-lux-pentru-unii-detinuti-din-penitenciar-si-celule-supraaglomerate-pentru-altii-ce-au-mai-constatat-raportorii-comitetului-pentru-prevenirea-torturii?tztc=2>
18. Совет Европы. ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ. 2017;
19. Американский союз гражданских свобод. Принудительный труд. Law Sch Glob Hum Rights Clin [Интернет]. 2022; Доступно по адресу: <https://www.aclu.org/publications/captive-labor-exploitation-incarcerated-workers>
20. ANP. Аналитические отчеты | ANP - Национальная администрация пенитенциарных учреждений [Интернет]. Доступно по адресу: <https://anp.gov.md/rapoarte-de-bilant-semestriale-anuale>
21. Омбудсмен Молдовы. Тематический отчет: Безопасность и охрана заключенных в пенитенциарной системе Республики Молдова: реальность и перспективы — Омбудсмен [Интернет]. Доступно по адресу: <https://ombudsman.md/post-document/raport-tematic-siguranta-si-securitatea-detinutilor-in-sistemul-penitenciar-al-republicii-moldova-realitati-si-perspective/>
22. Смит Р. Женщины в тюрьмах. Br Med J [Интернет]. 1984;288(6417):630–3. Доступно по адресу: <https://www.appt.ch/global-report>

23. Долан Р. Беременные женщины в тюрьме: психическое здоровье, поступление в тюремные отделения для матерей и младенцев и первоначальные результаты для матери и ребенка. Университет Манчестера [Интернет]. 2018; Доступно по адресу: <https://research.manchester.ac.uk/en/studentTheses/pregnant-women-in-prison-mental-health-admission-to-prison-mother/>
24. Мюррей Дж., Бийлевельд К.К.Дж., Фаррингтон Д.П., Лёбер Р. Влияние лишения свободы родителей на детей: межнациональные сравнительные исследования. 2014 [цитировано 7 марта 2026 г.]; 224. Доступно по адресу: <https://www.apa.org/pubs/books/4318126>
25. Powell C, Ciclitira K, Marzano L. Разлучение матери и младенца в тюрьме. Систематический обзор научной и серой литературы с акцентом на привязанность. *J Forensic Psychiatry Psychol* [Интернет]. 2 ноября 2017 г.; 28(6):790–810. Доступно по адресу: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14789949.2017.1324580>
26. ПОЗНЕАКОВА В. Закон и жизнь. 2023;82–7. Доступно по адресу: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/82-87_34.pdf
27. Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения. Доклад о состоянии здоровья заключенных в Европейском регионе ВОЗ 2022 [Интернет]. 2022. 1–488 с. Доступно по адресу: <https://www.who.int/europe/publications/i/item/9789289058674>
28. Eichelberger M, Wertli MM, Tran NT. Равноценность медицинской помощи, конфиденциальность и профессиональная независимость должны лежать в основе оказания больничной помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы. *BMC Med Ethics* [Интернет]. 1 декабря 2023 г. [цитировано 7 марта 2026 г.]; 24(1). Доступно по адресу: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36803367/>
29. Hidayati NO, Suryani S, Rahayuwati L, Fitrasanti BI, Ahmad S an. Обзорный обзор исправительных мер для женщин-заключенных с проблемами психического здоровья [Интернет]. Т. 12, Социальные науки. Multidisciplinary Digital Publishing Institute; 2023. с. 452. Доступно по адресу: <https://www.mdpi.com/2076-0760/12/8/452/htm>
30. Казми С.М.А., Исмаил М. Психическое здоровье заключенных: валидация и инвариантность измерений по шкале депрессии, тревоги и стресса (DASS). *Curr Psychol* [Интернет]. 9 июля 2024 г.; 43(32):26154–66. Доступно по адресу: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-024-06280-2>
31. Vigod SN, Rochon PA. Влияние гендерной дискриминации на психическое здоровье женщин [Интернет]. Т. 20, *EClinicalMedicine*. Lancet Publishing Group; 2020. с. 100311. Доступно по адресу: <https://www.thelancet.com/action/showFullText?pii=S2589537020300559>
32. Sdgsreview | Флорида У., Том ; Sdgsreview |, Флорида У| Т.; Сальвадор М. Разрушая цепи, восстанавливая жизни: лишение свободы матерей, благополучие семьи и системы поддержки в контексте ЦУР. *J Lifestyle SDGs Rev* [Интернет]. 7 марта 2025 г. [цитировано 8 марта 2026 г.]; 5(3):e05186. Доступно по адресу: <https://sdgsreview.org/LifestyleJournal/article/view/5186>
33. Употребление наркотиков, зависимость и злоупотребление среди заключенных государственных тюрем и следственных изоляторов, 2007–2009 гг. | Бюро статистики юстиции [Интернет]. Доступно по адресу: <https://nicic.gov/weblink/bjs-drug-use-dependence-and-abuse-among-state-prisoners-and-jail-inmates-2007-2009-2017>
34. Кроссон Дж., Сильвестр Р. Э., Уоршем К. Лишенные доступа к воде: размышления о доступе к воде, санитарии и гигиене в тюрьмах США. *J Water Sanit Hyg Dev* [Интернет]. 1 ноября 2024 г.; 14(11):1146–54. Доступно по адресу: <http://iwaponline.com/washdev/article-pdf/14/11/1146/1510520/washdev2024159.pdf>
35. Кироба-Каррильо А., Феррасес Отеро М. Дж., Лоренцо Моledo М. Гендерная дискриминация в тюрьмах: восприятие женщин-заключенных и тюремных работников. *Societies* [Интернет]. 5 января 2024 г.; 14(1):5. Доступно по адресу: <https://www.mdpi.com/2075-4698/14/1/5/htm>
36. Salisbury EJ, Crawford A. Гендерно-ориентированное лечение для улучшения результатов для женщин и девочек в исправительных учреждениях: основы, ограничения и инновации [Интернет]. Т. 13, *Здоровье и правосудие*. Health Justice; 2025. Доступно по адресу: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40025356/>
37. McCoу EF, Tecotzky S. Как гендер влияет на мнение сотрудников исправительных учреждений о климате в тюрьмах?: Результаты Инициативы по исследованиям и инновациям в тюрьмах [Интернет]. 2026. Доступно по адресу: <https://www.urban.org/research/publication/how-does-gender-influence-corrections-staff-views-prison-climate>
38. UVU. Основные выводы из научной статьи «Восприятие руководителями гендерного (не)равенства на рабочем месте» | UVU [Интернет]. Доступно по адресу: <https://www.uvu.edu/news/school-of-business/2025/key-takeaways-from-leader-perceptions-of-gender-inequality.html>
39. «Решение проблем гендерных представлений и равенства на рабочем
40. Matthews C, Monk-Turner E, Sumter M. Возможности продвижения по службе: как женщины, работающие в исправительных учреждениях, оценивают свои шансы на карьерный рост. *Gender Issues*. 2010;27(1–2):53–66.
41. Паркер К. Гендерная дискриминация чаще встречается в отношении женщин на преимущественно мужских рабочих местах [Интернет]. FactTank. 2018. Доступно по адресу: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/03/07/women-in-majority-male-workplaces-report-higher-rates-of-gender-discrimination/>
42. Исследование: Жалобы женщин на злоупотребления на рабочем месте игнорируются чаще, чем жалобы мужчин [Интернет]. Доступно по адресу: <https://hbr.org/2025/06/research-womens-complaints-of-workplace-abuse-get-ignored-more-than-mens>
43. Schultz WJ, Ricciardeli R. Сотрудники исправительных учреждений и долгосрочные последствия работы в тюрьмах

для здоровья [Интернет]. Т. 13, «Здоровье и правосудие». Health Justice; 2025. Доступно по адресу: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39836266/>

44. Марджи О., Розенблюм Т. Выгорание и деперсонализация среди сотрудников исправительных учреждений в учреждениях безопасности по сравнению с уголовными тюрьмами. J Police Crim Psychol. 1 декабря 2022 г.; 37(4):795–803.